

Matériaux pour servir à l'histoire du mouvement socialiste révolutionnaire en Russie. № 11.

Материалы для Истории Русского Социально-Революционного движения.

XI

Е. СЕРЕБРЯКОВЪ: ОБЩЕСТВО „ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ“.

съ приложениемъ

СЪ РОДИНЫ Й НА РОДИНУ

№ 4

цена 1 ф. 50 с.

Издание группы старыхъ народовольцевъ.

ЖЕНЕВА
ТИПОГРАФИЯ ГРУППЫ.

МАЙ 1894 г.

Иоф 10550-44

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИЯХЪ ГРУППЫ СТАРЫХЪ НАРОДОВОЛЬЦЕВЪ.

Тому нѣсколько мѣсяцевъ образовалась въ средѣ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, живущихъ за границею, изъ нѣсколькихъ лицъ, болѣе близкихъ между собою по убѣжденіямъ, Группа Старыхъ Народовольцевъ для колективнаго содѣйствія русскому соціально-революціонному дѣлу.

Мы, ее составившіе, съ радостью отмѣчаемъ одинъ знаменательный фактъ: большая часть программъ, прокламаций и плановъ дѣятельности, обнародованныхъ въ послѣднее время или инымъ путемъ дошедшіхъ до нашего свѣдѣнія, болѣе или менѣе близки къ старой программѣ Народной Воли конца 70-тыхъ годовъ; предлагаемые измѣненія таковы, что они могли бы быть сдѣланы и прежними народовольцами, если-бы они продолжали свою дѣятельность, принявъ въ соображеніе измѣнившіяся обстоятельства.

Мы увѣрены, что наши товарищи въ Россіи организуютъ тамъ боевую революціонную партію, согласную съ этою программою, и отчасти уже приступили къ этой организаціи; мы увѣрены, что они на самой нашей родинѣ создадутъ агитационную литературу, соответствующую требованіямъ настоящей минуты, и отчасти уже приступили къ ея созданію.

Мы не отказываемся сами предпринимать отъ времени до времени изданія по текущимъ вопросамъ русской жизни и представляемъ каждому изъ нашихъ товарищѣй, входящихъ въ составъ нашей группы, участвовать въ пропагандистской или въ агитационной литературѣ въ связи съ другими группами посвящающими себя подобному дѣлу и принимающими программу, близкую къ нашей.

Но мы имѣемъ въ виду посвятить преимущественно въ настоящую минуту свои литературныя силы болѣе общимъ трудамъ по вопросамъ русского соціально-революціоннаго дѣла. Намъ хотѣлось-бы въ этихъ трудахъ дать необходимую подкладку дѣятельности нынѣшнихъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ; уяснить ихъ связь съ ихъ предшественниками, ихъ связь съ тѣми принципами, которые они унаследовали отъ этихъ предшественниковъ и которые лежать въ основѣ всѣхъ задачъ міроваго соціалистического движения, въ наше время происходящаго.

Мы имѣемъ въ виду коллективными силами предпринять изданіе двухъ сборниковъ статей. Первый изъ нихъ будетъ называться: „Материалы для исторіи русского соціально-революціоннаго

движения": второй: "Основы теоретического социализма въ приложении ихъ къ Россіи". Ихъ содержание опредѣляется самимъ ихъ названіемъ, но прилагаемая оглавленія А и Б уяснять читателю планъ изданій, имѣющихся въ виду.

Каждый вопросъ будетъ обработанъ отдельнымъ лицомъ, принадлежащимъ къ нашей группѣ или согласившимся съ нею по общему пониманію русского соціально-революціоннаго движения и общихъ теоретическихъ основъ соціализма въ ихъ приложении къ Россіи; но всѣ члены группы обязались содѣйствовать каждой отдельной работе, насколько это будетъ для нихъ возможно. Такъ какъ наша группа смотрить на начинаемое ею предпріятіе, какъ на дѣло, полезное всему русскому революціонному движению, безъ различія фракцій, то она считаетъ себя вправѣ разсчитывать на доставленіе ей материаловъ, или вполнѣ обработанныхъ статей, а также свѣдѣній и средствъ для изданій со стороны всѣхъ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ, которые будутъ имѣть возможность ей содѣйствовать.

Порядокъ изданія отдельныхъ статей будетъ совершенно независимъ отъ ихъ мѣста въ общемъ планѣ сборниковъ, и каждая изъ нихъ будетъ появляться по мѣрѣ ихъ изготовления. Мы употребимъ всѣ старанія, чтобы появленіе отдельныхъ статей было не рѣже, какъ каждые два мѣсяца, т. е. чтобы въ годъ появилось ихъ не менѣе шести. Къ каждой изъ появляющихся статей могутъ быть слѣдованы приложения съ особою нумерацией страницъ (общею для всѣхъ приложений), относящіяся къ явленіямъ русской жизни и особенно русского революціоннаго дѣла. Полнота этого отдаѣла будетъ несомнѣнно зависѣть отъ степени содѣйствія нашихъ товарищѣй въ Россіи.

Къ обработкѣ нѣкоторыхъ статей сборниковъ, имѣющихся въ виду, уже приступлено. Каждый сборникъ составить особый томъ.

Мы знаемъ, что нашъ колективный трудъ не можетъ не заключать въ себѣ много недостатковъ и пробѣловъ. Но мы надѣемся, что, добросовѣтно исполненный, онъ дастъ полезный материалъ нашимъ товарищамъ въ Россіи для ихъ пропаганды и для ихъ полемики съ противниками и съ сомнѣвающимися. Мы желали-бы, чтобы въ этомъ трудѣ наши товарищи нашли правдивое сказаніе о томъ, какъ страдали, боролись, успѣвали и гибли ихъ предшественники, завѣщаю преемникамъ или свѣтлую мысль или энергическое дѣло; нашли и вѣрное указаніе на тѣ незыблѣмые основы, научные и нравственные, которыя всегда должны служить опорою дѣятельности соціалиста, какъ ни были-бы разнообразны практическія задачи, предъ нимъ возникающія.

Начиная изданіе, которое потребуетъ не мало труда и довольно значительныхъ средствъ, мы ждемъ отзыва и содѣйствія отъ нашихъ товарищѣй въ Россіи и за-границей, чтобы знать, нуждаются-ли они точно въ нашемъ изданіи и слѣдуетъ-ли намъ продолжать его.

A. Матеріалы для истории русского соціально-революционного движенія.

- 1) Исторія, соціализмъ и русское движеніе (вместо введенія).
- 2) Русское общество и русскій народъ до декабристовъ.
- 3) Декабристы.
- 4) Николаевщина, либерализмъ и народничество.
- 5) Соціализмъ и эпоха реформъ.
- 6) Герценъ.
- 7) Чернышевскій.
- 8) Бакунинъ.
- 9) Десятилѣtie 1863—1873 года.
- 10) Народники 1873—1878 года.
- 11) Земля и Воля.
- 12) Народная Воля 1879—1885 года.
- 13) Рабочія организаціи 1878—1885 года.
- 14) Националистические элементы и соціализмъ.
- 15) Фракціи 1885—1892 года.
- 16) Иностранныя пресса и русское движеніе.
- 17) Выводы исторіи соціализма въ Россіи.

B. Основы теоретического соціализма и ихъ приложение къ Россіи.

I. Общая часть.

- 1) Условія развитія и цѣли соціализма.
- 2) Борьба классовъ и рабочія партіи.
- 3) Эволюція и Революція.

II. Особенности Россіи.

- 4) Русское землевладѣніе: крестьянство и община.
- 5) Капитализмъ и рабочій классъ въ Россіи.
- 6) Русская интеллигентія и революція.

Адреса для простой и денежной корреспонденціи за-границею:

M. Bokhanovsky, 4, Chemin de la Tour. Geneve.
M. Elie Reclus, 72, B-d de Port-Royal. Paris.

ОБЩЕСТВО „ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ“.

I

Массовое движение русской социалистической молодежи въ народъ съ цѣлью пропаганды окончилось весною 1874 года страшнымъ погромомъ. Около тысячи человѣкъ было арестовано; а немногіе уцѣлѣвшіе пропагандисты должны были спасаться въ города, ибо и прежде трудное пребываніе въ деревнѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ въ эту минуту. Правительство забило тревогу; сыщики и жандармы стали рыскать по всѣмъ угламъ Россійской Имперіи; мѣстная власти насторожили уши; со всѣхъ сторонъ посыпались анонимные и открытые доносы, — такъ что не только съ цѣлью пропаганды, но даже безъ всякой цѣли интеллигентъ не могъ показаться въ незнакомую деревню, не рискуя быть схваченнымъ и доставленнымъ, куда слѣдуетъ.

Арестовавъ тысячу человѣкъ, правительство думало, что нанесло смертельный ударъ русской революції. Но въ дѣйствительности оно этими арестами только ускорило переходъ русской революціонной партіи изъ одного фазиса въ другой. Уцѣлѣвшіе пропагандисты не пали духомъ и не потеряли вѣры въ свое дѣло. Они даже, какъ будто, прониклись новой энергией. Возвратившись въ города, пропагандисты первымъ дѣломъ принялись за пополненіе своихъ рядовъ, сильно порѣдѣвшихъ. Пополнить ихъ они, конечно, могли прежде всего только въ той средѣ, изъ которой вышли сами,

т. е. среди учащейся молодежи. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали имъ: съ одной стороны, осенью 74 г. былъ невѣроятно большой наплывъ молодежи въ университетскіе города, особенно въ Петербургъ, гдѣ Медицинская Академія и Технологической Институтъ стали принимать гимназистовъ, не имѣвшихъ аттестата зрѣлости; съ другой, беспорядки, возникшіе въ Медицинской Академіи вслѣдствіе арестовъ иѣшкольскихъ студентовъ за демонстрацію противъ Циона, привели къ закрытію всего заведенія, что вызвало сильное броженіе и недовольство между молодежью. Взволнованная молодежь была весьма воспріимчива къ пропагандѣ соціалистическихъ идей, и убыль революціонеровъ быстро пополнилась съ избыткомъ.

Но многихъ изъ побывавшихъ въ народѣ соціалистовъ занимало не одно пополненіе рядовъ. Приходилось подводить итоги и думать о новомъ пути. Невольно возникалъ вопросъ: неужели такъ будетъ дальше? Болѣе тысячи человѣкъ погибло, а кого они распространяли пропагандировали? Какіе результаты принесла эта пропаганда? Почти никакихъ. И приходилось сознаться, что дѣло велось слишкомъ наивно, да иначе и не могло быть. Молодые горячіе юноши, проникнутые идеей общественного переустройства, думали, что стоять имъ надѣть мужицкую одежду, научиться немного физическому труду, — и путь въ крестьянскую среду и къ сердцу народа для нихъ открыть. Хоть сколько-нибудь централизованной организаціи и дисциплины не только не существовало, но большинствомъ эти вещи принципіально отрицались. Дѣло обстояло такъ: была масса независимыхъ группъ, сплошь отличавшихся между собою какъ по числу, такъ и по составу членовъ; люди группировались не согласно общему организаціонному плану, а на основаніи личныхъ симпатій и дружбы; общее направленіе всѣхъ этихъ группъ было соціалистическое. Всѣми признавалось необходимымъ сбросить съ себя барскую оболочку и подъ видомъ простыхъ рабочихъ идти про-

пагандировать въ народъ. Но на степень обязательной для пропагандиста научной подготовки и роли его въ народъ существовали самые разнообразные взгляды, которые въ общемъ складывались, впрочемъ, въ два главныхъ течения, лавристовъ и бакунистовъ. Лавристы, какъ послѣдовательные пропагандисты, видѣли въ пропагандѣ главное средство, могущее вести къ радикальному измѣненію современного строя. Они признавали, что только сознательное усвоеніе соціалистическихъ идей большинствомъ народа можетъ обезпечить успѣхъ революціоннаго возстанія и выработки новаго порядка вещей. Бакунисты утверждали, что народъ самъ знаетъ свое положеніе, а что миссія пропагандиста главнымъ образомъ агитационная: онъ долженъ лишь указать народу на возможность выхода изъ настоящаго положенія путемъ всеобщаго возстанія. Что-же касается будущаго строя, то бакунисты ничего не предрѣшали: по ихъ мнѣнію народъ самъ, безъ всякихъ указокъ, съумѣетъ опредѣлить и создать совершиенный типъ общественной организаціи. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ направленій была масса кружковъ всевозможныхъ оттѣнковъ. Всѣ эти кружки, — а во многихъ случаяхъ и отдельныя лица — дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, каждый по своему. Кто изъ революціонеровъ идетъ къ сектантамъ; кто ведетъ дѣло осторожно, сначала намѣчая въ народѣ годныхъ для пропаганды лицъ и поюմъ уже входя съ ними въ сношенія; а кто созываетъ въ деревняхъ сходъ, читаетъ прокламаціи или держитъ рѣчь; иной, наконецъ, и просто разбрасываетъ и раздаетъ революціонныя книги, гдѣ и какъ попало.

Не сознавая еще ясно необходимости общей организаціи и дисциплины, а подчастъ и отрицая въ теоріи эту необходимость, пропагандисты на практикѣ вынуждены были постоянно приходить въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, вести сношенія въ виду того или другаго содѣйствія, или для полученія того или другаго свѣдѣнія. А это влекло за собою, вслѣдствіе

отсутствія объединяющаго центра, обширную переписку, встрѣчу массы посредниковъ: изъ-за какой-нибудь ничтожной справки, полученія тѣхъ или другихъ книжекъ, пропагандисту нерѣдко приходилось войти въ сношенія чуть-ли не съ цѣлой сотней лицъ. Въ концѣ концовъ пропагандисты и безъ организаціи оказались связанными другъ съ другомъ, во многихъ случаяхъ, даже не подозрѣвая этого. Получилась какая-то странная организація, при которой каждый дѣлаетъ что хочетъ, но его ошибки и промахи отзываются на всѣхъ. Это-то и дало возможность правительству произвести почти одновременно аресты по всей Россіи и забрать сразу до тысячи пропагандистовъ: захвативъ одно лицо, оно за нимъ тянуло цѣлую вереницу лицъ, а за этими новыхъ, и новыхъ, и такъ безъ конца. Постепенно революціонеры стали приходить къ заключенію, что бродячая пропаганда, да еще въ разсыпную, безъ организаціи, безъ общаго плана дѣйствія, не приведетъ ни къ чему другому, какъ къ бесполезнымъ проваламъ.

Но не только способъ пропаганды, — и сама пропаганда начала подвергаться критикѣ. Сталкиваясь съ народомъ, пропагандисты волей-неволей должны были убѣдиться въ неподготовленности массъ къ восприятію соціалистического ученія въ его цѣломъ. Вотъ что пишетъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ пропагандистовъ*): „Были пропагандисты талантливые, умные и производили впечатлѣніе несомнѣнно глубокое. Но что говорили пропагандисты народу? Какія ихъ рѣчи приходились ему больше всего по душѣ и раскрывали ее, душу-то народную? Не соціализмъ и не анархія, конечно, а самые животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни: безземеліе и тягота податей и были всегдашимъ предметомъ постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ.

*.) Неподписаныя „воспоминанія“ одного землевольца, хранящіяся въ архивѣ Группы.

Здесь пропагандистъ былъ неуязвимъ; знаніе, которымъ онъ обладалъ, давало ему возможность обобщить данные частные факты и освѣтить ихъ болѣе яснымъ свѣтомъ. И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче его рѣчъ и остроумнѣе сопоставленія, тѣмъ болѣе онъ овладѣвалъ вниманіемъ своихъ слушателей. Но стоило только тому-же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно измѣнялось. Не то чтобы его не хотѣли совсѣмъ слушать („пошто не послухать?“) — а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: „не любо — не слушай, а лгать — не мѣшай“. Пропагандисты тойда-же почувствовали, что тутъ кроется что-то неладное, но торопливость, съ какою велась пропаганда, не позволяла вдуматься въ глубокое значеніе этого факта, проанализировать его съ необходимою серьезностью“.

Итакъ, какъ результатъ наблюденія въ народѣ, среди революціонеровъ постепенно стало слагаться убѣженіе, что пропаганда соціалистическихъ идей въполномъ ихъ объемѣ не можетъ при теперешнемъ развитіи народа имѣть успѣхъ; но что общественный идеалъ, который живетъ въ народѣ въ настоящее время, по существу не противорѣчитъ требованіямъ соціализма; что общинные порядки и правовые его взгляды (напр. значеніе „трудового начала“ въ обычномъ правѣ) могутъ послужить основаніемъ для перехода отъ настоящаго строя къ соціалистическому, — нужно только уничтожить все, препятствующее развитію „истинныхъ народныхъ стремленій“, т. е. избавить его отъ экономического и политического гнета государства; что это должно быть и можетъ быть произведено только самимъ народомъ; и что надо, слѣдовательно, съорганизовать въ народѣ силу, могущую противостоять правительственной организаціи, а для этого необходимо вести агитацию на почвѣ народныхъ интересовъ. Это убѣженіе все болѣе и болѣе выяснялось, все болѣе и болѣе пріобрѣтало послѣдователей и къ 1876 году подъ именемъ „народничества“ охватило почти

всѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ того времени кро-
мѣ лавристовъ.

По мѣрѣ того, какъ развивалось народничество, са-
мо собою разумѣется, оно требовало отъ революціоне-
ровъ новой тактики. Вмѣсто кочевой пропаганды изъ
села въ село была необходима осѣдлость въ дерев-
няхъ, въ видѣ устройства мастерскихъ, поселеній; необходи-
мо было занятіе мѣстъ фельдшеровъ, фельд-
шерицъ, волостныхъ писарей и проч. Для того чтобы
организовать народъ, надо было имѣть прочное положе-
ніе среди него въ данной мѣстности. Та-же идея орга-
низаціи народа требовала не одиночекъ-поселенцевъ, а
группъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ результатъ всего это-
го, росло сознаніе необходимости болѣе правильной
общей организаціи самихъ революціонныхъ силъ. Къ
осени 1876 г. это сознаніе настолько выяснилось, что
перешло на реальную почву: организовалось общество
„Земля и Воля“, являющееся представителемъ второ-
го периода революціонной дѣятельности „народниче-
ства“.

II

Въ это время въ Петербургѣ существовалъ кружокъ,
образовавшійся изъ остатковъ чайковцевъ и нѣкото-
рыхъ другихъ присоединившихся къ нему лицъ. Су-
ществовалъ онъ съ 75-го года и пріобрѣлъ себѣ нѣ-
которую известность въ революціонномъ мірѣ устрой-
ствомъ побѣга Кропоткина и участіемъ въ демон-
страціи по случаю смерти Чернышева. И вотъ когда
назрѣла потребность въ объединеніи революціонныхъ
силъ въ правильную организацію, этотъ кружокъ, вмѣ-
стѣ съ нѣкоторыми другими, довольно тѣсно связанными
съ нимъ, кружками Петербурга и Москвы, явил-
ся центромъ объединенія.

Осенью 1876 г. пріѣхали въ Петербургъ представи-
тели отъ харьковско-ростовскихъ кружковъ (въ томъ

числѣ Осинскій и Боголюбовъ), чтобы вступить въ переговоры съ этой группой петербургско-московскихъ кружковъ. Начатые переговоры окончились полнымъ соглашеніемъ. Харьковско-ростовскіе кружки вполнѣ присоединились къ сѣвернымъ, образовавъ вмѣстѣ съ ними общество „Земля и Воля“.

Вотъ какъ описываетъ свои впечатлѣнія о моментѣ созданія этой организаціи только-что прїехавшій въ Петербургъ Александръ Михайловъ въ своей автобіографії:*) „Одними изъ моихъ первыхъ знакомыхъ были Оболяшинъ (Сабуровъ) и его компанія, Михаилъ Поповъ съ компаніей, Иви — чъ и Соловьевъ, Ольга Натаансонъ и ея друзья. Эти нѣсколько человѣкъ были вполнѣ однomyслиющими, но такъ какъ среди нихъ были люди во всемъ выше меня стоявшіе, то я сталъ ихъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ. Въ теоріи выдвигалось новое народническое направление, чрезвычайно мнѣ сочувственное; на практикѣ строилась организація, соотвѣтствовавшая моимъ мечтамъ. Я пользовался довѣріемъ и могъ прилагать свои силы къ самымъ интимнымъ революціоннымъ дѣламъ. Я былъ счастливъ, что стоялъ на желанной дорогѣ; я уважалъ и высоко цѣнилъ своихъ новыхъ товарищѣй. Но и въ новой средѣ я, Оболяшинъ и Ольга Натаансонъ выдѣлялись горячимъ отношеніемъ къ организаціоннымъ задачамъ. Въ кружкѣ народниковъ, который легъ въ основаніи проекта организаціи революціонныхъ русскихъ силъ и въ который я, вмѣстѣ съ другими упомянутыми лицами, вошелъ какъ членъ-учредитель, всѣ мои помыслы были сосредоточены на расширениіи практической выработки и развитія организаціи. Въ характерахъ, привычкахъ и нравахъ самыхъ видныхъ дѣятелей нашего общества было много явно губительного и вреднаго для роста тайного общества; но недостатокъ ежеминутной осмотрительности, разсѣянность, а иногда и просто недостатокъ воли и сознательности

*) „На Родинѣ“, № 3 стр. 16.

мѣшали передѣлкѣ, перевоспитанію характеровъ членовъ соотвѣтственно организаціи мысли. И вотъ я и Оболяшинъ начали самую упорную борьбу противъ широкой русской натуры. И надо отдать справедливость — едва-ли можно было сдѣлать съ нашими слабыми силами болѣе того, что мы сдѣлали. Сколько выпало на нашу долю непріятностей, иногда даже насмѣшекъ! Но все-таки, въ концѣ концовъ, сама практика заставила признать громадную важность для дѣла нашихъ указаний, казавшихся иногда мелкими. Мы также упорно боролись за принципы полной кружковой обязательности, дисциплины и иѣкоторой централизованности. Это теперь всѣми признанныя истины, но тогда за это въ своеи-же кружкѣ могли глаза выцарапать, клеймить якобинцами, генералами, диктаторами и проч. И опять таки сама жизнь поддержала насъ — эти принципы восторжествовали“.

Общество „Земля и Воля“ имѣло цѣлью объединить всѣ революціонные элементы въ одну партію и двинуть ихъ на работу въ народныхъ массахъ, съ цѣлью организовать тамъ такую силу, которая съумѣла-бы въ благопріятный моментъ или сама вызвать всеобщее восстаніе, или-же, воспользовавшись самостоятельнымъ восстаніемъ, дать возможность этому восстанію побѣдить правительство. Программа общества была такова:

Программа Сѣверно-руссскаго общества
„Земля и Воля“.

„Вѣковой разладъ свой съ государствомъ и высшими классами русскій народъ выразилъ въ революціонной формулѣ „Земля и Воля“.

„Эта формула служила девизомъ классовыхъ народныхъ движеній и, въ сжатомъ видѣ, выражаетъ всѣ стремленія и требованія, до которыхъ додумалась самобытная народная мысль, возвышалась народно-революціонная инициатива.

„Становясь на сторону народа, революціонная интелигенція не можетъ игнорировать формулы выраженія

народныхъ воззрѣній и народнаго недовольства, сохранившей все свое значеніе и до настоящей минуты.

„Эта формула должна служить девизомъ объединенія революціонной интелигенціи съ угнетеннымъ народомъ.

„Сѣверно-русская революціонная организація соціалистовъ-Федералистовъ пишетъ ее на своемъ знамени, считая однако своею обязанностью освѣтить и расширить эту формулу на основаніи выводовъ и данныхъ современнаго соціализма.

„Поэтому общество „Земля и Воля“ объявляетъ себя солидарнымъ съ программою „русскихъ соціалистовъ-Федералистовъ“, а вслѣдствіе этого и съ принципами Международной Ассоціаціи Рабочихъ.

„Взвѣшивая различныя стороны современныхъ общественныхъ отношеній въ сѣверной Россії*) съ точекъ зрењія изложенныхъ въ программѣ русскихъ соціалистовъ-Федералистовъ руководящихъ принциповъ, общество „Земля и Воля“ признаеть:

„а) такъ какъ въ настоящее время крестьянство составляетъ въ этой части Россіи коренную силу въ экономическомъ и численномъ отношеніяхъ;

„б) такъ какъ, вслѣдствіе своихъ исконныхъ воззрѣній на трудъ, какъ на единственную основу движимой и недвижимой собственности, крестьянство не признаетъ права на землю за тѣми, кто не обрабатываетъ ее своими руками;

„в) такъ какъ это противорѣчіе между правовыми воззрѣніями крестьянства и высшихъ классовъ выражается въ повсемѣстномъ почти и очень напряженномъ ожиданіи земельного передѣла, т. е. отобранія земли у высшихъ сословій и передачи ея въ руки земледѣльцевъ;

„г) такъ вслѣдствіе сохраненія поземельной об-

*) Называя себя Сѣверно-русскимъ, общество „Земля и Воля“ относить къ району своей дѣятельности и мѣстности юго-восточной Россіи, въ которыхъ условія быта сельскаго населенія приняли формы, характеристичныя для русскаго сѣвера.

щины, какъ преобладающей формы крестьянского землевладѣнія въ сѣверо-восточной Россіи, переходъ земли въ руки народа знаменовалъ-бы собою уничтоженіе частнаго землевладѣнія и замѣну его коллективнымъ;

„д) какъ при современномъ состояніи орудій народной промышленности, артельная организація промысловъ является слѣдствіемъ общинныхъ привычекъ народа, выросшихъ на почвѣ коллективнаго землевладѣнія;

„е) такъ какъ трудящееся населеніе центровъ крупной промышленности въ сѣверо-восточной Россіи не разорвало еще связи съ деревней и, кромѣ того, по своей малочисленности не можетъ даже начать борьбы за свои интересы, помимо союза съ крестьянствомъ;

„—то, на основаніи всего вышеизложеннаго возможно скорѣйшес совершеніе ожидаемой народной аграрной революціи было-бы весьма существенно, какъ переходная ступень для полнаго переустройства общества на соціалистическихъ основаніяхъ. А потому сосредоточеніе главныхъ силъ общества „Земля и Воля“ въ деревнѣ съ цѣлью агитациіи на почвѣ вышеуказанныхъ требованій земельного передѣла и организаціи народно-революціонныхъ силъ является одною изъ главнѣйшихъ задачъ его.

„Необходимымъ дополненіемъ къ революціонной дѣятельности въ деревнѣ общество „Земля и Воля“ считаетъ пропагандистическую, агитационную и организаторскую дѣятельность въ средѣ промышленныхъ рабочихъ.

„*Прилічаніе.* Что касается агитациіи между городскими рабочими, то, въ виду отсутствія въ этой средѣ такихъ общераспространенныхъ требованій какъ земельный передѣлъ въ крестьянствѣ, агитациія на почвѣ частныхъ поводовъ недовольства — стачки, вопросъ о заработной платѣ, величинѣ рабочаго дня и прочее — пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе. Пріемы революціонной дѣятельности общества „Земля и Воля“ должны разнообразиться согласно мѣстнымъ экономи-

ческимъ, историческимъ, этнографическимъ и другимъ особенностямъ.

„Признавая, что современные условия въ Россіи выдвигаютъ на первый планъ агитацию во имя земельного передѣла, признавая необходимость пользоваться частными специальными поводами народного недовольства, при чмъ на обязанности революціонера лежитъ возможно-большее расширение района народныхъ волнений и внесеніе въ нихъ болѣе широкой революціонной идеи, общество „Земля и Воля“ считаетъ социалистическую пропаганду весьма важнымъ средствомъ созданія сознательного меньшинства въ рядахъ народно-революціонной организаціи.

„Къ числу агитационныхъ средствъ въ мѣстностяхъ, гдѣ народное недовольство принимаетъ особенно острый характеръ, общество „Земля и Воля“ относить терроризацию правительенныхъ чиновниковъ, кулаковъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ и т. п.

„Въ виду того, что всякая форма государственной организаціи, основанной на различіи классовъ, является воплощеніемъ и поддержкой интересовъ эксплуатируемаго меньшинства, что современное россійское государство является самымъ беззастѣничнымъ и самымъ грубымъ выражителемъ этой тенденціи, общество „Земля и Воля“ признаетъ необходимость непосредственной борьбы съ его представителями, то есть такъ называемаго террора политического.

„Однако общество „Земля и Воля“ признаетъ, что сосредоточеніе на этой борьбѣ не только всѣхъ, но даже и главныхъ его силъ поставило-бы его въ противорѣчіе съ указанными выше задачами аграрной революціи.

„Въ виду возможности конституціоннаго движенія въ Россіи, общество считаетъ необходимымъ воспользоваться естественнымъ въ такой моментъ возбужденіемъ умовъ, чтобы ослабить вѣру народа въ значеніе мирныхъ легальныхъ реформъ. Напримѣръ, во время избирательной агитациіи оно можетъ выставить даже и

своихъ кандидатовъ съ соціально-революціонной программой. Отношеніе къ такой программѣ громаднаго парламентскаго большинства послужило-бы одной изъ иллюстрацій того положенія, что народу остается надѣяться лишь на революцію“.

Общество „Земля и Воля“, въ виду предстоящей ему разнообразной дѣятельности, раздѣлилось на слѣдующія группы: 1) администрація, или центръ; 2) группа для пропаганды среди молодежи; 3) рабочая группа для пропаганды среди рабочихъ; 4) группа дезорганизаторская; 5) деревенщики, для непосредственной организаціи народа. Кромѣ того, скоро выработался такъ называемый Совѣтъ, какъ выразитель мнѣнія всѣхъ тѣхъ членовъ общества, которые фактически могли въ извѣстный моментъ дать свой голосъ по какому-либо важному и въ то-же время экстренно-му дѣлу. Вотъ что пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о назначеніи и роли этихъ группъ одинъ изъ серіозныхъ землевольцевъ, который участвовалъ въ „Земль и Волѣ“ съ самаго ея начала до конца (имени его къ сожалѣнію я не могу упомянуть):

„А) Администрація („центръ“). — Она, какъ название ея показываетъ, вѣдала всѣ дѣла общества. Мѣсто-пребываніемъ администраціи должна была быть обязатель-но столица (Петербургъ). Составъ ея мѣняется, и члесны ея выбираются по большинству голосовъ. Это бы-ла самая дѣятельная группа при основаніи общества. Да иначе и не могло быть. Работа была самая египет-ская. Помимо того, что группа управляла всѣми дѣла-ми общества, она еще служила бюро для всевозмож-ныхъ справокъ постороннимъ лицамъ. Въ рукахъ ад-министраціи была и „небесная канцелярія“ (паспор-ное отдѣленіе, фабрикація паспортовъ), а это одно поглощало много времени, особенно впослѣдствіи, когда запросъ на паспорта увеличился до нельзя. Это выну-дило администрацію образовать особую паспортную группу съ ея подраздѣленіями. Какъ ни велико было значеніе администраціи, но она не могла сдѣлать серь-

ециаго шага, не спросивши разрѣшенія *Совѣта*, а въ очень важныхъ случаяхъ и согласія всѣхъ членовъ общества. Совѣтъ собственно не составлялъ отдельной группы съ опредѣленными обязанностями. Да и составъ его крайне измѣнялся. Въ него со включеніемъ Администраціи входили тѣ члены общества, которые постоянно или временно находились въ Петербургѣ по своимъ дѣламъ. Когда предстояло дѣло, не терпящее отлагательства, то Администрація обыкновенно обращалась за совѣтомъ и указаніями ко всѣмъ находящимся въ наличности членамъ общества. Практика укрѣпила этотъ обычай, и Совѣтъ сталъ существовать *фактически*, какъ очень полезная пружина въ общемъ механизме управления.

„Б) *Штаблінгештадтская группа*. — Пропаганда, агитациѳ и организація въ средѣ молодежи.

„В) *Рабочая группа*. — То-же въ средѣ рабочихъ.

„Г) „*Деревенщина*“. — Самая многочисленная группа, по пришемъ дѣятельности которой была провинція вообще.

„Д) *Дезорганизаторская группа*. — Характеръ дѣятельности этой группы, тѣ широкія полномочія, которыя она получила отъ общества, сразу поставили ее въ исключительное положеніе. Дезорганизаторская дѣятельность, въ широкомъ смыслѣ этого слова, имѣла цѣлью рядомъ разнообразныхъ дѣйствій и положеній ослабить правительственный механизмъ, внося въ него элементы вражды и разложения. Членамъ этой группы вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность завязывать сношенія съ разнообразными лицами правительственныхъ сферъ, съ тѣмъ, чтобы, при помощи этихъ послѣднихъ, открывалась возможность къ занятію важныхъ для революціонныхъ цѣлей должностей. Въ специальному смыслѣ дезорганизаторская дѣятельность прослѣдовала слѣдующія цѣли: 1) освобожденіе изъ-подъ ареста товарищей; 2) защита отъ правительственного произвола. Уже тогда было известно, что правительственные лица, особенно въ тюрьмахъ, позволяютъ себѣ возмутительные поступки съ заключенными, чтобы

вынудить у нихъ нужные имъ показанія. Въ виду этого общества „Земля и Воля“, не задаваясь непосредственною цѣлью борьбы съ правительствомъ, сочло тѣмъ не менѣе нужнымъ создать группу для специальныхъ случаевъ такой борьбы, когда этого, напримѣръ, требовала честь всей революціонной партіи. 3) Самозащита. Случай измѣны уже были въ то время, а въ виду ресширяющагося изо дня въ день революціоннаго движенія ихъ слѣдовало естественно ждать и въ будущемъ. Потому общество возложило на дезорганизаторовъ обязанность, въ случаѣ несомнѣнно доказанной измѣны того или другаго лица, „изять это послѣднее изъ обращенія“, т. е.. убить. Необходимость и возможность этой мѣры доказаны впослѣдствіи опытомъ. По уставу общества, дезорганизаторской группѣ были предоставлены широкія полномочія и значительныя матеріальныя средства. Дезорганизаторская группа имѣетъ право образовать секцію съ такимъ-же направлениемъ вездѣ, гдѣ по обстоятельствамъ она найдеть это нужнымъ. Всѣ предпріятія дезорганизационнаго свойства должны вестись строго-конспиративно. Администрація или Совѣтъ должны лишь знать въ самыхъ общихъ чертахъ о предполагаемомъ дезорганизаторскомъ поступкѣ; всякия-же детали остаются въ глубокой тайне“.

Что касается собственно устава общества, то у того-же автора мы находимъ на этотъ счетъ иѣсколько общихъ указаний безъ всякихъ подробностей. Между промытымъ каждой группѣ и каждому члену группы вмѣнялось въ обязанность всячески вызывать образованіе новыхъ секцій, преслѣдующихъ тѣ-же цѣли и потому-же плану, что и общество. Примыкая къ нему, секціи сохраняютъ полную автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Въ виду возможной убыли членовъ, основателю секціи дается право привлекать къ обществу тѣхъ или другихъ лицъ, согласно уставу. Наконецъ, уставъ требовалъ годичнаго пересмотра программы.

Зима 76-77 гг. прошла для общества „Земля и Воля“, главнымъ образомъ, въ организаціонной работѣ. Велись переговоры съ киевскими и одесскими революціонерами насчетъ присоединенія ихъ къ обществу. Полного присоединенія однако не состоялось, но были установлены тѣсныя федеративныя отношенія. Были собраны справки по всей Россіи объ отдельно стоящихъ кружкахъ и лицахъ народническаго направленія, и многіе изъ этихъ кружковъ и лицъ были присоединены къ обществу. Эта усиленная дѣятельность не пропала даромъ: всмѣсто разрозненныхъ группъ революціонеровъ возникла довольно крупная, тѣсно сплоченная организація, которая могла начать дѣйствія по опредѣленному плану и противопоставить организованной силѣ правительства организованную силу революціонеровъ. Кроме этой работы по расширению и упроченію общества, часть членовъ его продолжала заниматься пропагандой среди молодежи и рабочихъ. Наконецъ дѣятельно велись и приготовленія къ поселеніямъ.

Въ эту-же зиму произошло событие, на первый взглядъ представлявшее неудачу для общества, но имѣвшее большое косвенное вліяніе въ будущемъ. Члены партіи, занимавшіеся пропагандой среди рабочихъ, составили преувеличенное понятіе о числѣ распространенныхъ и о степени ихъ революціонности. Они утверждали, что возможно собрать нѣсколько тысячъ рабочихъ на площади въ Петербургѣ. Ихъ увлеченіе передалось и другимъ членамъ партіи, и вотъ решено устроить публичную манифестацію, которая была-бы въ нѣкоторомъ родѣ смотромъ рабочими силамъ въ Петербургѣ, а всмѣсть съ тѣмъ познакомила-бы общество съ задачами и стремленіями русской революціонной партіи. Вообще, этой манифестаціи придавалось огромное агитационное значеніе какъ для рабочихъ, такъ для молодежи и для общества. Было решено собраться 6-го декабря на молебень въ Казанскомъ соборѣ, и если сойдется рабочихъ не менѣе

двухъ-трехъ тысячъ, выйти изъ церкви на площадь, развернуть красное знамя, произнести приличествующую данному случаю рѣчъ и потомъ, смотря по обстоятельствамъ, пройтись по городу или разойтись. Но, во всякомъ случаѣ, непремѣннымъ условіемъ начала демонстраціи было поставлено присутствіе не менѣе двухъ тысячъ человѣкъ манифестантовъ. Однако, вопреки принятому рѣшенію, хотя и собралось только 200-300 человѣкъ, нашелся ораторъ, который началъ говорить рѣчъ; явившіеся столпились вокругъ него на площади и развернули знамя. Дѣло кончилось, конечно, такъ, какъ многие предвидѣли. Въ виду малочисленности манифестантовъ, полиція направила на нихъ дворниковъ, сидѣльцевъ сосѣднихъ лавокъ и проч., и началось поголовное избіеніе. Человѣкъ 20 было арестовано, а другіе успѣли разбѣжаться. Въ первую минуту эта демонстрація произвела удручающее впечатлѣніе. Но правительство само постаралось исправить ошибку революціонеровъ. Безобразно жестокой приговоръ надъ казацами вызвалъ общій крикъ негодованія и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ обществу, что демонстрація, очевидно, уже не такъ была смѣшна, если правительство вынуждено было прибѣгнуть къ столь суровымъ мѣрамъ.

III

Весною 1877 г. значительная часть Общества двинулась въ провинцію заводить поселенія съ цѣлью агитациіи и организаціи народа. Явились поселенія въ Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губ., на Кубани и на Дону. Устраивались они приблизительно такъ: выбравъ мѣстность для поселенія, группа отправлялась въ ближайшій городъ, оставляла тамъ одного или иѣсколькихъ изъ своихъ членовъ, которые становились центромъ, остальные-же члены разселялись по всему району данной мѣстно-

сти. При разселеніи по деревнямъ революціонеры въ это время стремились занять другое положение чѣмъ въ періодъ пропаганды. „Прежнее догматическое утверждение*), требовавшее, чтобы революціонеръ отправлялся въ народъ въ качествѣ чернорабочаго, потеряло свою безусловную силу. Положеніе человѣка физическаго труда признавалось по прежнему весьма желательнымъ и цѣлесообразнымъ, но безусловно отрицалось положеніе бездомнаго батрака, ибо оно никакимъ образомъ не могло винуть уваженія и довѣрія крестьянства, привыкшаго почитать материальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность, — а потому настоятельною необходимостью считалось занять такое положеніе, въ которомъ революціонеру при полной материальной самостоятельности открывалась бы широкая возможность прійти въ наибольшее соприкосновеніе съ жителями данной мѣстности, входить въ ихъ интересы и пользоваться влияниемъ на ихъ общественные дѣла. Въ силу этого люди устраивались хозяйственнымъ образомъ въ положеніи всякаго рода мастеровыхъ, заводили фермы, мельницы, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ, врачей и проч. Особенно желательнымъ считалось, чтобы въ средѣ поселенцевъ былъ по крайней мѣрѣ хоть одинъ человѣкъ изъ уроженцевъ данной мѣстности“.

Устройство поселеній съ первыхъ-же шаговъ встрѣтило массу препятствій. Начальство было на сторожѣ, и поселенцамъ приходилось часто бросать устроенные мастерскія и оставлять занятыя должности, переѣзжать въ новые мѣстности подъ новыми фамиліями. А тамъ опять повторялся то-же самое, и рѣдко-рѣдко когда удавалось поселенію просуществовать иѣсколько мѣсяцевъ или годъ. Но за то въ этихъ исключительныхъ случаяхъ революціонеры заслуживали любовь, уваженіе и довѣріе крестьянъ. Недаромъ иѣкоторые пред-

*.) Неизданныя воспоминанія землевольца.

ставители администрации и земства, узнавши, что лица, съ которыми они по разнымъ дѣламъ сталкивались, принадлежать къ соціалистической партіи, говорили, что если всѣ соціалисты таковы, то они вскорѣ завоюютъ народъ. Такъ, наприм., даже сельскій священникъ давалъ о Гартманѣ показанія весьма благопріятныя и былъ страшно пораженъ, услышавъ, что его знакомецъ — одинъ изъ участниковъ „злодѣйского“ покушенія. Но, повторяю, мало-мальски прочныя поселенія были рѣдкимъ исключеніемъ: въ большинствѣ случаевъ, въ виду гоненій, поселенцамъ приходилось постоянно перекочевывать. Приведу для характеристики то мѣсто изъ обвинительного акта по дѣлу Соловьева, въ которомъ говорится о его пребываніи въ Самарской и Саратовской губерніяхъ.

Весною, въ 1877 году, „съ открытиемъ навигаціи онъ, Соловьевъ, отправляется въ Самару. Еще ранѣе этого, въ Самарѣ образовался кружокъ соціалистовъ-революціонеровъ, въ которомъ не послѣднюю роль игралъ иѣкто Маркъ Николаевичъ Платоновъ, оказавшійся впослѣдствіи Юріемъ Богдановичемъ, чрезъ посредство которого сблизился съ этимъ кружкомъ, по пріѣздѣ въ Самару, Александръ Соловьевъ. Къ этому-же кружку принадлежали, между прочими лицами, какой-то Григорій Ивановъ Лебедиццевъ, настоящія имя и званіе которого остаются до сихъ поръ неизвѣстными, и Марья Лешери фон-Герцфельдъ, также проживавшая большей частью подъ вымышленными именами и съ фальшивыми паспортами. Уже въ половинѣ мая Соловьевъ подъ именемъ Ивана Сидоровича, при содѣйствіи двухъ товарищѣй, Ивана Ивановича и достаточно „пропагандированаго“, какъ выражается Соловьевъ, рабочаго Семена Васильева, устраиваетъ кузницу въ селѣ Преображенскомъ, въ 45 верстахъ отъ Самары, на которую затрачиваетъ, по его словамъ, деньги, оставшіеся у него отъ годового оклада жалованья, полученнаго при отставкѣ въ 1875 г. Весною-же 1877 года въ первый разъ пріѣзжалъ въ Самару Николай

Богдановичъ, съ цѣлью покупки дома для устройства кузницы, который черезъ брата Юрия и Соловьева познакомился со всѣми поименованными лицами. Въ 20 числахъ августа того-же года, Соловьевъ съ товарищами бросаетъ кузницу въ Преображенскомъ и переѣзжаетъ въ Самару, гдѣ его застаетъ Николай Богдановичъ, во второй свой пріѣздъ, больнымъ лихорадкою. Въ то-же лѣто Лебединцевъ устраивается волостнымъ писаремъ въ Богдановской волости, Бузулукского уѣзда, куда помѣщается въ іюнь помощникомъ волостнаго писаря Платоновъ, вмѣстѣ съ которымъ въ сентябрѣ они переводятся на тѣ-же должности въ Страховскую волость; здѣсь къ нимъ присоединяется Марія Лешернъ, а Соловьевъ остается въ Самарѣ и проживаетъ съ нѣкімъ Иваномъ Ивановымъ Звѣревымъ, земскимъ фельдшеромъ, по всей вѣроятности бывшимъ его компаніономъ по кузнице въ Преображенскомъ. О личности Звѣрева Соловьевъ не пожелалъ дать определенныхъ объясненій, сказавъ, однако, что онъ былъ рекомендованъ ему, какъ человѣкъ ихъ партіи, съ которымъ можно имѣть дѣло. Но справкамъ оказалось, что подъ именемъ Звѣрева проживалъ въ Самарѣ бывшій студентъ Харьковскаго университета Александръ Ивановъ Медвѣdevъ, сосланный административнымъ порядкомъ въ 1873 г. въ Шенкурскъ и оттуда вскорѣ бѣжавшій. Съ ноября Соловьевъ старается получить мѣсто сельскаго учителя, подъ своимъ настоящимъ именемъ, черезъ инспектора народныхъ училищъ Самарской губернії Каменецкаго, у котораго онъ нѣкоторое время занимается по частному найму въ канцеляріи, получая 16 руб. въ мѣсяцъ; но, вслѣдствіи запроса о немъ по мѣсту прежней его службы въ Торопецкомъ уѣздномъ училищѣ, на который Соловьевъ не могъ ждать благопріятнаго для себя отвѣта, онъ, 24-го декабря, взялъ свои бумаги и скрылся. 30-го декабря изъ села Страхово скрываются Лебединцевъ и Лешернъ, а 3-го января 1878 года Соловьевъ появляется въ селѣ Алексѣевскомъ, гдѣ состоялъ во-

лостнымъ писаремъ Платоновъ, и вмѣстѣ съ послѣднимъ на другой день уѣзжаетъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ, въ Самару. Причиною такого одновремен-наго и внезапнаго бѣгства означенныхъ лицъ послужи-ло то обстоятельство, что въ Самарѣ по телеграфу по-лучено ими было извѣстіе объ арестѣ 18 декабря въ Петербургѣ дворянки Чепурновой, отправлявшейся въ Самару, при которой найдены были письма къ самар-скимъ соціалистамъ, не оставлявшія никакого сомнѣ-нія въ существованіи въ Самарѣ противузаконнаго со-общества съ революціонными цѣлями, во главѣ кото-раго стояли Юрій Богдановичъ и Лебединцевъ и къ которому принадлежали всѣ вышепоименованныя лица. По словамъ самого Соловьевъ, съ января по май 1878 года онъ скитался по Тамбовской и Воронежской гу-берніямъ, гдѣ старался получить мѣсто кузнеца, во-лостнаго писаря или сельскаго учителя, но потерпѣлъ во всемъ неудачу и затѣмъ направился въ Саратов-скую губернію, надѣясь тамъ встрѣтить людей соці-ально-революціонной партіи и черезъ нихъ получить какое-нибудь занятіе, соотвѣтствующее преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ. Дѣйствительно, Соловьевъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ, что даетъ основаніе предполагать, что онъ хорошо зналъ, чѣмъ дѣлаютъ его единомышлен-ники въ Саратовской губернії. Въ маѣ въ Вольскомъ уѣздѣ пристраиваются волостными писарями Плато-новъ и Лебединцевъ, но съ новыми именами и съ фальшивыми паспортами, первый — подъ именемъ Ви-тевскаго, въ Царевщинской волости, а второй — подъ именемъ Страхова, сначала въ Булгаковской, а потомъ въ Болтайской въ сопровожденіи той-же Лешеринъ, скрытой подъ фамиліей Сговоровой. При посредствѣ этихъ близкихъ ему людей Соловьевъ поступаетъ во-лостнымъ писаремъ-же въ сосѣднюю Стригайскую во-лость, подъ именемъ Ивана Петровича Печкарева. Въ концѣ ноября того-же года Соловьевъ оставляетъ мѣсто стригайского волостнаго писаря, желая получить долж-ность сельскаго учителя, послѣ чего переѣзжаетъ къ

Страхову (Лебедицеву) въ село Болтай. Проживъ тутъ цѣлый мѣсяцъ, Соловьевъ уѣхалъ 25 декабря въ Саратовъ вмѣстѣ съ Витевскимъ, возвратившимся въ село Царевшино 27-го декабря. Что касается Соловьева, то онъ, по его собственнымъ указаніямъ, убѣдившись, что занимая должность волостнаго писаря, нельзѧ принести никакой пользы соціально-революціонному дѣлу, рѣшился ѿхать въ Петербургъ для пріпсканія занятій, болѣе соотвѣтствующихъ цѣлямъ, на служеніе которымъ онъ посвятилъ свою жизнь“.

Такая картина представлялась почти во всѣхъ мѣстахъ. Преслѣдуемые революціонеры вынуждены постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, теряя при этомъ каждый разъ многихъ товарищѣй, которыхъ захватывало правительство. „Къ величайшему нашему несчастью, пишетъ одинъ изъ участниковъ*), главнымъ образомъ политическія условія дѣйствовали разрушительно на революціонныя наши поселенія, убивая ихъ одновременно повсемѣстно одно за другимъ. Такъ къ концу 77 года не осталось почти ни одного крупнаго поселенія; они все рухнули, не просуществовать и одного года. Многіе члены этихъ поселеній были арестованы, а тѣ, которые уцѣлѣли, разбрѣжались во все стороны. Пропалъ годъ усиленныхъ трудовъ, порваны связи, но вѣра еще крѣпка, сплы не надорваны. И вотъ, весною 78 г. образовалось въ Саратовской-же губерніи новое поселеніе. Въ составъ его вошли лучшія силы самарского поселенія и кое-какія уцѣлѣвшаго саратовскаго. Одновременно почти съ этимъ землевольцы основали въ Воронежской губ. другое поселеніе. Оба эти поселенія по составу лицъ и организаціи не оставляли ничего лучшаго желать. Многіе члены этихъ поселеній впослѣдствіи показали свою способность, энергию и дѣятельность на террористическомъ пути. Но здѣсь на почвѣ народа злой рокъ по-прежнему преслѣдовалъ ихъ. Эти новыя поселенія

*) Неизданныя воспоминанія землевольца.

вскорѣ распались. Воронежское не просуществовало и полгода, а новосаратовское погибло послѣ 2-го апрѣля 1879 года“.

Но, и помимо полицейскихъ преслѣдований, поселенцамъ волей-неволей приходилось убѣждаться, что деревня въ настоящемъ ея видѣ не представляетъ поля для агитационной дѣятельности. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соціалисты удалось пробыть довольно долгое время и пріобрѣсть вліяніе среди крестьянства, они въ концѣ концовъ должны были признать, что въ настоящую минуту нѣтъ никакой возможности организовать народъ съ революціонными цѣлями, и что вся реальная дѣятельность поселенца, если онъ не желаетъ немедленно попасть въ руки полиціи, сводится къ культурной работе. Исключеніе представляло только Чигиринское дѣло, но эта организація была создана при исключительныхъ обстоятельствахъ, и при томъ отъ имени царя, на основаціи подложныхъ грамотъ, чѣмъ, конечно, было въполномъ противорѣчіе, какъ съ самыми принципами революціоннаго соціализма, такъ и съ ближайшими цѣлями партіи. Да и подлогъ могъ имѣть значеніе лишь одинъ разъ, пока не открыть, повтореніе же всегда неудачно.

Всѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ многіе изъ революціонеровъ-поселенцевъ разочаровывались и возвращались въ города. Новыхъ-же поселеній устраивалось все меньше и меньше. А послѣ 1879 года ихъ и совсѣмъ почти не стало.

IV

Въ то время, какъ большая часть землевольцевъ, отправившись въ деревню, дѣлала попытки поселеній съ цѣлью организаціи народа, оставшіеся въ городахъ члены общества продолжали пропаганду и агитацию среди городскихъ рабочихъ и учащейся молодежи. Для характеристики дѣятельности землевольцевъ сре-

ди городскихъ рабочихъ приведу выдержку изъ воспоминаний Г. Плеханова*). „Въ сношенияхъ съ рабочими „землевольцы“ всегда держались слѣдующихъ пріемовъ. Тѣ члены организаціи, которымъ поручалось веденіе „рабочаго дѣла“ (ихъ всегда было немногого, самое большое: 4-5 человѣкъ), обязаны были составить особые кружки изъ молодыхъ революціонеровъ. Кружки эти, собственно говоря, не принадлежали къ обществу „Земля и Воля“, но, дѣйствуя подъ руководствомъ его членовъ, они не могли работать иначе, какъ въ духѣ его программы. Вотъ эти-то кружки и вступали въ сношения съ рабочими. Такъ какъ, благодаря пропагандѣ 1873-74 гг., въ петербургской рабочей средѣ было довольно много революціонеровъ, то задача „землевольцевъ“ и ихъ молодыхъ помощниковъ свелась прежде всего къ организаціи этихъ готовыхъ силъ. „Старые“ по большей части уже испытанные революціонеры-рабочіе, присоединивъ къ себѣ нѣкоторыхъ надежныхъ новичковъ, составили ядро петербургской рабочей организаціи, съ которымъ и сооси-ласъ, главнымъ образомъ, „интеллигенція“. На этихъ людей мы вполнѣ могли положиться. Нелѣпо было бы бояться, что они наскѣ выдадутъ. Тѣмъ не менѣе, помни, что кашу масломъ не портятъ, и что въ тайномъ революціонномъ дѣлѣ осторожность обязательна даже тогда, когда кажется совершенно излишней, „землевольцы“ и этимъ испытаннымъ рабочимъ не сообщали ни своихъ адресовъ, ни своихъ именъ (т. е. тѣхъ именъ, подъ которыми они были прописаны въ участкѣ). Прибавлю, что такъ они поступали не съ одними рабочими: адресъ землевольца и то, по большей части вымышленное, имя, подъ которымъ онъ проживалъ, въ самой организаціи знали обыкновенно только очень немногие члены, занимавшіеся вмѣстѣ съ нимъ одной и той-же отраслью революціоннаго дѣла; остальные, занятые другими революціонными специальностями, долж-

*) „Соціаль-Демократъ“ № 3.

ны были довольствоваться встречами съ ними на „ко-
нспиративной квартирѣ“, гдѣ происходили общія круж-
ковыя собранія. На обязанности центральной, отборной
рабочей группы лежало руководство мѣстными рабо-
чими кружками, возникавшими въ той или другой ча-
сти Петербурга. Интеллигенція не вмѣшивалась въ
дѣла этихъ мѣстныхъ кружковъ, ограничиваясь достав-
леніемъ имъ книгъ, помошью при заведеніи тайныхъ
квартиръ для собраній и т. п. Каждый мѣстный круж-
окъ собственными силами долженъ былъ привлекать
новыхъ членовъ, которымъ сообщали, что существу-
ютъ и другіе подобные кружки въ Петербургѣ, но гдѣ
и какіе именно, это было известно только членамъ
центрального рабочаго ядра, каждое воскресенье схо-
дившимся на общее собраніе“.

Члены землевольческой рабочей группы принимали
также дѣятельное участіе въ нѣсколькихъ стачкахъ,
происходившихъ въ Петербургѣ. Больѣе крупныя изъ
этихъ стачекъ были на фабрикахъ „Ново-бумагопря-
дильной“ и Шау. Землевольцы являлись довѣренными
совѣтчиками и отчасти руководителями стачечниковъ,
а также оказывали посильную помощь нуждающимся
стачечникамъ, устраивая сборы среди интеллигенціи.

Дѣятельность землевольцевъ среди учащейся моло-
дежи была главнымъ образомъ агитационная. Вотъ что
сообщаетъ объ этомъ одинъ изъ современниковъ*). „Землевольцамъ хорошо было известно возбужденное
состояніе молодежи, и они рѣшили еще на Большомъ
своемъ Совѣтѣ для агитационныхъ цѣлей воспользова-
ться этимъ. Въ адресѣ, составленномъ на имя графа
Палена, указывалось именно на волющія злоупотреб-
ленія и насилия, противъ которыхъ готовы были про-
тестовать всѣ хорошия люди. Указывалось на непре-
рывно производимые обыски, аресты, высылки, на ини-
чѣмъ немотивированное продолжительное предваритель-
ное заключеніе, на пристрастіе суда, на систему ои-

*) Неизданныя воспоминанія землевольца.

liett'okъ, которую начало практиковать правительство и на прочія возмутительныя репресаліи, тяготѣвшія надъ обществомъ. Адресъ былъ отпечатанъ въ „Вольной типографії“*) и пущенъ въ общество и въ среду молодежи. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ была рѣшена на Большомъ Совѣтѣ „Паленовская домонстрація“, въ Медико-Хирургической Академіи случилось маленькое событие, вызвавшее въ ея стѣнахъ манифестацію со стороны студентовъ противъ академического начальства. Манифестація эта была вызвана слѣдующимъ обстоятельствомъ. Ожидали въ то время пріѣзда Александра П изъ мѣста военныхъ дѣйствій. По этому поводу городъ рѣшилъ устроить торжественную встречу, на которой должны были присутствовать представители города, земства, ученыхъ корпораций и всѣхъ учебныхъ заведеній. Академическое начальство позволило себѣ при этомъ слушать весьма неблаговидные приемы. Оно хорошо знало настроение своего студенчества, а потому оно рѣшило поступать по собственному благоусмотрѣнію. Пригласило къ себѣ нѣсколько студентовъ, завѣдомо извѣстныхъ ему за благонадежныхъ, и предложило имъ отправиться въ качествѣ депутатовъ, при чемъ очень прозрачно посулило имъ денежное вознагражденіе. Это стало извѣстно въ тотъ же день и, конечно, вызвало взрывъ негодованія. Находившійся въ то время въ библіотекѣ Академіи землеволецъ рѣшилъ этимъ воспользоваться. При помощи нѣсколькихъ горячихъ головъ созвана на скорую руку сходка въ библіотеку, и было рѣшено немедленно вызвать начальника Академіи Быкова для объясненій. Сказано сдѣлано. Нѣсколько человекъ отправились за нимъ и почти насильно привели его въ библіотеку. Быковъ былъ сконфуженъ этой совершенно неожиданной и необычайной (это было поздно вечеромъ) сходкой, но особенно обнаружениемъ его продѣлки. Студенты рѣзко, почти грубо нападали на него, обличая

*) Тайная типографія, принадлежавшая землевольцамъ.

его неблаговидный поступокъ. Быковъ защищался, но очень слабо. Студенты потребовали, чтобы самозванные депутаты лишены были ихъ полномочій, при чемъ заявили, что никакихъ депутатовъ они по этому случаю посыпать не намѣрены. Насколько мнѣ помнится такъ дѣйствительно и было: на „торжественной встрѣчѣ“ депутатовъ отъ академического студенчества не было. Одновременно почти съ этимъ случилось другое событіе, окончательно возбудившее молодежь. Въ клинику умеръ Жилинскій, три года содержавшійся въ тюрьмѣ. Молодежь рѣшила устроить изъ его похоронъ демонстрацію, но полиція выкрала на разсвѣтѣ трупъ Жилинского. Раздраженная толпа студенчества отправилась въ академическую библіотеку. Землевольцы рѣшили ковать желѣзо, пока горячо. Пущены были въ обращеніе листки уже отпечатанного адреса, и предложено было отправиться съ этимъ адресомъ къ Падену. Предложеніе было принято сочувственно, но такъ какъ присутствующихъ было всего около 200 человѣкъ, то было рѣшено предварительно вступить въ переговоры со всѣми высшими учебными заведеніями и привлечь ихъ къ демонстраціи. Въ послѣдующіе за этимъ дни происходили во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ многочисленныя и бурныя сходки. Наконецъ, въ назначенный для демонстраціи день въ библіотекѣ М.-Х. Академіи собралось до 80 человѣкъ. Землевольцы выступили въ защиту своего предложенія, и дѣло это, павѣриое-бы выгорѣло, если-бы тутъ не вмѣшались марксисты*), которые ставили въ вину землевольцамъ, что они, называя себя народниками, устраиваютъ протестъ политического характера. Зем-

*) Не надо смѣшивать съ теперешними марксистами или „русскими соціаль-демократами“. Тогдашніе марксисты выработались изъ группы лавристовъ: они отрицательно относились къ пропагандѣ среди крестьянства, надѣялись на выработку революціонной(?) организаціи между фабричными рабочими, но отрицали въ то-же время необходимость всякой политической борьбы.

левольцы оправдывались тѣмъ, что протестъ не столько политической, сколько гуманитарный, къ которому должна примкнуть всякая, сознающая свое достоинство личность. Завязался горячій споръ. Каждая сторона приводила историческія доказательства въ пользу своихъ мнѣній. А время уходило. Наконецъ, землевольцы спохватились, и, воспользовавшись небольшой перерывшкой, поставили нѣсколько вопросовъ на голосование. 1) Слѣдуетъ ли вообще протестовать? 2) Если-же слѣдуетъ, то въ какой формѣ и когда? Большинство высказалось опять въ пользу предложенія землевольцевъ. Къ сожалѣнію, наступалъ вечеръ, и потому рѣшили устроить демонстрацію на слѣдующій день. Но на другой день толпа собралась столь малочисленная, что демонстрація теряла всякий смыслъ. Впрочемъ землевольцы очень мало потеряли отъ этой неудачи, отчасти они даже достигли своей цѣли: имъ удалось за это время привлечь на свою сторону значительное число лицъ изъ молодежи и такимъ образомъ надолго удержать за собою почву въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ“.

V

Пребываніе въ Петербургѣ зимою 1878 г. большинства членовъ „Земли и Воли“ дало возможность подвергнуть годичному пересмотру программу общества, какъ того требовалъ уставъ. Въ это-же время былъ поставленъ вопросъ объ основаніи литературного органа партіи „народниковъ“ (общество уже имѣло свою типографію подъ именемъ „вольной“). Около года существовала партія, а еще ея программа не была напечатана. Идеи народничества вообще и общества Земли и Воли въ частности пропагандировались только устно на сходкахъ, собраніяхъ и проч.; и далеко не всѣ народники одинаково понимали многіе частные вопросы. Вотъ что пишетъ объ этомъ одинъ изъ членовъ общес-

ства въ своихъ воспоминаніяхъ: „Дѣло въ томъ, что народничество въ то время было совершенно новымъ явленіемъ, какъ теоретически, такъ и практическі. Было необходимо установить прежде всего начала народничества, которыя послужили бы критеріумомъ какъ для рѣшенія частныхъ вопросовъ теоретического свойства, такъ и всѣхъ вопросовъ практическаго. Во вторыхъ необходимо было, чтобы эти начала крѣпко уяснили и усвоили себѣ сами народники, такъ какъ нерѣдко случалось къ величайшему недоумѣнію постороннихъ, что сами народники не понимали другъ друга, особенно въ вопросахъ практическихъ. Были народники-анархисты, были народники-якобинцы, были и такие, въ головѣ которыхъ мирно укладывался самый крайній экономической радикализмъ съ самымъ несноснымъ политическимъ консерватизмомъ. Такой важный общественный факторъ, какъ политическая организація, сознательно и систематически игнорировался. Значеніе и роль его сводились просто на нѣтъ. Одни наивно думали, что народъ, предоставленный самому себѣ, съумѣеть на другой день революціи создать прекрасный изъ прекраснѣйшихъ порядковъ: создастъ „вольный союзъ вольныхъ общинъ“. Другіе наоборотъ считали это возможнымъ только при помощи сильной диктатуры. Недоумѣніямъ, недоразумѣніямъ всякаго рода, предразсудкамъ не было конца. Среди самыхъ землевольцевъ была масса разногласій и главнымъ образомъ по поводу практическихъ вопросовъ“.

Итакъ, было рѣшено создать органъ, который служилъ-бы выразителемъ мнѣній землевольцевъ. Органъ главнымъ образомъ долженъ былъ заниматься пропагандой революціонно-народническихъ идей. Для изданія органа была составлена редакціонная группа.

Но несмотря на всеобщее желаніе, первый номеръ органа „Земля и Воля“ вышелъ только 1-го Ноября 1878 года: своевременному выходу помѣшили аресты многихъ лицъ изъ администраціи. Всѣхъ номеровъ органа „Земли и Воли“ вышло пять, съ 1-го ноября

1878 г. по апрель 79. Кроме этого вышло пять номеровъ „Листка Земли и Воли“ съ 12 марта по 8 іюля 79 го*). И газета и листокъ издавались въ количествѣ отъ полуторы до трехъ тысячъ экземпляровъ. Газета имѣла 20 печатныхъ страницъ, заключала въ себѣ одну или двѣ принципіальныя статьи, нѣсколько корреспонденцій изъ провинціи, фельетонъ и разныя извѣстія. „Листокъ Земли и Воли“ имѣлъ четыре стра-

*.) Любопытно, что весною того-же 1878-го года вышло 4 номера газеты „Начало“, которая довольно сильно отклонялась отъ тогдашняго народничества, придавая политическому вопросу большее значеніе, чѣмъ допускалось вообще въ то время революционерами. Изданіе это, — тѣло скорѣе отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ какой-либо группы,—признавая необходимость организаціи народныхъ силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ доказывало, что полученіе политической свободы было-бы желательно для соціализма. Такъ въ 4-мъ номерѣ въ передовой статьѣ сказано:

„По тѣмъ не менѣе, если событія не вызовутъ общаго революціоннаго движения въ самомъ народѣ, для соціалистовъ политической переворотъ долженъ представляться весьма желательнымъ.“

„Во первыхъ, оно подорвѣть существующій и исторически окрѣпшій государственный механизмъ, разрушить систему правительственної опеки, уничтожить надежду общества на царскую силу и всемогущество, и, передав въ руки купца и землевладѣльца, поставить народъ въ открыто враждебныя отношенія къ новому „барскому“ правительству. Старый предразсудокъ, въ видѣ надежды на общий передѣлъ при посредствѣ правительства, исчезнетъ безповоротно. Народъ, потерявъ изъ виду прозрачную царскую помощь, станетъ лицомъ къ лицу со своими эксплуататорами и пойметъ, где его настоящіе враги и друзья. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новое конституціонное правительство не будетъ въ состояніи упрочить своего господства, какъ это случилось въ европейскихъ государствахъ“....

„Во вторыхъ, политической переворотъ, неизбѣжно внося элементы политической свободы въ государственную жизнь, нѣсколько облегчитъ пропаганду соціалистическихъ учений въ народѣ. Мы не обольщаемъ себя, конечно, надеждою на широкую политическую свободу, такъ какъ понимаемъ, что нашъ буржуз, въ руки которого перейдетъ государственная власть, еще не чувствуетъ въ ней необходимой потребности, и, значитъ не будетъ ея отстаивать. Но несомнѣнно, однако, что при конституціонномъ правительстве будутъ прочнѣе гарантіи личной неприкосновенности и свободы печати и слова. Такъ было вездѣ, такъ будетъ и у насъ“.

ницы, заключалъ въ себѣ прокламаціи Исполнительнаго Комитета*), хронику арестовъ и одно или два выдающихся извѣстія.

Въ 1 номерѣ „Земли и Воли“ объясняется взглядъ редакціи на задачи русской революціонной партіи: „Земля и Воля! Вотъ два магическія слова, много разъ поднимавшія изъ глубины Россіи могучія стихійныя движенія. Дважды чуть не повалили они государственной Руси и до сихъ поръ глубоко волнуютъ душу сѣраго крестьянства отъ одного конца Россіи и до другаго.

„Земля и Воля! — Вотъ тотъ девизъ, который написали на своеемъ знамени, вѣрные духу и исторіи своего народа, наши предшественники, соціалисты-народники 10-хъ годовъ.

„Тѣ-же слова пишемъ на нашемъ знамени и мы.

„Мы убѣждены, что только тѣ культурныя формы имѣютъ историческое будущее, которыя коренятся въ умахъ и стремленіяхъ народныхъ массъ; мы не вѣримъ въ возможность путемъ предварительной работы создать въ народѣ идеалы, отличные отъ развитыхъ въ немъ всей предшествующей его исторіей. На всѣ попытки подобнаго рода мы смотримъ, какъ на совершенно неразсчетливую трату силъ, потому что опытъ всѣхъ прошлыхъ движеній, во всѣхъ земляхъ и у всѣхъ народовъ, начиная съ крестьянскихъ восстаний и кончая Парижской Коммуной, показываетъ намъ, что всякое революціонное движеніе, по мѣрѣ своего расширения, необходимымъ образомъ развивается, очищается и совершенствуетъ тѣ революціонные элементы, которые послужили первоначальнымъ стимуломъ движенія.

„Революція — дѣло народныхъ массъ. Подготавляетъ

*.) Дѣло идеть обѣ Исполнительному Комитетѣ „Земли и Воли“ который не надо смѣшивать съ Исполнительнымъ Комитетомъ Народной Воли. Первый не существовалъ какъ самостоятельная организація, но всѣ террористические факты, кѣмъ-бы совершены или были, приписывались ему.

ихъ исторія. Революціонеры ничего поправить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремлений. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организуя народъ во имя его стремлений и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ исторіи, совершается въ данный періодъ. Внѣ этой роли, они — ничто; въ предѣлахъ ея, они — одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи.

„Поэтому, основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности.

„Во всѣ времена, гдѣ-бы и въ какихъ-бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ Земли и Воли!

„Земли — какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и Воли — какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами.

Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ; поганіе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе „казачьихъ круговъ“, т. е. вольныхъ, автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смиренными исполнителями народной воли, — такова была всегда неизмѣнная „программа“ народныхъ революціонеровъ-социальністовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ.

„Такова-же, безъ сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа.

„Поэтому ее принимаемъ и мы революціонеры-народники.

„Этой программой мы выдвигаемъ на первый планъ вопросъ аграрный. Вопросъ-же фабричный мы оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспроприацію фабрикъ необходимою, а потому что исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Евро-

пъ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула во-
все, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ. А между
тѣмъ революціонное движение, поднявшееся во имя
земли, на другой-же день роковымъ образомъ само
придетъ къ сознанію необходимости экспропріаціи фаб-
рикъ и полнаго уничтоженія всякаго капиталистиче-
скаго производства, потому что, сохранивъ его, оно
само вырыло бы себѣ могилу. Точно такъ и городское
соціалистическое движение, если-бы оно началось нез-
ависимо отъ деревень, неминуемо наткнулось-бы съ
первыхъ-же шаговъ на вопросъ о соціализмѣ аграр-
номъ.

„По тѣмъ-же причинамъ не станемъ мы предрѣшать
въ нашей программѣ вопросовъ, касающихся частныхъ
формъ будущаго соціалистического строя. Все это во-
просы будущаго. Предоставимъ-же будущее будущему.
Настоящему предстоитъ достаточно громадная за-
дача: осуществленіе народной революціи, которая одна
въ состояніи развить будущій соціалистический строй
изъ тѣхъ элементарныхъ основъ соціализма, которые
уже созданы въ умахъ народа“.

Рѣшивъ вопросъ объ органѣ, землевольцы присту-
пили къ пересмотру программы и устава. Программу
оставили безъ измѣненія. Пересмотръ-же устава по-
требовалъ большихъ дебатовъ и преній въ виду того,
что измѣненія, вносимыя въ него, клонились къ боль-
шей централизациі и дисциплинѣ въ обществѣ. Необ-
ходимость этихъ измѣненій выяснилась предъидущимъ
лѣтомъ, когда многіе провалы и неудачи являлись по-
следствіемъ недостаточности единства въ дѣйствіяхъ
и исполнительности въ порученіяхъ. Большинство хоть
и признавало эту необходимость, но съ трудомъ со-
глашалось на дисциплину и централизацию. Вотъ какъ
описывается обсужденіе этихъ вопросовъ авторъ вос-
поминаний о Михайловѣ.

„По смыслу выработанного въ началѣ 1877 г. време-
ннаго устава петербургскаго основнаго кружка, про-
грамма общества должна была подвергаться, если не

ошибаюсь, ежегодному пересмотру съ цѣлью измѣненія или расширенія ея, сообразно съ указаніями опыта. Но такъ какъ весною 1878 года у насъ не было еще ни малѣйшаго сомнѣнія въ практическости нашей программы, то оставалось только ввести въ нее нѣсколько дополнительныхъ пунктовъ о дѣятельности въ народѣ. Не такъ скоро покончили мы съ уставомъ. Михайловъ требовалъ радикального измѣненія устава въ смыслѣ большей централизаціи революціонныхъ силъ и большей зависимости мѣстныхъ группъ отъ центра. Послѣ многихъ споровъ почти всѣ его предложенія были приняты, и ему поручено было написать проектъ новаго устава. При обсужденіи приготовленного имъ проекта не малую оппозицію встрѣтилъ параграфъ, по которому членъ основнаго кружка обязывался исполнить всякое распоряженіе большинства своихъ товарищѣй, хотя бы оно и не вполнѣ соотвѣтствовало его личнымъ воззрѣніямъ. Михайловъ не могъ даже понять точки зреія своихъ оппонентовъ. „Если вы приняли программу кружка, если вы сдѣдались членомъ организаціи, то въ основныхъ пунктахъ у васъ не можетъ быть разногласія“, повторялъ онъ съ досадой. „Вы можете разойтись съ ними во взглядахъ на умѣстность и своевременность порученнаго вамъ предприятия, но въ этомъ случаѣ вы должны подчиниться большинству голосовъ. Что касается до меня, то я сдѣлаю все, что потребуетъ отъ меня организація. Если-бы меня заставили писать стихи, я-бы не отказался и отъ этого, хотя и зналъ-бы напередъ, что стихи выйдутъ невозможные. Личность должна подчиняться организаціи!“ Въ концѣ концовъ былъ принятъ и этотъ параграфъ, съ тѣмъ, однако, добавленіемъ, что организація должна, по возможности, принимать въ соображеніе личныя наклонности ея членовъ“.

Во время этихъ-же собраній была сдѣлана Валеріаномъ Осинскимъ попытка внести политический элементъ въ программу общества. Это было встрѣчено рѣзкими протестами. Вотъ какъ описываетъ обсужденіе

ніє этого предложения участникъ*) съѣзда: „предложение, вызвавшее цѣлую бурю на собраниї, было внесено В. Осинскимъ. Оно касалось введенія политическо-го элемента вообще въ нашу программу и усиленія дезорганизаціонной дѣятельности въ частности. „Деревенщики“ рѣзко протестовали противъ этого предложе-нія; ссылались на уставъ, въ которомъ точно обозна-чены границы дезорганизаторской дѣятельности; пре-достерегали отъ излишняго увлечения этимъ скольз-кимъ и опаснымъ путемъ, который можетъ сдѣлаться источникомъ весьма серьезныхъ замѣшательствъ. Прен-ія по этому поводу были продолжительны и очень горячи. Но деревенщина еще была тогда въ силѣ. Преобладающее настроение общества было строго-на-родническое. И предложеніе Валеріана было отвергнуто громаднымъ большинствомъ“.

VI

Въ ту-же зиму 77-78 г., когда общество „Земля и Воля“, обсуждая свой уставъ, съ негодованіемъ отвер-гло введеніе какого-бы то ни было политического эле-мента въ свою программу, начался рядъ событій, вы-звавший во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи волненія, въ которыхъ принимала участіе не только партія, но почти вся учащаяся молодежь и отчасти общество. Съ этой зимы правительство и революціонная партія вступаютъ въ борьбу почти открытую. Въ центрѣ революціонной партіи, общество Земли и Воли муже-ственно и энергично борется съ правительствомъ, от-рицая въ то-же время всякую политику. Борьба эта привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только всего рус-скаго общества, но и всего міра, приводитъ къ раско-лу общество „Земли и Воли“ и созданию новой партіи въ 79 году.

*) Неподанныя воспоминанія землевольца.

Въ октябрѣ 77 года начался судъ надъ 193 пропагандистами. Этотъ гигантскій процессъ, конечно, привлекъ вниманіе всего общества. Вниманіе перешло скоро въ изумленіе, а изумленіе въ негодованіе. По мѣрѣ того, какъ развертывалась картина процесса, все болѣе и болѣе выяснялось, что молодыхъ людей и дѣвушекъ держали 3-4 года въ одиночномъ заключеніи за преступленія, за которыхъ специально назначенный судъ могъ осудить только тридцать съ небольшимъ человѣкъ, изъ нихъ 20 на поселеніе, остальныхъ-же долженъ былъ оправдать или вмѣнить имъ предварительное заключеніе въ наказаніе. Мало того, съ этими оправданными оправдавшій-же ихъ судъ въ теченіи всего процесса обращался, какъ съ закоренѣлыми преступниками и велъ себя до гнусности пристрастно, допустивъ возмутительное противорѣчіе: онъ раздѣлилъ всѣхъ подсудимыхъ на 17 группъ и рѣшилъ производить слѣдствіе каждой группѣ отдельно, и въ то-же время всѣ подсудимые обвинялись въ одномъ общемъ для нихъ преступленіи — составленіи „незаконнаго сообщества“. Ни протесты подсудимыхъ, ни требованія адвокатуры, доказывавшей беззаконность такого распоряженія, не привели ни къ чему. Тогда подсудимые рѣшили отказаться отъ всякаго участія въ судѣ. И вотъ началась невиданная картина. Изъ дня въ день судъ вызываетъ группу за группой, лице за лицемъ. На вопросъ о виновности слышется постоянно одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „не признаю суда, не желаю въ немъ участвовать, и прошу меня вывести“. Рѣдко-рѣдко кто изъ подсудимыхъ соглашается присутствовать при судебнѣмъ слѣдствіи, и судъ проходитъ въ отсутствіи подсудимыхъ. Сенаторы и даже самъ прокуроръ чувствуютъ себя неловко и сконфуженно. Подсудимые же составляютъ рѣзкій контрастъ по глубинѣ своего убѣжденія и гордому поведенію со всѣми представителями правительства, начиная отъ первоприсутствующаго до шпіоновъ, фигурирующихъ въ качествѣ свидѣтелей, включительно. Когда-же была

вызвана группа, къ которой причислили Мышкина, и онъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, то особое присутствіе сената было совершенно уничтожено. Роли перемѣнились: обвинитель на скамье подсудимыхъ, — а сенаторы, увѣшанные орденами, съ предсѣдателемъ во главѣ, мечутся изъ стороны въ сторону, не зная, что дѣлать, при звукахъ обвиняющаго ихъ голоса. Когда-же Мышкинъ произносить свои послѣднія слова, клеймя это правосудіе, „болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости: тамъ женщина изъ-за нужды торгуется своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгають чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгаютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогаго для человѣчества“, всѣ сенаторы гурьбою бросаются въ дверь, забывъ закрыть засѣданіе. На подсудимыхъ-же накидываются жандармы, бьютъ и выталкиваютъ изъ залы суда. Разборъ сачаго дѣла показалъ, что слѣдствіе велось совершенно противу законно. Привлекались люди завѣдомо невиновные, ихъ держали мѣсяцами и годами въ тюрьмѣ, чтобы добиться показаній — желательныхъ для обвинительной власти, хотя-бы и ложныхъ. Выяснилось, что нѣкоторыя показанія писаны самимъ прокуроромъ, который вынуждалъ подписывать ихъ. Нѣкоторыхъ-же изъ невинно-арестованныхъ держали нѣсколько лѣтъ въ заключеніи и привели на судъ „для оттѣненія другихъ“, какъ имѣлъ нахальство объявить въ своей рѣчи самъ прокуроръ Желеховскій.

Какъ судебное слѣдствіе, такъ и судъ показали революціонерамъ, что въ борьбѣ съ ними правительство не будетъ стѣсняться имъ-же созданными законами и уставами. И новымъ подтвержденіемъ этого явились конфirmaція сенатскаго приговора императоромъ, который не только не смягчилъ, по обычаю, приговоръ, но усилилъ его, и распоряженіе о ссылкѣ административнымъ порядкомъ 80 человѣкъ изъ оправданныхъ судомъ.

Не успѣлъ сенатъ вынести свой приговоръ, какъ

раздался, 24 января 1878 г., выстрѣлъ Вѣры Засучичъ въ Трепова. Этотъ выстрѣлъ былъ отвѣтомъ на отвратительное самоуправство Трепова.

Въ апрѣлѣ 77 г., при посѣщеніи Дома предварительного заключенія, Треповъ встрѣтилъ Боголюбова, одного изъ участниковъ казанской демонстраціи. Боголюбовъ не снялъ передъ нимъ шапки, Треповъ сбилъ ее и велѣлъ высѣчь Боголюбова розгами. Заключенные, узнавъ объ этомъ распоряженіи, подняли шумъ и крики. Къ нимъ врывались служителя и солдаты; кого избивали, кого тащили въ карцеръ, и въ концѣ концовъ усмирили. А Боголюбовъ былъ высѣченъ. Эта гнусная расправа надъ Боголюбовымъ вызвала страшное негодованіе среди революціонеровъ, и у многихъ возникло желаніе мести. Члены дезорганизаціонной группы землевольцевъ готовили покушеніе на Трепова. Къ нимъ присоединились два южанина, специально пріѣхавшіе для этого въ Петербургъ — въ томъ числѣ Попко. Но Вѣра Засуличъ предупредила ихъ, обдумавъ и совершивъ все дѣло на свой страхъ.

Правительство, обманутое холопскими статьями легальныхъ газетъ, выражавшими благородное негодованіе, рѣшило придать Вѣру Засуличъ суду присяжныхъ, дабы "судъ общественной совѣстіи", осудивъ Засуличъ, вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно осудилъ-бы революціонеровъ вообще и тѣмъ хотя отчасти загладилъ бы впечатлѣніе посрамленія сената.

31 Марта 1878 г. состоялся судъ. Впервые передъ присяжными представали двѣ враждующія стороны: правительство и революціонеры. Грубая сила, самоуправство и произволъ начали тяжбу противъ самоотверженія и правъ человѣка. Зала была полна публики — и какой публики? Была тамъ знать и высшее чиновничество съ канцлеромъ Горчаковымъ во главѣ. Были представители судебнаго вѣдомства, благонамѣренной литературы и проч. Однимъ словомъ — отборная публика, и, конечно, въ большинствѣ настроенная не очень то благосклонно къ Засуличъ и революціонерамъ. Но

начался разборъ дѣла, и эта публика, убѣждаемая фактами, стала невольно выражать свое сочувствіе Засуличъ и ея защитнику, такъ что предсѣдатель былъ вынужденъ пригрозить очистить залу. И, дѣйствительно, нужно было имѣть волчье сердце, чтобы оставаться равнодушнымъ къ тѣмъ фактамъ и картинамъ, которые выяснились на судѣ. Оказалось, что „злодѣйка Засуличъ“, какъ ее именовали въ печати, скромная дѣвушка, явившаяся защитницей и мстительницей за поруганное человѣческое достоинство, сама была жертва самоуправства. Она просидѣла два года въ одиночномъ заключеніи и была признана судебной палатой непричастной къ дѣлу, по которому сидѣла. Но правительство эту непричастную къ дѣлу дѣвушку все-таки сослало административнымъ порядкомъ.

На судѣ выяснилось, что Боголюбовъ ничѣмъ не вызвалъ со стороны Трепова возмутительного самоуправства. Мало того, оказалось, что Треповъ даже по закону не имѣлъ права сдѣлать этого распоряженія. Несмотря на незаконность, ни онъ, ни исполнителіи не были привлечены къ отвѣтственности, а была только назначена слѣдственная комиссія для разслѣдованія дѣла о произведеныхъ заключеніяхъ по этому поводу безпорядкахъ.

Всѣ эти безобразія и незаконности сильно волновали присутствующую публику. Но волненіе достигло своего апогея, когда развернулась картина съченія Боголюбова. Большинство плакало, слушая разсказъ защитника Засуличъ объ этомъ гнусномъ надругательствѣ.

„Предъ окнами женскихъ (политическихъ) арестантскихъ камеръ,—въ виду испуганныхъ чѣмъ-то необычайнымъ, происходящимъ въ тюрьмѣ, женщинъ,—вяжутся пучки розогъ, какъ будто бы дратъ предстояло цѣлую роту, разминаются руки, дѣлаются репетиціи предстоящей экзекуціи, и въ концѣ концовъ нервное волненіе арестантовъ возбуждается до такой степени, что ликторы in spe считаютъ нужнымъ убраться въ сараѣ, и оттуда выносить пучки розогъ, уже спрятан-

ными подъ шинелями. Теперь, по отрывочнымъ рассказамъ, по догадкамъ, по намекамъ, не трудно было вообразить и настоящую картину экзекуціи. Возставала эта блѣдная, испуганная фигура Боголюбова, не вѣдающая, что онъ сдѣдалъ, что съ нимъ хотятъ творить; возставалъ въ мысляхъ болѣзненній его образъ. Вотъ онъ, приведенный на мѣсто экзекуціи и, пораженный извѣстіемъ о томъ позорѣ, который ему готовится, вотъ онъ, полный негодованія и думающей, что эта сила негодованія дастъ ему силы Самсона, чтобы устоять въ борьбѣ съ массой ликторовъ, исполнителей наказанія, вотъ онъ, падающей подъ массою пудовъ человѣческихъ тѣлъ, наѣвшихъ ему на плечи, распростертымъ на полу, позорно обнаженный иѣсколькими парами рукъ, какъ желѣзомъ прикованный, лишенный всякой возможности сопротивляться, и, падъ всей этой картиной, мѣриный свистъ березовыхъ прутьевъ, да также мѣриное счисленіе ударовъ благороднымъ распорядителемъ экзекуціи... Все замерло въ тревожномъ ожиданіи стона, этотъ стонъ раздался, то не былъ стонъ физической боли — не на это разсчитывали — то былъ мучительный стонъ удушенного, униженного, поруганаго, раздавленного человѣка! Священиподѣйствие совершилось, позорная жертва была принесена!...“ (Аплодисменты, громкие крики: браво!)

Присяжные оправдали Засуличъ. И тѣмъ вынесли свой приговоръ произволу и самоуправству, практикуемому правительствомъ. Присутствующая публика аплодировала приговору. Почти вся печать выразила свое сочувствіе. Что-же правительство? Смутилось? Устыдились? Нисколько. Оно отдало приказъ арестовать оправданную Засуличъ. Жандармы пытались схватить ее по выходѣ изъ суда, но толпа отбила ее, при чемъ былъ убитъ Сидорацкій. Болѣе мѣсяца полиція производила повсюду обыски, стараясь найти Засуличъ; но безуспѣшно. Симпатія къ революціонерамъ среди нашего трусливаго общества, расшевеленного процескомъ 193, усилилась послѣ дѣла Засуличъ. Создалась

благопріятная общественная атмосфера, благодаря которой революціонная партія заручилась отчасти и дешеною помощью, и „укрываемелями“.

Теперь озлобленное правительство рѣшило отбросить хоть даже виѣшнія формы законности и расправляться по своему, какъ съ революціонерами такъ и со студенчествомъ, которое оно считало резервомъ революції. Не помогъ сенатъ, не помогъ судъ присяжныхъ — обратились къ благодѣтельному кулаку. Для устрашенія студентовъ, полиція устроила имъ три западни и избила ихъ.

Въ Харьковѣ, студенты, ничего не подозрѣвая, сошлись по обыкновенію къ университету и нашли две-ри университета запертыми, а у дверей толпу полицеїскихъ. Не успѣли студенты разузнать въ чемъ дѣло, какъ были окружены казаками. Безъ всякаго повода по командѣ эсаула: „въ плети!“ началось избіеніе студентовъ казаками.

По полученіи въ Петербургѣ извѣстія о харьковскихъ избіеніяхъ было рѣшено на сходкѣ въ Медико-Хирургической Академіи подать петицію Наслѣднику о нуждахъ студенчества вообще и о харьковскомъ побоищѣ въ частности. И на другой день нѣсколько сотъ человѣкъ учащихся двинулось съ петиціей къ Аничкину дворцу. Туда же явился Зуровъ*). Онъ убѣждалъ студентовъ разойтись и далъ честное слово передать ихъ прошеніе въ руки Наслѣдника и дать отвѣтъ студентамъ. На другой день вечеромъ собраніе студентовъ Медико-Хирургической Академіи было окружено пѣшай и конной силой. Студентамъ не дали возможности разойтись, на нихъ набросились, избили на гайками и арестовали 130 человѣкъ.

Въ Кіевѣ произошли студенческія волненія. Было арестовано до 150 человѣкъ студентовъ, часть которыхъ выслали административнымъ порядкомъ въ сѣ-

*) Тогдашній градоначальникъ Петербурга.

верных губерній. Путь-же ихъ лежалъ чрезъ Москву. Московскіе студенты собрались на вокзалѣ, чтобы встрѣтить ихъ. Полиція не воспрепятствовала этому сбору. Но когда студенты, провожая своихъ товарищѣй, проходили мимо Охотнаго Ряда, полиція натравила на нихъ сидѣльцевъ, и началось поголовное избіеніе охотничьими молодцами студенчества, избіеніе, которое продолжалось даже на университетскомъ дворѣ.

Не стѣсняясь съ „резервомъ революціи“, учащейся молодежью, правительство тѣмъ менѣе находило нужнымъ стѣсняться съ самой революціонной арміей. Аресты безъ соблюденія какихъ-бы то ни было формъ законности, годы предварительного заключенія, специальній судъ, административная ссылка даже оправданныхъ по суду,—все это ясно показывало революціонерамъ, что они поставлены виѣ закона, что съ ними церемониться не будутъ.

Продѣлавъ все это, правительство и холопствующая пресса имѣли и имѣютъ наглость утверждать до сихъ поръ, что репрессалии правительства вызваны терроромъ революціонеровъ. Мирные пропагандисты, отрицающіе всякое вмѣшательство въ политику, травятся какъ волки: въ отвѣтъ на эту травлю—ни одного террористического факта! Учащейся молодежь за прочтенную книжку, за высказанное сочувствіе революціонерамъ, а то просто по подозрѣнію ссылается безъ суда и слѣдствія: все нѣть террористическихъ фактовъ! Наконецъ правительство, отбрасывая въ сторону имѣже созданный законъ, начинаетъ бить и истязать учащуюся молодежь, сѣчеть революціонера, всячески унижаетъ человѣческое достоинство,—и тогда, только тогда раздается первый выстрѣлъ революціонеровъ въ отмщеніе за попранное достоинство опозоренного сѣченіемъ. Что революціонеры были въ этомъ правы, показалъ судъ присяжныхъ. Правительство-же, какъ-бы обрадованное случаю, завопило о революціонномъ террорѣ, о жестокостяхъ революціонеровъ и набросилось съ удвоенною свирѣпостью на все мыслящее въ стра-

иѣ. Революціонеры волей неволей должны были взяться за оружіе.

VII

Итакъ, революціонеры взялись за оружіе. Первыми въ этомъ дѣлѣ оказались южане, гдѣ было болѣе горючаго материала и гдѣ стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ съ оружиемъ въ рукахъ проявлялось сильнѣе въ революціонной средѣ. Черезъ иѣсколько дней послѣ выстрѣла Засуличъ, въ Одессѣ произошло настоящее сраженіе между революціонерами и полиціей и солдатами.

30-го января 1878 года на квартиру, гдѣ находился Иванъ Ковалѣскій, Николай Виташевскій и четверо изъ ихъ товарищѣй, въ томъ числѣ двѣ женщины, явился прокуроръ съ жандармомъ и полицейскими, но были встрѣчены выстрѣлами изъ револьверовъ. Полиція обратилась къ помощи военной команды, которая, прибывъ, расположилась въ комнатѣ, отдѣленной отъ квартиры осажденныхъ передней. Офицеръ предложилъ осажденнымъ сдаться, грозя въ противномъ случаѣ стрѣлять. Осажденные отказались, и началась перестрѣлка. Въ это время часть осажденныхъ жгла бумаги и компрометирующія письма; а одинъ изъ революціонеровъ съ балкона, выходящаго на улицу, объяснялъ возвращавшейся въ это время изъ театра и собравшейся около дома публикѣ причину вооруженнаго нападенія на нихъ полицейскихъ и жандармовъ вмѣстѣ съ военной командой. Наконецъ послѣ полутора часововой перестрѣлки осажденные, частью тяжело раненые, стали очищать постепенно одну комнату за другой и въ концѣ концовъ должны были сдаться.

Около этого-же времени прїѣхали на югъ изъ Петербурга иѣкоторые изъ членовъ дезорганизаторской группы „З. и В.“, В. Осинскій, Лизогубъ и другіе, которые, встрѣтивъ несочувствіе, какъ мы видѣли выше,

среди большинства съезда землевольцевъ, рѣшили перенести свою дѣятельность на югъ, гдѣ они имѣли въ то время много единомышленниковъ. Пріѣхавъ, они энергично принялись за создание дезорганизаціонныхъ группъ. Поводовъ для начала дѣйствій дезорганизаціонныхъ группъ было немало. Кромѣ революціонеровъ на волѣ, могущихъ обороняться съ оружиемъ въ рукахъ, были сотни другихъ, заключенныхъ въ тюрьмахъ, которые не могли защищаться отъ произвола и тираниі правительства. Ихъ стоны доносились до товарищей; приходили извѣстія о голодныхъ бунтахъ, вызванныхъ бездушной администрацией. Находившіеся на волѣ не могли остаться безучастны къ судьбѣ своихъ братьевъ. И вотъ боевые группы устраиваютъ покушенія на главныхъ виновниковъ страданій заключенныхъ, и югъ дѣлается театромъ цѣлаго ряда террористическихъ фактовъ, попытокъ освобожденій вооруженной рукой и пр.

Въ февраль, Осинскій стрѣляетъ въ товарища прокурора Котляревскаго. Въ маѣ, Попко убиваетъ жандармскаго офицера Гейкинга. Въ іюлѣ, дѣлается вооруженная попытка освобожденія Войнаральскаго, о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Было рѣшено отбить по пути въ центральную тюрьму одного или нѣсколько заключенныхъ. Дѣло это требовало весьма сложной организаціи и многихъ участниковъ. Въ числѣ организаторовъ были Ал. Михайловъ, А. Квятковскій, Фроленко, Бараниковъ, двѣ женщины (въ томъ числѣ Перовская) и другие. Въ Харьковѣ были устроены четыре конспиративныя квартиры, куплена бричка, тройка лошадей, запасено оружіе и проч. Устроена была цѣлая система слѣженія за тюрьмой съ одной стороны и за поѣздами съ другой. И вотъ, когда провозили Войнаральскаго, было сдѣлано вооруженное нападеніе, при чёмъ убитъ одинъ жандармъ, но Войнаральскаго освободить не удалось. Несмотря на продолжительное и упорное преслѣдованіе, оставшемуся жандарму удалось ускакать вмѣстѣ съ Войнаральскимъ.

За то удалось другое освобождение, затянутое Фроленко, который подъ видомъ ключника пробрался въ тюрьму и вывелъ оттуда заключенныхъ Бахчановскаго, Дежча и Стефановича. Дѣлаются еще двѣ попытки освобождения Ёмина, одна посредствомъ подкопа, другая — двумя революціонерами, переодѣтыми въ жандармовъ, но обѣ неудачныя. Дезорганизаторскія группы все болѣе развиваются свою дѣятельность, все болѣе и болѣе приобрѣтаютъ послѣдователей и, кажется, по инициативѣ Осинскаго принимаютъ въ офиціальныхъ своихъ заявленіяхъ название „Исполнительного Комитета“*). Популярность и авторитетъ этихъ группъ растутъ среди революціонеровъ. Это уже не идеалисты-пропагандисты, это уже болѣе выработанный типъ революціонера-заговорщика, тщательно одѣтаго, осторожнаго и осмотрительнаго. Правительство поняло, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло, и стало прибѣгать къ мѣрамъ, которые практикуются только въ военное время: былъ введенъ особый судъ для политическихъ преступлений.

На 24-е июля былъ назначенъ военный судъ надъ Ковалевскимъ и товарищами,—зачѣмъ именно военный, было ясно: предстояли смертная казнь. Революціонеры рѣшили не оставить безъ публичнаго протesta этого новаго вызова правительства. Дезорганизаторская группа, вмѣстѣ съ другими южными революціонерами, первоначально думала освободить Ковалевскаго изъ суда вооруженной рукой, но правительство предвидѣло это, и зданіе суда было оцѣплено солдатами. Тогда было рѣшено во всякомъ случаѣ собраться въ возможно большемъ количествѣ около зданія суда и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Во все время за-

*.) Мы уже сказали раньше, что этотъ комитетъ не нужно смѣшивать съ Исполнительнымъ Комитетомъ „Народной Воли“. Комитетъ Осинскаго существовалъ болѣе какъ название, чѣмъ отдельная организація, ибо всѣ дѣйствія террористическаго характера, произведенные кѣмъ бы то ни было изъ революціонеровъ, въ офиціальныхъ заявленіяхъ приписывались Исполнительному Комитету „Земли и Воли“.

съданія зданіе суда было окружено волнующейся толпой, состоящей изъ революціонеровъ, сочувствующихъ имъ рабочихъ и любопытныхъ. Когда судъ вынесъ смертный приговоръ Ковальскому, толпа бросилась къ дверямъ, произошло столкновеніе съ солдатами, при чемъ были убиты два революціонера, Полтавскій и Погребецкій, и толпа была разсѣяна солдатами.

2-го августа былъ разстрѣянъ Ковальскій, а 4 августа падъ отъ руки революціонера глава русской политической полиціи—шефъ жандармовъ, Мезенцевъ.

Убійство Мезенцева вызвало страшную панику среди правительства. И раньше уже правительство волновалось вслѣдствіе убійствъ, произошедшихъ на югѣ, виновниковъ которыхъ сно не могло схватить. Но тутъ, въ столицѣ, днемъ, глава полиціи падаетъ отъ руки революціонера, который исчезаетъ неизвѣстно куда. Паника была настолько сильна, что въ теченіе долгаго времени Петербургъ былъ словно на военномъ положеніи: по всемъ улицамъ разѣзжали патрули казаковъ, въ помощь полиціи назначены пѣхотные солдаты, производились повальные обыски. Однако убійцъ не нашли. Правительство теряло голову, чувствуя, что на него надвигается какая-то сила, съ которой предстоитъ для него тяжелая и долгая борьба.

Но сами революціонеры, совершая эти покушенія и убійства, смотрѣли на нихъ пока только какъ на самозашиту и отчасти какъ на месть. Несмотря на всю провокацио правительства, громадное большинство изъ нихъ не хочетъ еще выступить на непосредственную борьбу съ правительствомъ. Сторонниковъ политической борьбы и террора еще небольшое меньшинство партіи. Вотъ что пишетъ по поводу убійства Мезенцева органъ партіи „Земля и Воля“ (№ 1 стр. 5).

„Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія рабочихъ массъ. Съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушить систему можетъ толь-

ко самъ народъ. Поэтому, главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы—это не болѣе какъ «хранительный отрядъ», назначеніе котораго — оберегать этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Обратить всѣ наши силы на борьбу съ правительственною властью — значило-бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временнай.

.. Такое направление нашей дѣятельности было-бы великой ошибкой еще съ другой стороны, со стороны тактики партіи. Паденіе нашего современного политического строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. Вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершиится. Самодержавіе, поражаемое со всѣхъ сторонъ, падетъ, уступивъ мѣсто болѣе современному конституціонному строю, который, какъ всякая конституція, выдвинетъ на первый планъ привилегированныя сословія: помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ — всѣхъ владѣтелей капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ, буржуазію въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрознены, и потому безсилны. Конституціона-же свобода, какъ-бы жалка она ни была, имъ-то во всякомъ случаѣ дастъ возможность съорганизоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ провозглашеніе крестового похода противъ насъ соціалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ.

. .. Направивъ всѣ свои силы на борьбу съ правительствомъ, мы, конечно, сильно ускоримъ его паденіе. Но тогда, не имѣя никакихъ корней въ народѣ, мы будемъ не въ состояніи воспользоваться своеї побѣдой. Это будетъ побѣда Пирра, сказавшаго послѣ битвы при Гераклѣ: „Еще одна такая побѣда — и я безъ войска поплыу въ Эниръ“. Цѣною кровавой борьбы и несомнѣнно-тяжкихъ жертвъ мыничего не пріобрѣтѣмъ для своего дѣла. Разбитый, но никѣмъ не преслѣдуемый врагъ будетъ имѣть все нужное ему вре-

мя, чтобы укрепиться на новой позиції, и намъ снова придется брать ее открытымъ нападеніемъ подъ его усиленнымъ огнемъ, преодолѣвая всѣ воздвигнутыя имъ препятствія".

Но хотя офиціальный органъ отрицаєтъ политическую борьбу, хотя большинство крѣпко держится за старую программу, внутри партіи начинаетъ чувствовать разладъ и недовольство. Всѣ замѣчаютъ, что идутъ не туда, куда хотятъ. Толкуютъ о деревнѣ, а изъ деревни, то и дѣло, прибѣгаютъ поселенцы-революционеры, которые не могутъ найти для себя новыхъ мѣстъ поселенія, и волей-неволей остаются въ городахъ. Отрицаютъ политику, а въ дѣйствительности что и дѣлаютъ такъ только политику. „Тяжело жилось въ то время, пишетъ одинъ народникъ*), и всей партіи и каждому революционеру въ отдѣльности. Всѣ чуяли, что фактически начинается какой-то поворотъ въ направлениіи партіи, который можетъ привести къ тому, что она теперь теоретически отрицаєтъ.

„Правительство, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, несло рѣшительный ударъ партіи въ менѣе укрѣпленномъ ея пункѣ, — въ деревнѣ. „Деревенщина“, выбитая изъ всѣхъ позицій, бѣжитъ въ городъ, наполняя собою ряды ожесточенныхъ и озлобленныхъ. Дѣятельность сосредоточивается въ городахъ; характеръ и форма ея все болѣе выясняются. О деревнѣ, какъ о центрѣ революціонной дѣятельности, мало говорять, а если и заговорятъ, то, боже мой, что за тоскливыя звуки и темы. Нѣтъ прежней убѣдительности въ доводахъ, нѣтъ прежняго жара въ чувствахъ. Люди, очевидно, за нее хватаются, какъ утонающей за соломину. Больно, тяжело и обидно отказаться отъ того, что такъ недавно еще наполняло все твоё существованіе".

Это чувствовали бѣжавшіе въ города „деревенщики“. Но горожане, въ томъ числѣ большая часть центра и редакціи и всѣ дезорганизаторскія группы, уже

*) Неизданныя воспоминанія землевольца.

начинали примиряться съ необходимостью перенести главный пунктъ революціонной дѣятельности изъ деревни въ городъ. Многіе члены партіи идутъ еще дальше, требуя измѣненія программы, введенія политического элемента и сосредоточенія всей дѣятельности въ городахъ на борьбѣ съ правительствомъ и организацией рабочихъ. Жизнь говоритъ за нихъ. Террористические факты и вооруженныя сопротивленія все продолжаются, вызываемые усиливающимися репрессаліями правительства. Колѣнина и Малиновская оказываются вооруженное сопротивленіе въ Петербургѣ, 14 октября 1878; Синтянинъ—въ Харьковѣ, въ ноябрѣ; Чубаровъ—въ Одесѣ; Дубровинъ—въ Старой Русѣ, въ декабрѣ; въ январѣ 1879 года, Осинскій и Лешернъ фон-Герц-Фельдъ; въ февралѣ происходитъ въ Кіевѣ цѣлое сраженіе между Брантнеромъ, Антоновымъ съ товарищами и полиціей. 9-го февраля Гольденбергъ убивается харьковскаго губернатора Кропоткина. А 13-го марта Мицкій стрѣляетъ въ нового шефа жандармовъ, Дрентельна, и стрѣляетъ по решенію Большаго Совѣта партіи, въ которомъ большинство—деревенщики. Страстные противники террора вынуждены постановить совершение террористического факта. Вотъ что пишеть по этому поводу одинъ изъ деревенщиковъ: „Я былъ въ это время въ Петербургѣ. Глубокими, неизгладимыми чертами врѣзалось то время въ моей памяти, и я разскажу что возможно, оставаясь вѣрнымъ правдѣ. Когда я прибылъ въ Петербургѣ, то уже была решена еще одна смерть — Дрентельна. На мой вопросъ, чѣмъ этотъ джентельменъ заслужилъ такую незавидную участъ, мнѣ представили нѣчто въ родѣ обвинительного акта. Дрентельнъ, между прочимъ, виновенъ главнымъ образомъ въ томъ, что ввелъ ссылку въ Якутскую область въ систему. Не скажу, чтобы этотъ и многіе другие пункты обвиненія казались мнѣ достаточно сильными и убѣдительными. Но мой голосъ тогда, конечно, не могъ уже имѣть значенія, такъ какъ приговоръ былъ уже произнесенъ всѣми членами со-

вѣта, кромѣ одного, который совсѣмъ воздержался отъ голосованія“.

И такъ, съ одной стороны террористическая борьба съ правительствомъ все усиливается и усиливается; съ другой, хотя большая часть силъ партии была направлена въ деревню, никакихъ положительныхъ результатовъ здѣсь не было получено, тогда какъ въ городахъ, несмотря на то, что пропагандой неглинировали, получились результаты довольно серьезные. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону сформировались кружки рабочихъ довольно хорошо сплоченные. А въ 1878 году Степанъ Халтуринъ создалъ даже самостоятельную рабочую организацію*), которая въ теченіи короткаго времени пріобрѣла боиѣста членовъ. Эта организація называлась „Сѣверно-Русской рабочей союзъ“ и въ своей программѣ ясно указала, что политическая и экономическая борьба должна вестись параллельно. Даже самъ официальный органъ

*) Весьма интересенъ разсказъ объ этомъ одного изъ нашихъ товарищѣй, знавшаго въ то время Халтурина: Программа Сѣверно-русского рабочаго союза была составлена на цѣломъ рядѣ рабочихъ сходокъ, собиравшихся главнымъ образомъ въ одномъ изъ домовъ по 13-й линии Васильевскаго Острова, возлѣ Малаго Проспекта, въ квартирѣ одного пинкапика краснорядца. На нихъ бывало человѣкъ по 20-30 наиболѣе интеллигентныхъ рабочихъ, и главную роль и въ преніяхъ, и въ выработкѣ устава игралъ Степанъ Халтуринъ. Факты знаменательны: тотъ самый Степанъ, который года полтора спустя предлагалъ свои услуги Желябову, чтобы внести Зимний дворецъ на воздухъ, во время составленія программы крайне отрицательно относился къ террористической дѣятельности интеллигентій: „Животныя.—окая по вологодеки, съ негодованіемъ говорилъ онъ— они свою братію, чинарей, жарятъ, а мы за нихъ расплачивайся: ни сходокъ, ни организаціи,—ничего теперь нельзя дѣлать рабочимъ“. Это недовѣре рабочаго къ интеллигенту ясно сказалось и на самой программѣ, и на способѣ выработки ея. Степанъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто изъ интеллигентовъ не затесался при этомъ въ ихъ компанію, и не желалъ, чтобы кто-нибудь изъ его товарищѣй хоть словомъ обманулся передъ интеллигентами пріятелемъ насчетъ вырабатывавшейся программы. Вскорѣ Халтуринъ понялъ необходимость тѣсной связи между революціонной интеллигенціей, добигающейся низверженія самодержавія ради соціализма, и рабочей организаціей“.

партии Земли и Воли указывалъ на довольно успешную дѣятельность между рабочими и рекомендовалъ обратить большое вниманіе на дѣятельность въ этой средѣ:

„Вопросъ о городскомъ рабочемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, можно сказать, самою жизнью, самостоятельно выдвигаются впередъ, на подобающее имъ мѣсто, вопреки апріорнымъ теоретическимъ рѣшеніямъ революціонныхъ дѣятелей. Въ прошломъ, не безъ нѣкотораго основанія, мы обращали всѣ свой на дежды, употребляли всѣ свои усилия—на деревенскую массу. Городской рабочій занималъ второстепенное мѣсто въ расчетахъ революціонеровъ, ему посвящалось, можно сказать, только сверхштатная часть сплѣ. Въ городѣ пропаганда велась между дѣломъ, въ минуты, когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась притомъ исключительно съ цѣлью выработать изъ городского рабочаго пропагандиста для деревни-же. Такое отношение къ дѣлу, естественно, исключало возможность какъ настойчивой, систематической пропаганды, такъ и, въ особенности, организаціи городскихъ рабочихъ, и въ настоящее время да етъ себя чувствовать очень плачевными результатами.

„Городской рабочій, несмотря на сравнительную не значительность затраченныхъ на него силъ, проникся идеями соціализма въ довольно сильной степени. Теперь уже трудно встрѣтить такую фабрику или заводъ, или даже сколько-нибудь значительную мастерскую, гдѣ нельзя было бы найти рабочихъ-соціалистовъ“.

Но всѣ эти факты были убѣдительны только для горожанъ, а деревенщики упорно стояли на прежнемъ способѣ дѣйствій, и разладъ между тѣми и другими все усиливался.

VIII

Въ началѣ 79 года пріѣхалъ въ Питеръ Александръ

Соловьевъ съ твердымъ намѣреніемъ убить царя, но не одинъ Соловьевъ думалъ въ то время о цареубийстве. Обостряющаяся борьба революціонеровъ съ правительствомъ невольно должна была привести къ мысли направить ударъ въ самый центръ — поразить главу государственной машины. На югъ эта мысль была очень популярна*), и Виттенбергъ**) въ Николаевъ готовилъ покушеніе на Александра II, посредствомъ мины, которую должны были подложить подъ пристань въ день приѣзда царя въ Николаевъ. Для этой цѣли Виттенбергъ вошелъ въ сношенія съ флотскими матросами и привлекъ нѣсколькихъ изъ нихъ къ участію. Они носили ему пироксилинъ, а боцманъ-матъ Логовенко даже бѣжалъ со службы и, поселившись съ Виттенбергомъ, совмѣстно съ нимъ готовилъ покушеніе. Послѣднее не состоялось вслѣдствіе ареста Виттенберга и Логовенко, по связи съ дѣломъ о вооруженной одесской демонстраціи во время суда надъ Ковальскимъ.

Почти одновременно съ Соловьевымъ приѣхалъ, съ такимъ-же намѣреніемъ, изъ Харькова, Григорій Гольденбергъ. Они встрѣтили сочувствіе своей мысли среди приверженцевъ политической борьбы и терроризма. Были устроены частные совѣщанія единомышленниковъ для обсужденія этого предпріятія. На этихъ со-

*) Одинъ нашъ товарищъ по поводу этого передаетъ слѣдующее: „Мнѣ одинъ изъ бунтарей-южанъ еще въ 1878 г. развивалъ съ увлечениемъ мысль о томъ, какъ-бы хорошо было устроить адскую (динамитную) машину, во время момента выхода царя со свитой изъ дворца, напр., во время крещенского водосвятія, подвести эту машину на саняхъ прямо къ процессіи, играя самому роль извоючика, затѣмъ, заведши механизмъ, уйти въ сторону и ждать, пока царя съ челядью разнесетъ. Затѣмъ сейчасъ-же двинуться революціонерамъ на площадь и постараться взбунтовать народъ въ столицѣ, а потомъ и въ главныхъ центрахъ, въ то время, какъ въ крестьянствѣ бунтари тоже будутъ ждать лишь этого события, чтобы поднять знамя бунта“.

**) См. процессъ 28-ми, дѣло о вооруженной демонстраціи въ Одессѣ.

въщаніяхъ принимали участіе*) Александръ Михайловъ, Александръ Квятковскій, Александръ Соловьевъ, Зунделевичъ, Кобылянскій и Гольденбергъ. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что цареубійство должно быть совершено открыто, выстрѣломъ изъ револьвера. Вызвались совершить его Александръ Соловьевъ, Гольденбергъ и Кобылянскій. Предложенія двухъ послѣднихъ были отвергнуты въ виду того, что ихъ национальность (одинъ былъ еврей, другой—полякъ) могла бросить ложный свѣтъ на совершившійся фактъ и произвести непріятное впечатлѣніе на народъ; потому остались на чистомъ русскомъ, Соловьевъ. Администрація партіи внесла вопросъ на обсужденіе Большаго Совѣта, стараясь получить его санкцію. Но и самъ Соловьевъ, и его единомышленники рѣшили совершить цареубійство во что-бы то ни стало, каково бы ни было постановленіе. Привожу описание засѣданія Большаго Совѣта изъ воспоминаній одного изъ участниковъ.

„Засѣданіе имѣло быть весьма бурнымъ, и я опасался, чтобы оно не кончилось разрывомъ. Предметъ обсужденія — цареубійство. Администрація внесла это предложеніе въ Совѣтъ и желала выслушать его мнѣніе на этотъ счетъ. Мнѣнія, какъ и слѣдовало ожидать, рѣзко раздѣлились. „Деревенщина“ была противъ, а администрація и другіе члены были за предложеніе. Я не припомню такого бурнаго засѣданія, какъ это. „Деревенщина“ пересыпала свои возраженія массой сарказмовъ и шпилекъ. Террористы держались очень сдержанно, хотя, очевидно, были сильно возбуждены. Я, конечно, былъ въ числѣ противниковъ цареубійства. Я, помнится, не вдавался ни въ какія теоретическія по этому поводу соображенія, а стоялъ лишь на практической почвѣ. Я доказывалъ, что тѣмъ способомъ, какимъ имѣется въ виду осуществить цареубійство, девяносто девять противъ одного говорить за полную

*) См. Процессъ 16 ти.

неудачу попытки. Но покушение тѣмъ не менѣе окажетъ свое дѣйствіе: за нимъ послѣдуетъ *военное положеніе*, т. е. такое положеніе вещей, изъ котораго *единственнымъ выходомъ* можетъ быть вторичное, третичное—цѣлый рядъ покушеній на цареубійство, инициативу и исполненіе которыхъ должна будетъ ужь обязательно взять на себя *партия*, на собственный страхъ и рискъ. А потому, заключилъ я, не слѣдуетъ совсѣмъ начинать такое дѣло, исходъ котораго, мало того, что сомнителенъ, но обѣщаетъ массу замѣшательствъ. Замѣчательно, что противъ втораго моего положенія возражали сторонники цареубійства, тѣ, которымъ, какъ я въ этомъ теперь убѣжденъ, именно *этого* и хотѣлось: на самомъ дѣлѣ все уже было предусмотрѣно и рѣшено; обратились-же они къ Совѣту главнымъ образомъ по настоянію Соловьева, которому сильно хотѣлось для дѣла своего заручиться санкціей землевольневъ. Это во первыхъ. А во вторыхъ администрація и остальные наши террористы, очевидно хотѣли этимъ основательнѣе позондировать „деревенщину“ и окончательно убѣдиться въ томъ, насколько они могутъ разсчитывать на нее, въ смыслѣ содѣйствія ихъ планамъ. Въ этомъ отношеніи цѣль администраціи была вполнѣ достигнута. Въ Совѣтѣ ясно обозначилось два полярно противуположныхъ теченія, которыя, если и не привели тогда къ расколу общества, то благодаря тому, что въ Совѣтѣ не было и трети всѣхъ членовъ Общества. Относительно-же предполагаемаго покушенія деревенщина (большинство Совѣта) потребовала, чтобы администрація передала Соловьеву несочувствіе его предпріятію“.

Несмотря на неблагопріятное постановленіе Большаго Совѣта, Соловьевъ съ товарищами, какъ и рѣшили раньше, продолжали готовиться къ покушенію. Алекс. Михайловъ выслѣживалъ царя, Соловьевъ практиковался въ стрѣльбѣ изъ револьвера. Всѣмъ нелегальнымъ посовѣтовали по возможности перебраться на время изъ Петербурга, въ виду массовыхъ обысковъ и аре-

стовъ. 2-го апрѣля Соловьевъ стрѣлялъ въ царя. Правительство отвѣтило настоящимъ терроромъ. Были назначены генералъ-губернаторы съ громадными полномочіями, такъ что большая часть Россіи оказалась на осадномъ положеніи. Военные суды, сопровождаемые висѣлицами, дѣйствовали почти непрерывно. 13-го апрѣля судятъ за вооруженное сопротивленіе Дубровина, — 20-го — онъ уже повѣщенъ. 30-го апрѣля въ Киевѣ военный судъ приговариваетъ къ смерти Брантнера и Антонова (Свириденко); а 7-го мая — Осинскаго. 14-го мая устраивается имъ всѣмъ одновременно смертная казнь при обстановкѣ, бывающей на эффектъ. 25-го мая судятъ въ Петербургѣ Соловьева, а 28-го его торжественно казнятъ на Смоленскомъ полѣ. 7-го іюля приговоренъ въ Киевѣ Бильчанскій, 14-го іюля — Федоровъ (Гобстѣ), — 18-го оба казнены одновременно. 25-го іюля въ Одессѣ судъ надъ Чубаровымъ, Лизогубомъ, Виттенбергомъ и другими — и какъ результатъ его пять висѣлицъ: три въ Одессѣ 10-го августа, для Лизогуба, Чубарова и Давиденко; и двѣ въ Николаевѣ, для Виттенберга и Логовенко. О приговорахъ въ каторжныя работы и говорить нечего: они сыпятся десятками.

Революціонеры, хотя и противъ воли большинства, вынужденные обстоятельствами, бросили правительству вызовъ на смертный бой. Возврата назадъ не было. Нужно было идти впередъ по избранному пути, такъ какъ всѣ другіе были закрыты. Отступить — значило подписать смертный приговоръ партіи. . . . Послѣдніе остатки деревенщиковъ бѣгутъ въ города. Повалыны обыски и, какъ ихъ послѣдствія, массовые аресты вырываютъ многихъ членовъ партіи. Силы теряются. Движеніе впередъ, очевидно, не можетъ продолжаться при старой программѣ партіи. Это ясно поняли наиболѣе живые и энергичные члены городскихъ группъ партіи.

Вотъ что пишетъ по этому поводу авторъ біографіи Желябова: „Въ 1871 году некоторая часть землевольцевъ, — убѣжденная, что при нашихъ условіяхъ игнорированіе политического элемента и уступка прави-

тельству въ такъ или иначе завязавшейся борьбѣ — были-бы равносильны самоубийству партіи, — начала ъсколько измѣнить прежній характеръ дѣйствія. Лица, придерживавшіяся этого взгляда, скоро пришли къ убѣждѣнію въ необходимости измѣнить всю программу и довести свои силы до возможности оказывать сильное сопротивленіе правительству,—если-же оно не откажется отъ своей системы, то они рѣшились поставить государственный переворотъ прямою цѣлью партіи. Все это представлялось въ то время крайне непопулярнымъ новшествомъ, конституционализмомъ и т. п. Поэтому новаторы принуждены были дѣйствовать очень осторожно. Они не теряли надежды, что вся „Земля и Воля“ окажется способной понять требования времени, но надежды эти не могли быть велики, а поэтому они старательно разыскивали поддержку везде, где было можно. Желябовъ былъ однимъ изъ людей, обратившихъ на себя ихъ вниманіе, и онъ дѣйствительно оказался ихъ единомышленникомъ, такъ что весною 1879 г. онъ уже былъ постояннымъ союзникомъ землевольскихъ „террористовъ“, какъ ихъ тогда,—очень неправильно— называли.

„Въ 1879 г. осенью, согласно уставу „Земли и В.“ долженъ былъ собраться общій съездъ землевольцевъ, для окончательного обсужденія дѣлъ и постановки практическихъ задачъ организаціи, впредь до слѣдующаго съезда. Для этого собранія выбранъ былъ Воронежъ, какъ мѣсто, куда дешевле всего было съѣхаться большинству членовъ. Новаторы очень желали воспользоваться съездомъ для окончательного упроченія реформы. Самые-же рьяные охранители старой программы, напротивъ, надѣялись, что на съездѣ имъ удастся искоренить изъ „Земли и Воли“, даже тѣ ростки новшества, которые успѣли туда проникнуть.

„Въ виду такого положенія вещей, новаторы рѣшили, за нѣсколько дней до Воронежскаго съезда, собрать свой по близости, въ Липецкѣ, съ тѣмъ, чтобы взвѣсить силы и явиться въ Воронежъ уже съ ясно

определенной программой и съ полнымъ представлениемъ о томъ, насколько обстоятельства позволяютъ быть требовательными.

„Воронежскій съездъ былъ исключительно Землевольческимъ. Липецкій съездъ былъ организованъ, главнымъ образомъ, землевольцами-новаторами, по соглашению съ некоторыми сторонними лицами, въ томъ числѣ и Желябовымъ. Приглашены-же были на съездъ люди изъ разныхъ мѣстъ и кружковъ, не имѣвшіе пока между собою ничего общаго, кроме сознанія необходимости измѣнить программу, въ смыслѣ усиленія въ ней политического элемента, организаціонной централизаціи и активной борьбы.

„Желябовъ не былъ „Землевольцемъ“, точно такъ-же, какъ не были ими большая часть приглашенныхъ въ Липецкъ. Понятно, что Воронежцы ничего не знали о Липецкомъ съездѣ, который вообще былъ организованъ въ строгой тайнѣ, изъ опасенія, чтобы новое направление не встрѣтило отпора, прежде чѣмъ окрѣпнуть. На съездѣ приглашены были тѣ изъ вліятельныхъ людей, которые уже раньше заявили себя сторонниками реформы“.

Вотъ что пишетъ тотъ-же авторъ о самомъ създѣ и взглядахъ, проводившихся на немъ.

„Что касается этихъ взглядовъ, то ихъ можно срезюмировать слѣдующимъ образомъ: соціально-революціонная партія не имѣеть своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно-бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ-бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что, при ихъ отсутствіи, никакая дѣятельность не возможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ идея-

ная борьба. Въ виду этого мы должны остановиться, какъ на ближайшей цѣли, на чёмъ нибудь такомъ, до-стижение чего давало-бы прочное основаніе политиче-ской свободѣ и стремленіе къ чему могло-бы объеди-нить всѣ элементы, сколько-нибудь способные къ по-литической активности.

„Такимъ основаніемъ нѣсколько позднѣе, какъ из-вѣстно, явилось „Учредительное Собраніе“ и прин-ципъ „Народной Воли“.

„Порѣшивши утвердительно—хотя въ довольно неоп-редѣленной формѣ—этотъ вопросъ, съездъ перешелъ къ обсужденію того, какъ соціально-революціонная партія должна отнести къ тѣмъ казнямъ, которыхъ, по-всеобщимъ слухамъ, готовились въ видѣ отмѣтки за 2 апрѣля. Въ этомъ отношеніи мнѣнія Желябова были еще болѣе опредѣленны. Онъ доказывалъ, что, если партія хоть сколько-нибудь считаетъ своею цѣлью обез-печеніе правъ личности, а деспотизмъ признаетъ вред-нымъ, если она, наконецъ, вѣрить, что только смѣлой борьбой народъ можетъ достигнуть своего освобожде-нія, то тогда для партіи просто немыслимо безучаст-но относиться къ такимъ крайнимъ проявленіямъ ти-раніи, какъ Тотлебенскія и Чертковскія расправы, ини-циатива которыхъ принадлежитъ царю. Партія должна сдѣлать все, что можетъ: если у ней есть силы низ-вергнуть деспота посредствомъ возстанія, она должна это сдѣлать; если у нея хватаетъ силы только нака-зать его лично, она должна это сдѣлать; если-бы у нея не хватило силы и на это, она обязана хоть гром-ко протестовать.... Но силь хватить, безъ сомнѣнія, и силы будутъ рости тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мы станемъ дѣйствовать.

„Въ такомъ духѣ говорилъ Желябовъ, и особыхъ возраженій этому на съездѣ не было. Этотъ вопросъ былъ для всѣхъ ясенъ до очевидности, и дебаты толь-ко формулировали тѣ чувства, которыхъ все болѣе на-кипали въ это время на душѣ каждого порядочнаго человѣка....

„....Нѣкоторыя лица указывали на терроръ какъ на средство борьбы, даже какъ на единственное почти средство; нѣкоторые ставили задачей партіи — достиженіе извѣстныхъ правъ; другіе — народоправленіе; третыи — захватъ власти самой партіей. Но, очевидно, что всѣ эти мнѣнія расходятся лишь въ оттѣнкахъ.

„Третій вопросъ, подлежавшій обсужденію, былъ вопросъ о типѣ организаціи.... Подъ вліяніемъ доказательствъ другихъ лицъ, съѣздъ порѣшилъ, однако, организаціонный вопросъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны“.

Лица, съѣхавшіяся на Липецкомъ съѣздѣ, выработавъ основаніе новой программы, организовали „Исполнительный Комитетъ“, который — послѣ раскола „Земли и Воли“ — сталъ центромъ новой партіи (Народной Воли). По окончаніи Липецкаго съѣзда, бывшіе тамъ Землевольцы и нѣкоторые изъ приглашенныхъ ими другихъ лицъ уѣхали въ Воронежъ на собиравшійся въ то время общій съѣздъ землевольцевъ.

IX

Въ концѣ іюля собрался Воронежскій съѣздъ. Приложу цѣликомъ описание этого съѣзда изъ воспоминаній одного изъ участниковъ. Только я долженъ оговориться, что упоминаемая имъ лига цареубійства очевидно, есть ни что иное какъ „Исполнительный комитетъ“, организовавшійся на Липецкомъ съѣздѣ. Такъ какъ новая программа и самый съѣздъ въ Липецкѣ были извѣстны очень немногимъ и то лишь по слухамъ, то, очевидно, авторъ воспоминаній, зная только одну изъ цѣлей новой фракціи, и выставилъ ее, какъ единственную.

„Администрація З. и В. по иниціативѣ одного изъ членовъ деревенщины, предложила устроить съѣздъ всѣхъ землевольцевъ въ Воронежѣ. Это была очень счастливая мысль. Само время требовало этого. Адми-

нистрація сдѣлала всѣ необходимыя распоряженія, чтобы съездъ непремѣнно состоялся къ назначенному сроку, т. е. къ 20 іюля, если не ошибаюсь. Посланы были извѣщенія во всѣ концы, гдѣ были разсѣяны землевольцы. Землевольцы стали понемногу съезжаться. Въ виду громаднаго значенія предстоящаго конгресса, собравшіеся раньше землевольцы рѣшили устроить нѣсколько предварительныхъ частныхъ совѣщаній. Это была благоразумная мѣра. Необходимо было прежде всего спѣтися въ главномъ, чтобы облегчить такимъ образомъ работы конгресса. Желаніе-же спѣтися было въ то время преобладающимъ. Прежнее раздраженіе улеглось, очевидно, и никто не желалъ разрыва. Такихъ частныхъ совѣщаній было 5 или 6. На нихъ были отмѣчены и поставлены тѣ вопросы, которые подлежали обсужденію и окончательному рѣшенію конгресса. Съ особенной тщательностью разсматривался и обсуждался, пунктъ за пунктомъ, главный предметъ обсужденія—программа. Намѣчены необходимыя измѣненія и дополненія. Въ связи съ программой былъ, конечно, „рабочій“ вопросъ того времени—терроръ вообще и цареубійство въ частности. Несмотря на жаръ, съ которымъ обсуждались эти послѣдніе на предварительныхъ совѣщаніяхъ, общее настроеніе было таково, что можно было навѣрное разсчитывать, если не на полное, то во всякомъ разѣ на такое соглашеніе, которое было-бы вполнѣ достаточно для сохраненія цѣлостности Общества.

„Наконецъ, всѣ члены собрались, и конгрессъ открылъ свои засѣданія. Всѣхъ засѣданій было 4-5. Засѣданія происходили на открытомъ воздухѣ, то въ одномъ изъ самыхъ уединенныхъ и живописныхъ уголковъ ботаническаго сада, то въ рощѣ, на рѣкѣ Воронѣ. Прежде всего приступили къ выбору президента, который руководилъ-бы преніями и формулировалъ постановленія конгресса. Первымъ очереднымъ вопросомъ была, само собою, программа, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Основныя положенія землевольческой

программы остались неизменными. Центръ тяжести революционной дѣятельности долженъ, попрежнему, обязательно лежать въ народѣ. Экономическая революція — цѣль этой дѣятельности. Въ пункте, трактующемъ обѣ агитациі въ деревнѣ, сдѣлано было весьма важное, въ практическомъ смыслѣ, дополненіе: *признается*) необходиимыи и своевременныи организовать въ деревнѣ систему террора*, подобную ирландскому риббонизму. Пунктъ этотъ характеренъ въ двоякомъ отношеніи. Во первыхъ онъ рисуетъ общее настроение того времени: террористическая окраска составляетъ основной тонъ его, такъ что даже „деревенщина“ и та не могла освободиться отъ этого. А во вторыхъ, онъ ясно указываетъ, какіе успѣхи „деревенщины“ сдѣлала въ смыслѣ изученія и ознакомленія съ условіями деревенской революціонной дѣятельности. Несомнѣнно, что аграрному террору, какъ особой формѣ агитациі силью революціонной организаціи въ деревнѣ, принадлежи: въ ближайшемъ будущемъ блестящая роль. Современная экономическая условія, все болѣе и болѣе осложняющіяся, будутъ императивно гнать народъ на этотъ путь. И плоха будетъ революціонная партія, если она не съумѣетъ воспользоваться уже готовыми, такъ сказать, самимъ народомъ созданными, фактами. Заслуга „деревенщины“ состояла въ томъ, что она предвидѣла возможность зарожденія аграрного террора, а потому она и требовала, чтобы починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ ей, т. е. интеллигенціи революціонной. Пунктъ этотъ былъ принятъ единогласно, и даже сторонники политического (городского) террора весьма сочувственно отнеслись къ постановленію конгресса — предоставить въ распоряженіе „деревенщины“ необходимыя средства и людей, способныхъ и готовыхъ заняться этимъ дѣломъ въ деревнѣ. Второе предложеніе, стоявшее на очереди, былъ политический терроръ — это яблоко раздора между землевольцами. Предложеніе это

*) Вездѣ курсивъ принадлежитъ автору воспоминаній.

дебатировалось такъ страстно и бурно, что президенту съ большимъ трудомъ удалось вдоворить порядокъ въ преніяхъ и формулировать въ окончательномъ видѣ преобладающее мнѣніе конгресса на этотъ счетъ. Я думаю, что буду близокъ къ истинѣ, если выражу его такъ: политический терроръ, какъ форма борьбы, признается лишь, какъ *крайняя и исключительная мѣра для данного специального случая*. Третье предложеніе, подлежавшее обсужденію, касалось Лиги цареубийства и ея цѣли. Петербургская секція „Исполнительного Комитета“ (бывшая дезорганизаторская группа) констатировала на конгрессѣ фактъ организаціи Лиги съ цѣлью цареубийства. Такъ какъ Лига была тѣсно связана съ „Исполнителенымъ Комит.“*), а черезъ него съ обществомъ З. и В., то естественно, конгрессъ обязательно долженъ былъ рѣшить, въ какія отношенія стать ему къ Лигѣ: оказать-ли ей поддержку материальную и нравственную, или-же, наоборотъ, разорвать всякія съ иею связи и, такимъ образомъ, снять съ себя ответственность за предполагаемое цареубийство? Вопросъ, въ окончательномъ счетѣ, сводился, стало быть, на цареубийство: сочувствовать-ли ему или нѣтъ? Террористы, оставаясь вѣрными себѣ, высказались въ пользу цареубийства вообще и данного въ особенности. „Деревенщина“-же, отрицая политический терроръ вообще, отвергла само собою цареубийство, какъ орудіе борьбы. Но по отношенію къ *данному случаю* въ средѣ деревенщины произошло раздвоеніе. Одни (слабое большинство) отнесли данный случай къ тѣмъ *специальнымъ и исключительнымъ*, которые рѣшены уже конгрессомъ въ утвердительномъ смыслѣ; стало быть, обязательно всячески содѣйствовать планамъ и намѣреніямъ Лиги. Мотивы, которые они приводили въ пользу своего мнѣнія, были приблизительно таковы. Военные законы создали у насъ такое положеніе вещей, противъ кото-

*) „Исполнительный комитет“ Осинского т. е. Дезорганизаторская группа „З. и В.“

раго долженъ бороться всякий свободный человѣкъ. Отвѣтственность поэтому падаетъ цѣликомъ на главнаго виновника — Александра П. Это во первыхъ, а во вторыхъ, благодаря военному положенію, немыслимо теперь разсчитывать на организацію аграрного террора. Аграрный терроръ требуетъ предварительной работы, которая можетъ затянуться на неопределѣленное время, а этимъ временемъ правительство успѣть не разъ разбить насъ на голову. Весь предшествующій намъ опытъ прекрасно иллюстрируетъ это. А потому, въ третьихъ, принимая во вниманіе все высказанное, цѣлесообразно теперь-же прибѣгнуть къ такому поводу для агитациіи въ народѣ, который *скорѣй и вѣрѣй* вызвалъ-бы эту послѣднюю, чѣмъ, напр., аграрный терроръ. Цареубійство-же, по огромному его значенію, можетъ сыграть такую роль. Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ сравнить убійство „божьей милостью“ Александра П съ убійствомъ, напр., какого-нибудь ничтожнаго кулака-міроѣда? Это была, конечно, черная ересь, которая глубоко возмутила правовѣрное меньшинство „деревенщины“. Начались безконечные споры и препирательства. Президентъ вынужденъ былъ объявить пренія по этому вопросу оконченными и предложеніе передано было на голосованіе. *Большинствомъ голосовъ решено: оказать лишь подѣйствіе и деньгами и людьми.* Террористы торжествовали. Въ числѣ самыхъ ярыхъ противниковъ террора вообще и цареубійства въ особенности былъ одинъ изъ редакторовъ „З. и В.“ Результаты голосованія привели его въ ярость. Точно ужалиенный, вскочилъ онъ съ мѣста и разразился страстью, Ѣдкой филиппикой противъ конгресса. Въ заключеніи онъ заявилъ, что ничего общаго не имѣеть съ людьми, которые измѣняютъ народному дѣлу. И онъ оставилъ конгрессъ. На другой день во время засѣданія конгресса, бывшій редакторъ прислалъ, собранію протестъ, составленный спокойно, сжато и выразительно. Протестантъ, между прочимъ, помнится, рекомендуетъ вниманію конгресса весьма любопытную

исторію революціонного движенія въ Австрії, 48 года. Особено подчеркиваетъ онъ то содѣйствіе, которое оказывали полицейскіе-крестьяне австрійскому правительству въ подавленіи революціонныхъ стремленийъ. Протестъ остался безъ дѣйствія. Работы конгресса продолжались своимъ чередомъ. Покончивши съ программой во всѣхъ ея частяхъ, приступлено было къ органу. Постановили, чтобы „З. и В.“ сохранила то направление, которое выражено въ исправленной и дополненной на конгрессѣ программѣ. Дѣло стало за редакцію органа. Въ редакціи остались два прежнихъ редактора, оба—террористы. Нуженъ, по меньшей мѣрѣ, еще одинъ. „Деревенщики“ естественно хотѣлось, чтобы въ редакцію попалъ ея сторонникъ. И дѣло это уладилось: былъ выбранъ, если не ошибаюсь, народникъ. „Деревенщина“ была также сильно озабочена тѣмъ, чтобы въ администраціи усилить элементъ чисто-народническій. Прежняя администрація, какъ я уже упомянулъ, тянула сторону террористовъ. Выборъ палъ на президента конгресса. „Деревенщина“ осталась очень довольна этимъ выборомъ. Но нельзя сказать, чтобы онъ былъ удаченъ. Не то, чтобы это была мелкая личность — напротивъ! И въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ она рѣзко выдавалась. Но для той роли, для которой она была предназначена, она совершенно не годилась. Философъ, мнительный скептикъ, какимъ былъ президентъ, — не товарищъ боевымъ людямъ. Это и оправдалось вскорѣ. Несмотря на присутствие въ Администраціи представителя отъ „Деревенщины“, Администрація продолжала по прежнему распоряжаться, тяготѣя больше къ интересамъ террора.

„Работа конгресса близилась къ концу. Просмотрѣли уставъ и провѣрили кассу. Рѣшено было, чтобы не больше $\frac{1}{3}$ имѣющихъся суммъ тратилось на террористическую дѣятельность. Остальная же $\frac{2}{3}$ предназначается исключительно для деревенской дѣятельности. Террористы слабо возражали противъ этого. Они хорошо знали, что никакихъ дѣлъ въ деревнѣ не предви-

дится, что людей для этого нѣтъ, а, стало быть, все это останется мертвовою буквою: деньги попрежнему можно будетъ тратить на терроръ. И они не ошиблись. Чтобы покончить съ конгрессомъ, я долженъ сказать, что на одномъ изъ первыхъ еще его засѣданій было предложено и принято обѣими сторонами — террористами и народниками — много новыхъ лицъ въ Общество. Въ такомъ реорганизованномъ видѣ Общ. „З. и В.“ представляло собою довольно солидную революціонную силу. Все, что было лучшаго въ революціонной средѣ, независимо отъ окраски, примкнуло къ Обществу. Желаніе дѣйствовать сообща было преобладающимъ. Ни террористы, ни народники не хотѣли разбрестись врозь въ эту тяжелую годину существования революціонной партіи. Это, во первыхъ. А, во вторыхъ, какъ ни велико было разногласіе во мнѣніяхъ террористовъ и народниковъ, но старая товарищескія симпатіи, традиціи недавняго общаго прошлаго съ его жертвами и побѣдами, радостями и печалями, тѣни, наконецъ погибшихъ товарищей, все это, на время, по крайней мѣрѣ, одержало верхъ, и ослабѣвшія было узы Общества снова окрѣпли. Конгрессъ закрылъ свои засѣданія. Всѣ разѣхались успокоенные и примиренные. „Деревенщина“ осталась такъ-же ловольна. Она, повидимому, приняла всѣ мѣры, чтобы обеспечить свое дѣло. Но это только повидимому. На самомъ-же дѣлѣ, какъ это скоро обнаружилось, все дѣло единенія было построено на пескѣ.

Соглашеніе, произшедшее на Воронежскомъ съѣздѣ, было только кажущееся. Члены новой фракціи, образовавшейся на Липецкомъ съѣзда, поѣхали на Воронежскій съ единственной только цѣлью: провести на съѣздѣ выработанную ими новую программу. Общее настроение большинства съѣхавшихся землевольцевъ съ перваго-же раза ясно указывало на то, что программа Липецкаго съѣзда пройти не можетъ, а потому придерженцы этой новой программы даже не развивали ея полностью въ Воронежѣ. Они временно удоволь-

ствовались признаниемъ со стороны съѣзда своеевременности цареубийства. Но они ясно понимали, что этимъ они удовлетвориться не могутъ, что не сегодня-завтра партія должна расколоться. Соглашеніе давало имъ возможность лишь выиграть время и смягчить впечатлѣніе, которое долженъ быть произвести неизбѣжный расколъ, также чтобы обѣ фракціи разошлись, по возможности, безъ взаимнаго раздраженія. Вотъ что пишетъ по поводу этого авторъ біографіи Желябова:

„Съѣздъ кончился компромиссомъ. Было рѣшено, что программа „Земли и Воли“ остается неизмѣнной, но что активная борьба съ правительствомъ должна быть усиlena, и что, въ случаѣ казней, „Земля и Воля“ должна принять самое дѣятельное участіе въ наказаніи тирана. Тенденціи „Земли и Воли“ и „Листка Земли и Воли“, которыхъ обвиняли въ измѣненіи программы (и, по моему, совершенно справедливо), были признаны согласными со взглядами партіи. Поселенія въ народъ рѣшено было сохранить.

„Понятно, всѣ эти рѣшенія совсѣмъ не удовлетворяли новаторовъ. Теперь энергическая дѣятельность становилась невозможной ни въ одну сторону. Единственная выгода, которую они приобрѣтали—нѣкоторая материальная средства, которая можно было пустить на новое дѣло. Всѣ ясно понимали неизбѣжность разрыва, если положеніе дѣлъ не измѣнится. Но у новаторовъ сохранилась надежда, что, при болѣе продолжительныхъ переговорахъ, при лучшемъ ознакомленіи съ дѣлами, если не всѣ, то большая часть консерваторовъ перейдетъ на ихъ сторону. Во всякомъ случаѣ разрывъ, при еще не установленныхъ связяхъ и средствахъ, былъ для „народовольцевъ“ крайне нежелателенъ.

„Немедленно послѣ съѣзда террористы разъѣхались въ С.-Петербургъ, Одессу, Харьковъ, Кіевъ, Москву, чтобы воспользоваться временемъ и склонять повсюду людей партіи на свою сторону“.

А что-же делали деревенщики? Въ деревню идти пропагандировать они не могли; тѣмъ паче они не могли практиковать аграрный терроръ, за который такъ сильно ратовали. И пришлось имъ остаться въ городахъ и здѣсь заниматься, подобно членамъ новой фракціи, проповѣдью и вербовкой послѣдователей.... неизвѣстно, для чего. Это, конечно, повело къ постояннымъ столкновеніямъ между членами обѣихъ фракцій. Являлась полная аномалія: члены одной и той-же партіи группируютъ въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ людей во имя различныхъ принциповъ. Такъ продолжаться не могло далѣе, и уже черезъ мѣсяцъ послѣ Воронежскаго съезда были назначены делегаты съ обѣихъ сторонъ для выработки соглашенія. Суть его была слѣдующая: Общество „З. и В.“, какъ и печатный его органъ, прекращаютъ свое существованіе; ни одна изъ двухъ образующихъ фракцій не имѣеть право присвоить прежняго имени ни своей организаціи, ни своему органу; материальныя средства раздѣляются поровну; наконецъ, обѣ фракціи обязуются оказывать одна другой всевозможную поддержку... „Земля и Воля“ распалась: изъ сторонниковъ новой программы Липецкаго съезда сдѣлалась партія „Народной Воли“; „деревенщики“ образовали „Черный передѣлъ“.

Е. СЕРЕБРЯКОВЪ.

СЪ РОДИНЫ И НА РОДИНУ

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

Петербург. Въ апрѣлѣ 1892 года арестованъ Ганфманъ, а не Гамерманъ. Въ юнѣ 1893 года арестовано человѣкъ 12 рабочихъ: двое — съ резиновой мануфактуры на Обводномъ каналѣ, одинъ — съ фабрики Санть-Галли на Лиговкѣ, двое — съ Самсоніевскаго просп. на Выборгской сторонѣ, остальные — за Невской заставой. Рабочіе обвиняютъ въ этихъ арестахъ одного изъ своихъ товарищѣй, нѣкоего Григорія Штрипмана, который будто-бы самъ признался, что получаетъ жалованье отъ полиції. Штрипманъ — человѣкъ пожилой, вращавшійся въ радикальныхъ кружкахъ съ 70-хъ годовъ и много разъ бывавшій въ ссылкѣ; послѣдніе годы онъ совершенно спился, и этимъ объясняютъ его измѣну. Въ юнѣ-же арестованы студенты технологии: Кулевъ, Окуличъ и Непокойницкій. Черезъ нѣсколько дней былъ обыскъ въ „общежитії“ Лѣснаго Института, найденъ гектографъ, запрещ. изданія и арестовано нѣсколько человѣкъ студентовъ. Лѣтомъ былъ арестованъ служащий въ Адмиралтействѣ чертежникъ Алюшкевичъ. По лѣту рабочихъ опять взять только-что выпущенный изъ тюрьмы Трофимовъ. Въ Августѣ арестованъ инженеръ-технологъ Клобуковъ, служившій въ Экспедиціи Заготовленія Госуд. Бумагъ. Арестъ этотъ „произвелъ сенсацію“ среди служащихъ. Въ августѣ-же арестованъ Андреевъ, служащий въ Управлениі Рязанской жел. дор. 10 октября, въ связи со взятиемъ типографіи въ Твери, арестов. Медѣнцевъ, служ. въ Управ. Рязанской ж. д. Въ прошломъ году (время съ точностью неизвѣстно) арестованы: Д. В. Страндинъ, Е. А. Данилова, Диксонъ, служ. въ Упр. Ряз. жел. д., Гурьевъ, харьковскій студентъ-технологъ; арестъ послѣдняго связанъ съ октобрьскими арестами въ Харьковѣ.

Тверь. Въ ночь съ 8 на 9-е октября 1893 г. были произведены обыски: у В. П. Барабина, частнаго прис. повѣр.. и у его жены, у В. Н. Брильянтова, служащаго въ конторѣ комерческ. агента Клопова, у его брата А. Н. Брильянтова, фельдшера мѣстной больницы и у самого ком. агента Клопова, у послѣдняго даже два раза. Затѣмъ были обыски у Е. В. Пашковскаго, бывшаго техн., Воробьевъ, служ. въ земствѣ, Васильева, частн. преподава-

теля, Адріановекаго и Меринова, служащихъ у Клопова, Кугушевой, П. Э. Шульца, служащ. въ Губернскай Земской Управѣ, Иванова, служ. въ земствѣ, и А. Коноваловой, служ. у Клопова. Къ Барабинамъ явились съ обыскомъ въ 10 ч. вечера и обыскъ длился до 7 час. вечера слѣд. дня: искали и нашли зарытый въ саду типографскій станокъ и шрифтъ; кроме того нашли изданія "Союза", популярн. излож. Маркса Девіля и много другихъ изданій. У Меринова, Кугушевой и Шульца также найдено по нѣскольку экз. разныхъ изданій, у остальныхъ не найдено ничего. Арестованы: оба Барабины, Королева, Мериновъ, Клоповъ (вып. черезъ 2 дня), Пашковский, Адріановскій, Брильянтовъ. Всѣ увезены въ Петербургъ.

Москва. 10 октября, въ связи съ тверскими арестами, были обыски у курсистокъ: Кугушевой, Нестеровой, Зильберманъ и Морковиной; всѣ были арестованы, но черезъ нѣсколько дней выпущены. Тогда-же былъ арестованъ прис. пов. Купріановъ.

Харьковъ. Въ сентябрѣ и октябрѣ 93 арестованы: М. Степановъ, ст. ветер. III к., П. Агаповъ, ст. техн. III к., С. Штейнбергъ, ст. ветер. II к., Залкинъ, ст. вет., Липъ, ст. мед. IV к., Якимовскій, ст. вет., Бляхеръ, ст. тех. (отвезенъ въ Варшаву) и Яценко, инжен.-техн.

Кievъ. Въ 1893 арестованъ П. Румянцевъ, служ. въ Контролѣ.

Орелъ. Лѣтомъ 1893 былъ обыскъ у Сотникова и другихъ лицъ.

Воронежъ. Лѣтомъ или осеню 1893 года обыски: у Карапыгина, Яковлева, Кравицфельда, Намитниченко и статист. Колесникова(?); послѣдній за найденный у него "Листокъ Н. В." приговоренъ къ 2-хъ мѣсячному заключенію и высылкѣ изъ Вор. губ.

Саратовская губ. Въ маѣ 93 г. арестованы Пинегинъ и докторъ Тицъ; увезены въ Петербургъ.

Казань. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о казанскомъ погромѣ 1892-93 г. нась просятъ прибавить, что Острянина шпіономъ не былъ и сдѣлался доносчикомъ, только попавъ въ тюрьму. Дѣло отъ этого мало мѣняется, и зло, причиненное Острянинымъ, остается во всей своей силѣ. Кроме этого доносчика или шпіона (чѣмъ онъ именно былъ,—въ концѣ концовъ все-таки неизвѣстно) оговаривали также и Колногоровъ (а не Холмогоровъ) и Урляндъ; первый говорятъ, больше по глупости. Въ результатаѣ получились, кроме арестовъ, исключенія и высылки многихъ студентовъ и курсистокъ. Исключены между прочимъ Ивакинъ, студ. 5-го курса. Малышевы (два брата), Андреевъ, Шауръ, Печатниковъ, Петровъ, Парамоновъ, Ереиновъ, Вячеславовъ, Вульчинскій, Березинъ.—Изъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ Вульчинскій и Кобелевъ сошли съ ума. — По дѣлу 1891 г.: Карташевъ приговоренъ на $2\frac{1}{2}$ г. тюрьмы и 3 г. ссылки въ Волог. губ., Ефимовъ—на 1 г. 8 мѣс. тюрьмы и 2 г. ссылки въ Волог. губ., Матовъ на 2 г. тюрьмы и 3 г. ссылки въ Волог. губ., Кобелевъ — на 5 лѣтъ ссылки въ Иркутск. губ., Суворовъ на 2 г. и 3 г. въ

Волог. губ., Печатальниковъ и Петровъ на 8 мѣс. тюрьмы. Всѣ приговоренные выдержали отъ 16 до 18 м. предв. заключенія, и тюрьму имъ придется отбывать въ Крестѣ.

Вильно. Въ февралѣ 1892 по дѣлу Шараго, Родина и др. былъ обыскъ у Миля; въ марта 1892 обыскъ у Левинсона. Въ апрѣлѣ 93 обыски у Пѣскиныхъ и Моравскаго; въ іюнѣ—у многихъ рабочихъ, изъ которыхъ трое арестовано; въ апрѣлѣ по дѣлу этихъ рабочихъ обыскъ у прaporщика Михайловскаго, который отданъ подъ надзоръ. Въ сентябрѣ арестованъ Зайковскій; отведенъ въ Петербургъ.

Поневѣжъ. Ков. губ. Въ сентябрѣ 93 арестованы Мутниковичъ, Швойницкая и Клисъ, началь. пансиона. Тогда-же былъ обыскъ у Контовича; отданъ подъ надзоръ.

Шавли. Ков. губ. Въ маѣ 92 обыскъ у гимн. 8 кл. Фейнберга; исключенъ.

Калишъ. Въ 93 арестованъ крестьянъ Ольшевскій.

Верхнеболого. Въ 93 арестованы, при переходѣ черезъ границу, Сиг. Страшевичъ и Невроцкій, австр. подд.

Варшава. Въ янв. 92 арест. Копельзонъ, уч. Зубовр. шк.; въ марта арестованы: Гофманъ, Штернъ, и Голандскій. Въ апрѣлѣ 1893 арестованы студенты: Залкиндъ, Виткиндъ, Антокольскій, слушат. Зубовр. курсовъ. Въ сентябрѣ того-же года арестованы: Свидерскій, Архангельскій и Иваницкій.

Ростовъ-на-Дону. Въ февралѣ 1894 г. арестовано 28 человѣкъ; большинство рабочіе и служащіе Владикавказской жел. дороги. Изъ фамилій точно известна пока одна: нѣкоего Алабышева, о прежнемъ арестѣ котораго, кончившемся ничѣмъ, сообщалось въ „Материалахъ“. Полагаютъ, что аресты вызваны предательствомъ.

Тифлисъ. Въ январѣ 1894 года арестованъ Михаиль Кондратьевичъ Лаврусовичъ. Долгое время не знали куда онъ отправленъ. По послѣднимъ известіямъ онъ въ Петербургѣ.

По послѣднимъ известіямъ каторжане размѣщаются въ настоящее время такъ:

въ Акатуйской тюрьмѣ: Березюкъ, Якубовичъ, Минортъ, Гоцъ, Брамсонъ, Брачинскій, Эстровичъ старшій, Ал. Гуревичъ, Уфландъ, Фундаминскій, М. Орловъ, Славныскій(?), Кочурихинъ, Архангельскій;

въ Усть-Карѣ: Полина Перли, Болотина, Вѣра Госсахъ (Гоцъ);
въ Карийской „вольной командѣ“: Преображенскій, Левъ Златопольскій, Фоминъ, Фомичевъ, Софья Лешернъ, Мирскій, Левченко, Адр. Михайловъ, Добрускина, Ник. Лури, Вл. Чуйковъ, Пр. Ивановская, Н. Салова, М. Диковскій, Якимова, Красовскій, Рехневскій, Зунделевичъ, Майеръ, Дейчъ, Сухомлинъ, Яцевичъ, Волошенко, М. Поповъ, Пашковскій, Абаньина, А. Медвѣдевъ;

въ Акатуѣ въ „вольной командѣ“: Нагорный, Ел. Ковальская, Эстровичъ младшій, Берманъ, Терешковичъ;

въ Якутской области (вышедшие на поселение): Геккеръ, Лозяновъ, Диковскій, Байченко, Козыревъ, Зубжицкій, Давиденко, Бычковъ, Старынекевичъ, Мартыновскій, Дулемба, Спандони, Евгений Гуревичъ, Стояновскій (изъ Акатуя);

въ Забайк. области (вышедшие на пос.): Батоговъ, Прибылевъ, Анна Корба;

въ Алгачинскомъ рудникѣ: Павель Ивановъ;

въ Зарентуйскомъ рудникѣ: Малиновскій, Фрейфельдъ.

~~~~~
Умерли на каторгѣ и ссылкѣ:

Николай Мартыновичъ Санковскій отравился въ Акатуй. 39 лѣтъ, дворянинъ. Осужденъ на каторгу въ 82 г. за покушеніе на Черевина;

Василій Герасимовичъ Герасимовъ рабочій, — въ Якутской городской больнице. Около 40 лѣтъ. Осужденъ въ 1875 г. по дѣлу Дьякова и Сѣрякова. Пробылъ около 5 лѣтъ въ харьковской централкѣ, 2 слишкомъ года на Карѣ;

Иванъ Ильичъ. Тефтулъ, рабочій — въ Як. области. Около 40 лѣтъ. Осужденъ въ 79 году Сенатомъ. Пробылъ на Карѣ 5 лѣтъ;

Александръ Николаевичъ Занднеръ — въ Баргузинѣ. Сынъ купца Таврич. губ. Арестованъ 17-ти лѣтъ и приговоренъ по дѣлу казненнаго Чубарова къ 10 г. каторги;

Александръ Ивановичъ Доллеръ утонулъ въ Ленѣ, около Якутска. Слесарь. 33 лѣтъ. Осужденъ въ Кіевѣ въ 81 г. по дѣлу Юж. Русск. Раб. Союза;

Владиміръ Ивановъ — въ Иркутской тюрьмѣ. Студентъ Инстит. Инж. Пут. Сообщ.. адм. с. с. Сидѣль въ тюрьмѣ за протестъ противъ Якутской бойни.

Кмецикъ утонулъ на Сахалинѣ при попыткѣ къ бѣгству. Рабочій. Осужденъ по дѣлу Пролетаріата.

Александръ Никифоровичъ Лебедевъ — въ Якутской области. Былъ арестованъ въ 85 году и въ 87 г. высланъ въ Ялуторовскъ Тоб. губ., а послѣ за протестъ противъ административного произвола въ Сургутъ Тоб. губ., откуда бѣжалъ; въ 1890 вторично арестованъ въ Петербургѣ и поселенъ въ Булуни (въ 180 verstахъ отъ устья Лены), гдѣ кромѣ него не было ни одного человѣка ссыльныхъ. Эта жизнь въ полномъ одиночествѣ, при невозможной обстановкѣ скоро совершило разстроила здоровье Лебедева, и онъ писалъ, что сходитъ съума. Несмотря на хлопоты его перхолянскихъ товарищей, исправникъ отказался, сперва побѣшивъ, отпустить къ нему одного изъ друзей. Этотъ отказъ вызвалъ протестъ ссыльныхъ и арестъ нѣсколькихъ человѣкъ. Пока разыгрывалась вся эта исторія, Лебедевъ умеръ;

Владиміръ Григорьевичъ Малеванный — въ Томской больнице, на возвратномъ пути въ Россію. 49-ти лѣтъ, помѣщ. Екат. губ. Первый разъ арест. въ 79 г. и сосланъ въ Ирк. губ., откуда бѣ-

жалъ въ 1881. Вторично арестованъ въ Киевѣ и высланъ въ Киренскъ Ирк. губ., откуда переведенъ въ Як. область въ 89 г. за выражение солидарности съ Сургутянами и протестъ противъ ихъ высылки.

Сошли съ ума Екат. Мих. Тринидатская и Ел. Ив. Россикова. Тринидатская осуждена на каторгу по дѣлу типографіи Н. В. въ 1888 г. Россикова находилась въ Карѣ съ 81 г., и врядъ ли кто больше ея терпѣлъ на каторгѣ. Въ 84 г. она вмѣстѣ съ Богомолецъ и Ковалевской (отравившейся) была увезена въ Ирк. тюрьму, где все они были поставлены въ очень тяжелыя условія; администрація своими придирками вынудила ихъ къ голоданію, продолжавшемуся 16 дней. Затѣмъ Россикову отправили обратно на Кару, где столкновенія съ начальствомъ продолжались по старому. Въ мартѣ 88 г. ее и Богомолецъ отправили связанными въ лазаретъ и помѣстили въ невозможныхъ камерахъ; здѣсь Россикова пробыла болѣе 3-хъ лѣтъ, послѣ чего и сошла съ ума.

Арестованный въ февралѣ 92 г. вольноопредѣляющійся Вейнштокъ былъ преданъ военному суду, который осудилъ его на 10 лѣтъ каторж. работъ.

Эмигрантъ Орловъ, арестованный въ Турціи, выданъ русскому правительству.

Отданъ приказъ объ арестѣ лицъ, у которыхъ былъ произведенъ обыскъ въ Берлинѣ въ 1893 году: М. Бенезина, Г. Берличевскаго, И. Гельфонда, Т. Гельфонда, Н. Лопатина, Р. Капровскаго, А. Корфункена, С. Пескина, Г. Еоловскаго, Х. Раппопорта, Фанни Рацюпорть, Х. Роговина, А. Розенштейна.

Въ 1893 г., кромѣ упомянутыхъ въ прежнихъ выпускахъ „Съ Р. и на Р.“, вышли слѣдующія изданія:

За границей: 1) Продолжаетъ выходить „Прогрессъ“ въ Нью-Йоркѣ и Чикаго. 2) Продолжаетъ выходить *Free Russia* въ двухъ англійскихъ изданіяхъ въ Лондонѣ и въ Нью-Йоркѣ, и на нѣмецкомъ въ Цюрихѣ. 3) Степнякъ: Подпольная Россія (русскій переводъ съ послѣдовательствомъ автора), въ Лондонѣ. 4) П. Л. Лавровъ: 9-ый выпускъ „Опытъ исторіи мысли“, въ Женевѣ. 5) Петровъ: Чего хотятъ соціалисты, въ Парижѣ. 6) 1-е мая 1892, изд. соц.-дем., въ Женевѣ.

Въ Россіи: 1) № 2 „Летучаго Листка Нар. Воли“. 2) По поводу коронаціи, изданіе Группы народовъ. 3) Прокламація рабочаго къ рабочимъ, изданіе группы народ. 4) Программа кружка „Земля и Воля“.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ ЮЖНО-РУССКАГО ШТУНДИЗМА*).

(Корреспонденція изъ Кіевск. губ.)

Движеніе мысли, какъ протеста издавна установившемуся авторитету, известное въ Россіи подъ именемъ „южно-русскаго штундизма“, началось исключительно на почвѣ чисто-религіозной и появилось, въ свое время, какъ необходимое слѣдствіе подъема народнаго сознанія, получившаго толчокъ къ своему развитію въ первоначальныхъ церковныхъ школахъ, учрежденныхъ посельскимъ приходамъ послѣ манифеста 19-го февраля 1861 года. Мысль, такъ долго спавшая подъ игомъ рабства, съ учрежденіемъ даже мизерныхъ школъ, наконецъ, проснулась и начала свою обычную работу сразу на томъ именно поприщѣ, которое стало для нея наиболѣе доступнымъ, такъ какъ и школы эти преслѣдовали исключительную цѣль — дать голодному въ умственномъ отношеніи народу возможность читать книги божественнаго и нравоучительного содержанія.

Такія именно школы, едва-ли не ранѣе другихъ мѣстъ Россійской Имперіи, были учреждены въ приходахъ Кіевской губерніи, благодаря личному усердію въ дѣлѣ народнаго образованія тог-

---

*) Примѣч. ред. Корреспонденція эта прислана намъ священникомъ-миссіонеромъ, которому пришлось по необходимости хорошо познакомиться съ такъ называемой „борьбой духовнымъ оружиемъ“ нашихъ чиновниковъ въ мундирахъ и рясахъ противъ сектантовъ. Мы печатаемъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ получили, съ особенностями стиля и приемами изложенія, которые характеризуютъ общественное положеніе автора статьи и дѣлаютъ послѣднюю вдвойнѣ интересной.

дашняго кіевскаго митрополита Арсенія. Нужно признаться, что многія изъ этихъ школъ были открыты при сельскихъ церквахъ лишь на бумагѣ, въ однихъ официальныхъ дон. сеніяхъ по начальству, которое строго взыскивало за небрежное отношение священника къ дѣлу народнаго образования въ смыслѣ церковности. Тѣ же школы, которыхъ были открыты фактически, по своему строю были слишкомъ примитивнаго характера. И ютились онѣ по грязнымъ и темнымъ лачугамъ, часто въ чуланахъ причта, невѣдомо чѣмъ поддерживая свое жалкое существование, такъ какъ обѣ определенныхъ помѣщенияхъ для школъ, — а тѣмъ болѣе средствахъ для ихъ поддержки, — въ то время еще не могло быть и рѣчи. Во всѣхъ этихъ юныхъ школахъ обученіе дѣтей крестьянскихъ чтенію церковныхъ книгъ, равно и письму, было непремѣнною обязанностью нисшихъ служителей церковнаго клира, каковые, въ свою очередь, сами имѣли настоятельную нужду въ приобрѣтеніи элементарнѣйшихъ свѣдѣній въ той области знаній, которая выходила за предѣлы букваря, часослова и псалтыри. Понятно отсюда, что подобные учителя, при всемъ даже усердіи къ школѣ, не имѣли никакой возможности дать юной пытливой мысли учащихся ничего другаго, кроме собственнаго искусства читать эти буквари съ часословами. Какъ ни мало однако они сдѣлали, они сдѣлали все, что было имъ по силамъ: они ветряхнули сонную мысль и, научивши массу юнаго поколѣнія изъ народа разбирать печатное, вынуждены были собственною безпомощностью предоставить эту массу ея силамъ на пути дальнѣйшаго умственнаго совершенствованія. И поколѣніе грамотѣвъ, набившихъ вкусъ къ чтенію изученiemъ букварей и часослововъ, почувствовало жажду къ чтенію такихъ книгъ, содержаніе которыхъ было-бы доступно ихъ пониманію въ смыслѣ церковности, сверхъестественности, мистицизма, диковинности. Но запасовъ такого содержанія книгъ для народа духовная литература не имѣла, и этой спроѣ былъ цѣликомъ удовлетворенъ предложеніями соответствующаго товара со стороны. На рынкахъ появились житія святыхъ, сомнительного достоинства, разныя изданія лубочной макулатуры, гдѣ всякий вздоръ, — чѣмъ диковиннѣе, тѣмъ лучше, — шелъ для народа за здоровую пищу. И стали Егорій-Побѣдоносцы съ хожденіями богоородицы по мукамъ, да разныя Ерусаламы Лазаревичи съ Кощеями безсмертными и т. п. „страды“ умственнымъ достояніемъ читающаго и мыслящаго простолюдина на долгое время, такъ что появлявшіяся время отъ времени книжки для народа болѣе здраваго содержанія съ трудомъ проникали въ эту среду и, во всякомъ случаѣ, не могли собою вытѣснить упомянутаго ходкаго товара. Школы постепенно совершенствовались, плодились и книги для народа всевозможнаго содержанія; но духъ церковности и мистицизма тяготѣлъ надъ учащимися, и книги религіозно-нравственнаго и божественнаго характера пользовались среди народа рѣшительнымъ предпочтеніемъ.

емъ. И существенную услугу народной мысли на этомъ пути оказали не Ушинский и Корфъ, а, отчасти, Л. Толстой и, болѣе всего, Библейское общество съ Пашковымъ своими брошюрами религіозно-правственного содержанія, хотя и не чисто-церковнаго характера.

Мысль, свободная отъ виѣшняго рабства, по присущему ей праву возмущенія противъ того, что ей навязываютъ, сразу ухватилась за нить протеста противъ того давленія, которое тяготѣло надъ ней, въ видѣ церковныхъ авторитетовъ, въ продолженіи столькихъ вѣковъ. Брошюры библейского общества разбирались на-расхвать, и тѣмъ сильнѣе и успѣшнѣе пошла работа протестующей мысли на религіозномъ попришѣ, что съ этой стороны нельзя было ожидать сильного сопротивленія со стороны свѣтскаго начальства, прибѣгающаго къ церкви и ея содѣйствію къ выполненію своихъ государственныхъ задачъ только „въ минуту жизни трудную“. И дѣйствительно, стражи общественнаго благополучія не шевельнули пальцемъ, не видя въ подобномъ движеніи мысли народной ничего такого, чтобы грозило опасностью для ихъ престижа. Все, казалось, обстоитъ благополучно, повинности платежные отбываются по обычаяу, — чего-же болѣе? А тѣ, къ кому это новое явленіе относится, пустъ-де и раздѣлываются съ нимъ на свой рискъ. Подобное отношеніе власти къ дѣлу еще болѣе укрѣпило новаторовъ и проповѣдниковъ новаго религіознаго движенія въ мысли, что ихъ ученіе не возбуждаетъ въ правительствѣ тревогъ, и съ этой стороны властнаго veto ожидать нельзя. Движеніе быстрыми шагами пошло впередъ во всеоружіи проповѣди, протестующей противъ издавна установленныхъ церковно-религіозныхъ мертвящихъ понятій и требованій, оставшихся и до нашихъ дней на той-же высотѣ, что и въ первое время своего появленія. Появился открытый штундизмъ, отвергающій тѣ виѣшнія формы богопочитанія, которыя заслоняютъ собой внутреннее содержаніе предмета. Это новое ученіе охватило Кіевскую губ. ранѣе многихъ другихъ мѣсть потому именно, что въ ней народная грамотность была уже обычнымъ явленіемъ, и сознаніе народное достигло извѣстной степени своего развитія. Уже въ 1869 г. былъ занесенъ штундизмъ въ Кіевскую губ. крестьяниномъ Таращанскаго у. села Чаплинки Андр. Балабаномъ, долгое время находившимся въ услуженіи у пастора нѣмецкой колоніи Рорбахъ Херсонской губерн. Такъ явилась страшная гидра, которая безъ стѣсненія заявила свой протестъ какъ противъ церкви съ ея обрядностью, такъ и противъ представителей этой церкви, руководителей на пути къ нравственно-му совершенству, выражавшихъ это руководительство тѣмъ, что крѣпко держали народную мысль въ слѣпомъ повиновеніи церковному ученію, ведущему, якобы, къ этому совершенству.

И разъ протестъ возникъ на этомъ пути, и свѣтская власть въ концѣ концовъ умыла руки, то съ нимъ и пришлось считаться

самому духовенству собственными силами, такъ какъ этотъ протестъ грозилъ не только ниспровергнуть авторитетъ пастырей среди народа, но и повредить ихъ насущнымъ интересамъ, открыто заявляя о бесполезности тѣхъ обрядовъ церковныхъ, изъ коихъ духовные пастыри извлекали свою долю материальныхъ выгодъ. Духовное начальство забило тревогу: появилась обычная, въ виду опасности, масса предписаний, циркуляровъ, запросовъ и вопросовъ, предложенийъ и благоразумныхъ советовъ подвѣдомственному духовенству, чѣмъ дѣлать, чтобы удержать народную волнующуюся мысль въ первобытномъ состояніи. И руководителямъ народной совѣсти предсталъ вопросъ: какъ въ такомъ случаѣ согласить громкій протестъ, ими-же невольно рожденный, съ существующимъ порядкомъ вещей въ смыслѣ устойчивости преданій церковной старинѣ? Вопросъ этотъ по существу не былъ рѣшенъ духовенствомъ удовлетворительно и выродился въ странное на первый взглядъ явленіе, именно: духовенство зараженныхъ штундизмомъ приходовъ стало усиленно просить у своего начальства перемѣщений въ тѣ приходы, где мысль народная была цѣликомъ покорна церковной рутинѣ и, тѣмъ самымъ, давала возможность духовному отцу жить безъ тревогъ за свой авторитетъ и за свои прибытки, извлекаемые изъ народной темноты. Если прибавить къ этому, что священику въ такихъ приходахъ не было нужды напрягать своихъ умственныхъ способностей въ защиту церковной старинѣ, то станетъ совершенно понятно, что такие приходы являлись для косныхъ отцовъ обѣтованной землей, где медь и молоко получались безъ труда. И духовное начальство удовлетворяло подобныя просьбы, вполнѣ сознавая, что такие просители не въ силахъ противостоять разрознавшемуся протесту и не могутъ быть полезны церкви въ рядахъ борцовъ ея. Но просителей было такое огромное количество, что удовлетворить ихъ всѣхъ не было возможности. И вотъ у начальства явилась новая мысль: на помощь слабымъ воителямъ рѣшено было послать съ 1875 г. въ приходы, зараженные штундизмомъ, новые силы въ лицѣ окончившихъ курсъ семинаріи. Думалось при семь, что эти лица, въ званіи псаломщика и миссіонера, со свѣжимъ запасомъ вызубренныхъ богословскихъ истинъ и священныхъ текстовъ, будуть въ состояніи передать ихъ неправомыслящему народу и, тѣмъ самымъ, заблудшихъ овецъ вернуть въ покорное стадо. При этомъ никому не пришло въ голову, что подобная книжная истина, заученная памятью, а не добытыя разумомъ, никакъ уже не могутъ быть по-плечу малограмотному простолюдину, скорѣе угадывающему неправду непосредственнымъ чутьемъ и, потому, нисколько не расположенному къ восприятію такихъ чисто-апріорныхъ доказательствъ своего заблужденія. И эта незрѣлая мысль начальства не замедлила сказаться во вредъ церкви на первыхъ-же порахъ своего осуществленія.

Прежде всего, многие изъ посланныхъ въ приходы съ цѣлью быть помощниками священникамъ въ искорененіи штундистского вѣроученія, будучи поставлены лицемъ къ лицу съ непокорными мыслителями, лишенными семинарскаго образованія, послѣ нѣ сколькихъ выстрѣловъ изъ запасовъ своихъ свѣдѣній, очень ясно увидѣли, что эти выстрѣлы, кромѣ своей звучности, не имѣютъ другихъ достоинствъ и, дѣйствуя на барабанную перепонку слушателей, не проникаютъ въ ихъ сознаніе. Затѣмъ, другіе миссіонеры были поставлены въ положеніе еще болѣе неловкое тѣмъ, что въ средѣ мятежниковъ религіозныхъ имъ задавались самые безхитростные и наивные, но необычные вопросы, на которые сами миссіонеры не могли найти отвѣта въ запасѣ своихъ богословскихъ терминовъ. Что оставалось тѣмъ и другимъ миссіонерамъ дѣлать въ такомъ случаѣ? Только писать по начальству, что дѣла-де миссіи идутъ успѣшно, штундизмъ значительно падаетъ и.... просить, въ видѣ вознагражденія за свои труды, мѣста священника въ томъ приходѣ, гдѣ еще и понятія не имѣютъ о штундизмѣ. Не могу, при этомъ, умолчать объ одномъ случаѣ, когда одинъ изъ подобныхъ миссіонеровъ, лично мнѣ известный какъ по службѣ, такъ и по житейскимъ отношеніямъ, дошелъ въ своихъ донесеніяхъ по начальству до того, что сообщилъ ему о присоединеніи къ православію изъ штундизма такого лица, которое отъ-роду было глухонѣмымъ!..

Наконецъ, въ средѣ посланныхъ въ приходы, зараженные штундизмомъ, окончившихъ курсъ семинаріи оказалось значительное число и такихъ лицъ, которыхъ цѣликомъ находились подъ обаяніемъ идей второй половины семидесятыхъ годовъ, — идей, охватившихъ тогда учащуюся молодежь во всѣхъ умственныхъ пунктахъ обширной Россіи. Правда, контингентъ этихъ дѣятелей и самъ не имѣлъ прочно установленныхъ соціалистическихъ убѣждений: то были, такъ сказать, лишь прозелиты новыхъ идей настолько, насколько онѣ имѣли доступъ извнѣ въ строго охраняемую отъ всякихъ постороннихъ вѣяній семинарскую среду. Но этимъ дѣятелямъ нельзя отказать въ искренности ихъ желаній принести посильную пользу угнетенному и эксплоатируемому народу. И, — свидѣтели бури, разразившейся надъ передовыми застрѣльщиками новыхъ здоровыхъ идей и унесшей въ тюрьмы и могилы столько лучшихъ силъ и жертвъ, трудно вознаградимыхъ, — они рѣшили примкнуть къ религіозному протесту, менѣе подверженному гоненію со стороны сильныхъ міра сего, чтобы на этомъ поприщѣ проявить свою дѣятельность и, при помоши и подъ щитомъ религії, привить народу понятія болѣе здравыя и общечеловѣческія, насколько сами они воплотили эти понятія въ свою жизнь. И тѣмъ охотнѣе поступали эти личности въ число миссіонеровъ, что этому званію было присвоено право ученія въ церковно-приходской школѣ, равно и прибавлялось требование — вести непремѣнныя вечернія собесѣданія со взрослыми

членами прихода. Дѣти духовенства, издѣлства вполнѣ знакомые съ отношеніями этого духовенства къ школѣ и народу,— семинаристы эти отлично поняли, что подобное положеніе миссіонера слишкомъ выгодно для пропаганды, чтобы имъ не воспользоваться при данныхъ обстоятельствахъ. И они воспользовались тѣмъ охотнѣе, что пропаганда на этомъ пути наименѣе контролируема и, потому, наиболѣе безопасна: въ лучшемъ случаѣ священники посвящали школѣ одинъ часъ изъ своего свободного времени на урокъ закона божія, все же остальное сваливали на плечи учителя очень охотно, разъ учитель не отказывался отъ дѣла.

Но для вечернихъ собесѣдований въ школѣ со взрослыми нужно было запастись и необходимымъ материаломъ, въ видѣ книгъ для народа, брошюръ и т. п. И материалъ этотъ былъ найденъ въ изданіяхъ, отчасти, Л. Толстаго, и по преимуществу въ изданіяхъ Библейскаго общества, въ распространеніи которыхъ среди грамотнаго народа огромную услугу окказалъ своимъ содѣйствиемъ Пашковъ. Эти изданія и брошюры съ религіознымъ содержаніемъ, на первыхъ порахъ, были приняты духовной цензурой словно кладъ, могущий замѣнить собой и восполнить недостатокъ религіознаго материала для народа, заявившаго такой громадный спросъ на подобныя изданія. И школы запаслись этимъ материаломъ въ достаточномъ количествѣ; да и во многихъ домахъ, гдѣ былъ въ семьѣ грамотный, этихъ изданій было по нѣсколько экземпляровъ, не говоря уже о штундистахъ, у которыхъ можно было найти цѣлые вороха ихъ.

Теперь началась иная работа мысли. Школа, гдѣ учитель былъ готовъ давать объясненія недоумѣвающимъ, равно и самъ вель вечернія чтенія съ разъясненіями прочитаннаго, всегда была полна и учащимися, и слушателями, и совопросниками. Такая школа открывала новые горизонты народной мысли и вводила народное сознаніе въ ту область запретныхъ знаній, которая ему была до сихъ поръ недоступна по тѣмъ или другимъ причинамъ. И, въ уровень съ ростомъ народнаго самосознанія, на почвѣ открытаго религіознаго протesta возникъ и протестъ соціального характера, правда, въ слабой еще формѣ. Да и трудно было ему проявиться болѣе рѣшительнымъ образомъ, хотя бы и потому на первыхъ порахъ, что сами руководители народа на этомъ пути—только прозелиты свѣтлыхъ идей, а не сформировавшіеся характеры; съ другой стороны, и самъ народъ боится громко выражать свой протестъ противъ существующаго порядка вещей въ той области, которая касается самовластія, ничего неуважающаго, на средства мало разборчиваго. Но сѣмена брошены на почву возвѣянную, и ростъ этихъ сѣмянъ, хоть и медленный, но вѣрный, обезпечень. Живучесть ихъ очевидна изъ того, что духовное начальство нашлось вынужденнымъ обратиться снова къ свѣтской власти за содѣйствіемъ для искорененія зла, которое грозить не одной церкви, но и государству, проповѣдуя „не од-

ну бесполезность внѣшнихъ обрядовъ богочтитанія, какъ прежде, а примѣшивая сюда политическія ученія, навѣянныя Западомъ, согласно духу времени". Но свѣтская власть, занятая своими внутренними неурядицами, не охотно отозвалась на это заявленіе въ томъ, быть можетъ, предположеніи еще, что духовенство хочетъ сбыть съ плечъ своихъ непосильную обузу и потому пребываетъ къ уловкѣ. И духовному начальству снова пришлось изобрѣтать новые способы борьбы со все возрастающимъ зломъ. Было внушено духовенству приходскому зорко слѣдить за дѣломъ народнаго образованія въ духѣ церкви съ угрозой нерадивыхъ отрѣшать отъ мѣстъ; изданія Библейскаго общества и брошюры Толстаго были изгнаны изъ школьнаго библіотекъ, даже предписано было духовенству отбирать таковыя у прихожанъ по домамъ и представлять по начальству для сожженія (см. указъ Киевской духовной консисторіи, отъ 8 февр. 1884 г.); въ семинаріи была учреждена кафедра съ цѣлью специально подготавлять искусствыхъ и надежныхъ миссіонеровъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться. Въ то-же время одному изъ преподавателей семинаріи, Скворцову, именно тому, который занималъ противуштундистскую каѳедру, было поручено разъѣзжать по губерніи съ цѣлью разслѣдованія сущности ученія штундизма и причинъ его роста въ то время, когда онъ, повидимому, долженъ былъ бы падать, раздѣлившиесь на нѣсколько группъ съ болѣе или менѣе опредѣленной самостоятельной физіономіей. И поѣхалъ этотъ наставникъ семинаріи въ мѣста движенія, переодѣвалась въ разныхъ селахъ въ разные обычные народные костюмы, прикидываясь самъ простецомъ, чтобы легче и полнѣе можно было обойти простыхъ людей и выпытать у нихъ задушевныя мысли и думы, которыхъ они никогда-бы не повѣдали ему, какъ миссіонеру, присланному начальствомъ для ихъ вразумленія, да не повѣдали бы и никому другому, кто не былъ бы имъ извѣстенъ, какъ народный другъ и доброжелатель. Но на этой овечкѣ народъ не разглядѣлъ волчьей шкуры такъ искусно она была прилажена,— и это лицо успѣло все вывѣдать отъ народа и обо всемъ донести по начальству, чтобы получить заслуженную награду за свое умѣнье призаравливаться къ обстоятельствамъ, и за успѣшность, съ какой оно оправдало оказанное ему довѣrie.

Послѣ этого донесенія, со стороны духовнаго начальства полетѣли представленія (см., напр., Отчетъ о религіозно-нравственномъ состояніи Киевской Епархіи за 1888 годъ) въ Синодъ самаго мрачнаго характера, а дѣма пошли административные переводы священниковъ и учителей церковно-приходскихъ школъ въ глухія мѣстности, какъ наприм. Радомысьльскій уѣздъ. Когда-же и въ Синодѣ стало извѣстно истинное положеніе вещей, тогда пѣсня вышла иная. Киевскій генераль-губернаторъ, вызванный въ Петербургъ въ 1889 г. для объясненій по поводу современного состоянія штундизма въ его губерніи, не въ состояніи былъ дать

отвѣтъ вопрошающему Александру III и, получивъ выговоръ, возвратился въ Кіевъ для того, чтобы, въ свою очередь, сорвать гнѣвъ на правителъ канцеляріи, который въ этомъ дѣлѣ зналъ не болѣе своего патрона. Пришлося вторично прочитать представлѣніе духовнаго начальства обѣ этомъ предметѣ, а за разъясненiemъ вопроса обратиться къ этому начальству, какъ первоисточнику знанія. Но на балу у генераль-губернатора, сколько мнѣ помнится, 6 января 1890 г. послѣ крещенскаго парада, кіевское духовное начальство обѣ этомъ предметѣ высказалось различно. Извѣстно, что митрополитъ Платонъ здѣсь выразился о штундизмѣ, какъ о сектѣ христіанъ, преслѣдующихъ однѣ религіозныя задачи. Тогда архіерей, завѣдующій дѣлами миссіи, долженъ былъ напомнить ему, что въ донесеніи въ Сѵнодъ онъ, митрополитъ, былъ другаго взгляда на штундизмъ, какъ видно изъ документовъ, у нихъ находящихся. Старикъ обидѣлся и въ назиданіе своему подчиненному сказалъ эти слова: „когда митрополитъ говорить, другіе только слушаютъ“. Тѣмъ не менѣе, свѣтская власть, услышавъ о документахъ, попросила ихъ себѣ и, заручившись ими, забила тревогу и съ своей стороны съ тѣмъ усердіемъ, какое отличаетъ ее въ той области, которую она сторожитъ. Преподаватель семинаріи, оказавшій столько чутья въ разслѣдованіи причинъ роста штундизма, вошелъ въ славу и въ качествѣ свѣдущаго и полезнаго человѣка былъ приглашенъ въ 1890 г. генераль-губернаторомъ состоять при немъ чиновникомъ особыхъ порученій по дѣламъ южно-русскаго штундизма. И стали все чаще и чаще замѣчать, въ особенности на ярмаркахъ, этого чиновника прислушивающимся къ народнымъ разговорамъ и ведущимъ нерѣдко бесѣды съ охотниками его послушать. Но народу онъ былъ уже извѣстенъ, и переодѣванія приносили ему нынѣ мало пользы, такъ что оставалось одно: въ сопровожденіи сельскихъ властей, ночью, появляться въ дома подозрительныхъ штундистовъ съ цѣлью застать здѣсь собраніе и страхомъ вынудить какое-нибудь признаніе, что иногда ему и удавалось. Такимъ путемъ шло начальство въ изслѣдованіи учепія штундизма, пользуясь услугами нѣсколькихъ подражателей главному чиновнику, прибѣгавшихъ къ тѣмъ-же средствамъ своихъ знаній и открытій. Такъ установился и новый взглядъ на штундизмъ и, тѣмъ самымъ, новое отношеніе къ нему со стороны свѣтской власти, какъ такому учепію, которое, подъ прикрытиемъ религіи, на почвѣ религіознаго протеста ведетъ подпольную интригу противъ существующаго правительственнаго строя. Комитетъ министровъ серьезно занялся обсужденіемъ мѣръ къ пресѣченію возникшаго зла тамъ, где его менѣе всего ожидали, привыкнувъ къ народной тупой покорности тяжелому правительственному ярму. Состоялось соглашеніе въ этомъ комитетѣ (въ октябрѣ 1890 года) подвергать явныхъ виновниковъ распространенія нео-штундистскихъ тенденцій ссылкѣ въ каторжныя работы до восьми

лѣть, а послѣдователей этого новаго ученія — до четырехъ лѣть. И болѣе или менѣе видные руководители нео-штундизма были вынуждены выѣхать за предѣлы своего отечества. Между тѣмъ мѣстное начальство, въ порывѣ служебной ревности въ искорененіи крамолы, прибѣгло къ обычнымъ средствамъ вразумленія непокорныхъ. Извѣстенъ отвѣтъ пристава штундисту Малеванному: „мое дѣло не разсуждать съ тобою, а бить твою морду до тѣхъ поръ, пока говорить перестанешь“. По крайней мѣрѣ, откровенно: кулакъ въ Россіи былъ всегда лучшимъ доказательствомъ пракоты власти! Много было нахватано виновниковъ крамолы, еще болѣе избито; кого-же нельзѧ было ни бить, ни схватить, за тѣмъ учреждены строгіе надзоры: то сотскій, то волостной старшина, то урядникъ, то самъ приставъ заглянутъ къ вамъ, какъ бы невзначай, въ надеждѣ что-нибудь подмѣтить, что-нибудь высмотреть. А со стороны духовной власти стараются разные Кудрицкіе, Ольшевскіе, — и много ихъ развелось въ губерніи...

При такой совокупной опекѣ штундизму ничего не оставалось болѣе, какъ замкнуться въ себѣ и не выходить пока изъ рамокъ чисто мистическихъ, чтобы умѣрить пыль блюстителей порядка. Но будетъ время, когда тлѣющая искра, разгорится громаднымъ пожаромъ, чтобы въ огнѣ обновить устои русской жизни. Эта среда ждетъ своихъ сильныхъ дѣятелей, чтобы воспрянуть къ болѣе активной борьбѣ за попранныя права личности. Помощниками такимъ дѣятелямъ послужатъ учителя народные, пользующіеся довѣріемъ крестьянства, а такихъ учителей школы имѣютъ достаточно: всѣ они вышли изъ среды того-же народа, всѣ онѣ — плоть и кровь его. Я далекъ отъ мысли давать советы болѣе меня опытнымъ въ дѣлѣ политики; но не могу не привѣтствовать штундизмъ, какъ такое явленіе русской жизни, которое со-служитъ свою службу дѣлу народного возрожденія путемъ нис-проверженія государственного насилия при первомъ удобномъ случаѣ, руководимое лицами прочныхъ убѣждений, чѣго штундизму далеко не достаетъ въ данное время.... Но лица найдутся, а почва готовая и ждетъ своихъ дѣятелей, чтобы дать плоды во время свое!...

19 декабря 1893 года.

Пастырь добрый.

ЧТО ТАКОЕ „КРЕСТЬ“?*)

(Письмо из Петербурга).

Крестомъ называется новая С.-Петербургская тюрьма, расположенная на правомъ берегу рѣки Невы, на Выборгской сторонѣ, въ мѣстности до такой степени низкой, болотистой и влажной, что между булыжниками, устилающими тюремный дворъ, обильно проростаетъ... мохъ.

На этой-то зыби и расположены гигантскія зданія новой тюрьмы, глядящей своими безчисленными рѣшетчатыми окнами на широкую-широкую Неву, которая отдѣляется отъ стѣнъ тюрьмы лишь небольшой проѣзжей набережной. Название „Кресть“ дано Выборгской тюрьмѣ вслѣдствіе особаго расположенія ея главныхъ корпусовъ, образующихъ, если смотрѣть на нихъ сверху, совершенно правильную фигуру креста.

Такихъ корпусовъ два,—оба четырехъ-этажные, не считая под-

---

*) Примѣн. ред. Помѣщаемая нами корреспонденція представляетъ очень интересную страницу изъ скорбной книги русской тюремной жизни. Въ основаніе ея положены личныя впечатлѣнія автора. Но корреспондентъ нашъ не ограничился ими, а постарался пополнить и исправить результаты своего опыта при помощи пережитаго другими. Благодаря этому картина получилась гораздо болѣе объективная, и личность автора совершенно исчезаетъ за общими условіями того утонченного процесса мучительства, который наше гуманное,участвующее на международныхъ пенитенциарныхъ конгрессахъ, правительство пускаеть въ ходъ по отношенію къ заключеннымъ въ самой „образцовой“ русской тюрьмѣ.

валовъ, и пересѣкающіеся подъ прямымъ угломъ у канцеляріи начальника тюрьмы, занимающей такимъ образомъ центральное мѣсто. Кроме двухъ камерныхъ корпусовъ и канцеляріи имѣются зданія для конторы тюрьмы, для выработки горячей воды, служащей для отопленія, баня, церковь, кухня, больница, помѣщенія для служащихъ при тюрьмѣ помощниковъ начальника, холостыя казармы для надзирателей, а также квартира для самого начальника съ сарайми, конюшнями и пр. Всѣ тюремныя зданія выстроены изъ обыкновенного кирпича и обнесены невысокой каменной стѣной, едва превосходящей два съ половиной роста средняго человѣка; такимъ образомъ изъ камерь, расположенныхъ въ 3-мъ и 4-мъ этажѣ и выходящихъ окнами на берегъ, видна Нева и вся мрачная фигура большаго города, теряющаяся въ легкой дымкѣ постояннаго тумана на противуположномъ ея берегу.

Ворота, на верху которыхъ крупными буквами написаны слова: „Одиночная Тюрьма“, выходятъ на берегъ и постоянно содержатся на запорѣ; ключъ отъ нихъ находится у дежурнаго конвойнаго, безотлучно находящагося на своемъ посту. Черезъ эти ворота проводятся всѣ вновь прибывшия въ тюрьму. Проѣзда черезъ нихъ нѣтъ. Для проѣзда необходимаго для доставки каменаго угля, дровъ, сѣбѣстныхъ припасовъ, строительныхъ материаловъ, а также для вывоза изготовленныхъ арестантами предметовъ и пр. есть особыя ворота, тоже выходящія на набережную и строго охраняемыя по очереди конвойными, вооруженными револьверами.

Зданія выборгской тюрьмы построены, по образцу берлинской и вѣнской тюремъ, однимъ чешскимъ архитекторомъ и, нужно отдать справедливость, построены очень остроумно. Центръ креста, восьмиугольное обширное пространство, съ середины которого видны во всѣ четыре стороны всѣ части зданія, занять, какъ мы уже сказали, администрацией, наблюдающей и регулирующей отсюда всю тюремную жизнь. Внутри зданія тянутся два большихъ пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ коридора безъ промежуточныхъ между этажами потолковъ. Потолки замѣнены желѣзными неширокими (въ 2 аршина) балконами, которые обнесены желѣзными решетками и сообщаются между собою при помощи чугунныхъ легкихъ и просвѣщающихъ лѣстницъ. Балконы нарочно сделаны неширокими, чтобы можно было удобно наблюдать снизу корпуса за надзирателями, имѣющими непосредственное сношеніе съ заключенными черезъ небольшое отверстіе, продѣланное въ двери камеры и выходящее на соотвѣтствующій балконъ. Отверстіе это обыкновенно бываетъ наглухо заперто, конечно, тѣхъ случаевъ, когда черезъ него передается пища или ведутся какіе-либо переговоры между надзирателемъ и заключеннымъ. Благодаря такому устройству, изъ центральнаго зала корпуса видны всѣ двери камеръ и всѣ надзиратели, прогуливающіеся по

балконамъ, каждый по своей „галлереѣ“ и „надзирающіе“, кроме того, по уставу, другъ за другомъ. По балконамъ положены ковры, совершенно заглушающіе шаги надзирателей и служащихъ. Впрочемъ, такие ковры положены повсюду въ тюрьмѣ, и ходить не по коврамъ строго воспрещается.

Въ центральномъ залѣ корпуса находится комната для старшаго надзирателя, комната для помощника начальника тюрьмы, шинельная и пр. Кромѣ этого въ главномъ, восточномъ углу залы стоять большой образъ, передъ которымъ уголовными совершаются ежедневныя молитвы.

Небольшая одностворчатая наружная дверь, рядомъ съ шинельной, ведетъ въ тюремный дворъ. Черезъ эту дверь заключенные выводятся на прогулки. Другая дверь, такого-же устройства выходитъ на другую часть двора, гдѣ расположены зданія для бани. Дверь эта продѣлана не въ центральной, какъ первая, а въ боковой части корпуса и всегда находится на запорѣ; первая-же дверь постоянно охраняется особымъ надзирателемъ.

Полъ зданія заливть асфальтомъ и натирается чернилами и воскомъ; благодаря даровому труду арестантовъ, онъ содержится въ необыкновенной опрятности, для поддерханія которой и воспрещается, между прочимъ, ходить не по коврамъ.

Въ одномъ концѣ коридора находится общий ватерклозетъ, доступный со всѣхъ этажей. Это — большая желѣзная вертикальная труба, по которой нечистоты стекаютъ въ городскую канализацію.

Оевѣщеніе внутреннихъ коридоровъ корпуса совершается отчасти сверху, отчасти черезъ широкія и высокія, во всю стѣну, окна, находящіяся на концѣ каждого коридора, загороженныя крѣпкими рѣшетками.

Отопленіе камерь, какъ и внутреннихъ коридоровъ корпуса, совершается горячей водой. Въ большомъ котлѣ вода, постоянно накачивающаяся помпами, нагревается до 80° Р. и затѣмъ, по вертикальнымъ и широкимъ трубамъ, находящимся въ центрѣ зданія, отправляется въ верхніе большия горизонтальные каналы, изъ которыхъ, уже по небольшимъ и тоже вертикально-расположеннымъ трубамъ изъ желѣза, спускается по камерамъ. Эти послѣднія трубы идутъ зигзагами: труба выходитъ изъ камеры наружу, въ коридоръ, затѣмъ снова входитъ въ камеру, находящуюся подъ первой, т. е. этажемъ ниже, нагреваетъ ее, снова выходитъ въ коридоръ чтобы потомъ пойти въ слѣдующую нижайшую камеру и т. д. Наконецъ вода, отдавъ содержавшуюся въ ней теплоту, вытекаетъ изъ корпуса по трубамъ въ резервуары, изъ которыхъ помпами накачивается въ котлы, затѣмъ снова нагревается до 80° Р. и т. д. Такимъ образомъ безъ всякой опасности и чрезвычайно удобно нагреваются и камеры, каждая отдельно, и вся внутренность корпуса. При помощи специальныхъ крановъ можно изолировать какую угодно камеру отъ отопленія,

не препятствуя движению воды по остальнымъ частямъ нагрѣвательныхъ трубъ. Такое отопление, кромѣ того, чрезвычайно экономично. Одна бѣда: оно совершенно недостаточно для суровыхъ петербургскихъ зимъ. Въ крайнихъ камерахъ корпуса зимой температура нерѣдко стоитъ по 5-8 градусовъ, что, при обязательномъ труде, просто мучительно. Центральныя камеры, около которыхъ проходить первыя большія вертикальныя трубы, удобнѣе въ этомъ отношеніи, но и въ нихъ въ сильные морозы ртуть термометра стоитъ на 11°. Система отопленія, замѣчательная въ принципѣ, но невыдерживающая никакой критики при петербургскомъ климатѣ — самый главный недостатокъ тюремныхъ зданій креста. Правительство, однако, мало озабочено этимъ, и никакихъ измѣненій въ системѣ отопленія вводить не предполагается; хотя нетрудно-бы было, съ небольшимъ лишнимъ расходомъ, замѣнить горячую воду перегрѣтымъ паромъ.

Тюрьма освѣщается электричествомъ. Въ коридорахъ и у потолка камеръ висятъ небольшія электрическія лампочки, дающія достаточное количество свѣта. Но освѣщеніе электричествомъ введено, конечно, не для удобства заключенныхъ, а для удобства надзора за ними въ ночное время: достаточно повернуть крючокъ, находящійся снаружи каждой камеры, чтобы вся камера засияла яркимъ свѣтомъ. Такъ совершаются нерегулярный и такъ сказать внезапный ночной надзоръ за спящими арестантами. Но такое удобство дорого оплачивается. Освѣщеніе выборгской тюрьмы стоитъ тюремному управлению болѣе 1000 р. въ мѣсяцъ.

Камера. Это небольшая четыреугольная комната съ чернымъ асфальтовымъ поломъ и выбѣленнымъ потолкомъ, изогнутымъ въ небольшой сводъ. Длина камеры шесть обыкновенныхъ шаговъ, ширины — три. Камера освѣщается днемъ чрезъ небольшое окошко, продѣланное во вѣнчайшей стѣнѣ корпуса у самаго потолка камеры; однако, если встать на табуретку, можно видѣть черезъ него тюремный дворъ, рѣку и пр. Но вставать на табуретку воспрещено тюремными правилами и можетъ повести за собой наказаніе: лѣтомъ недозволеніе отворять створки окна, а лишь форточку, а зимой какое-либо другое: лишеніе кипятка и пр. Страго, но совершенно безуспѣшно, впрочемъ, воспрещается и прикармливаніе голубей.

Въ каждой камерѣ виситъ напечатанный перечень находящихся въ ней предметовъ, которые вновь прибывшій обязывается прежде всего провѣрить и, въ случаѣ недостачи, немедленно о томъ заявить. На этомъ перечинѣ выставлены и цѣны. Вотъ эти предметы и ихъ стоимость: кровать желѣзная съ установкой 14 р.; матрасъ мочалный 1 р. 50 к.; подушка соломенная 43 к.; пододѣяльникъ изъ синяго холста 80 к.; одѣяло суконное 2 р.; табуретка 80 к.; образъ 30 к.; евангелие 25 к.; молитвенникъ 25 к.; два мѣдныхъ ярлыка по 25 к. По поводу этихъ ярлыковъ мнѣ придется сдѣлать объяснительное отступленіе. Одинъ изъ нихъ, носящий но-

мерь камеры, нашивается на левый рукавъ одежды, въ которой заключенный дѣлаетъ прогулку, для того чтобы конвойные, въ случаѣ нарушенія заключеннымъ правилъ прогулокъ, могли тот-часъ-же замѣтить или записать его номеръ. Отсюда, между про-чимъ, необходимость гулять все въ одну и ту-же сторону (по кругу), номерами къ конвойнымъ, стоящимъ снаружи круга. Другой ярлычекъ, меньшихъ размѣровъ, служить для тѣхъ случаевъ, когда заключенный желаетъ спросить о чёмъ либо, или пожало-ваться на что-либо высшему начальству тюрьмы, т. е. или по-мошнику начальника или самому начальнику. Для этого, идя на прогулку, онъ имѣетъ право спустить свой „номерокъ“ въ одинъ изъ двухъ ящиковъ съ надписью на одномъ „помощнику“, на другомъ „начальнику“. Къ такого рода способу приходится при-бѣгать нерѣдко, вслѣдствіе слабо опредѣленной компетенціи раз-личныхъ инстанцій тюремной администраціи. Сплошь и рядомъ старшій надзиратель, безотлучно находящійся при корпусѣ, со-вершенно не знаетъ, что ему нужно отвѣтить на какую-либо просьбу заключеннаго, и отсылаетъ этого послѣдняго къ помош-нику. Помощникъ-же въ непредусмотрѣнныхъ случаяхъ отсыла-етъ къ начальнику. Высшей инстанціей, послѣ начальника, являет-ся главное тюремное управление, куда обращаться можно лишь письменно. По этимъ „номеркамъ“, на другой день, въ 10-11 ч. утра, заключенный вызывается, смотря по случаю, или къ начальнику или къ помощнику...

Но возвратимся къ нашему перечню: гребенка металлическая 25 к.; мѣдный тазъ для умыванья 2 р. 80 к.; кувшинъ для воды 2 рубля 35 к.; миска мѣдная 1 р. 29 к.; тарелка мѣдная 85 к.; кружка для кипятка, тоже мѣдная, 80 коп.; солонка 25 к.; деревянная ложка $1\frac{1}{2}$ коп.; даѣ деревянныхъ вѣшалки по 50-коп.; половая щетка для уборки камеры 40 к.; электрическая лампа 2 р. 60 к.; „клозентъ-ведро“ 2 р. 25 к. Объ этомъ клозентъ-ведре, а попросту парашкѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Это обыкновенное желѣзное ведро съ крышкой, поставленное въ деревянномъ стулѣ, который приложенъ къ продѣланному въ стѣнѣ от-верстію, ведущему въ находящійся въ стѣнѣ же специальный ка-наль, открывающійся на крышу зданія. Въ принципѣ предполага-ется, что черезъ это отверстіе должна быть тяга. Къ сожалѣнію, отверстіе, сообщающее стулъ съ каналомъ, не простое, а со-стоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ небольшихъ дырочекъ, пролѣ-паныхъ въ желѣзной пластинкѣ, которая крѣпко приколочена къ краямъ отверстія. Кромѣ того и дырочки-то эти нерѣдко на-половину закрашены кистью арестанта-маляра, красившаго стулъ. Тяга черезъ эти дырочки, конечно, недостаточна, и повременамъ въ камерѣ стоитъ тяжелый, удушливый воздухъ, въ особенности зимой, когда, открывъ форточку, рискуешь окоченѣть отъ холо-да. Иногда же тяга бываетъ обратная, т. е. не воздухъ камеры на-правляется черезъ трубу наружу, а воздухъ трубы наполняеть

камеру. Прибавьте къ этому обильную пыль ткацкаго станка или запахъ прогнившаго крахмала, отдѣляющійся отъ тысячъ сохнущихъ тутъ-же на полу камеры паниросныхъ коробокъ или „пачекъ“, и вы поймете, какъ тяжело привыкнуть къ воздуху „образцовой тюрьмы“.

За порчу перечисленныхъ предметовъ, находящихся въ камерѣ, съ виновнаго, кроме дисциплинарного взысканія, удерживается изъ принесенныхъ ему или имъ заработанныхъ денегъ по стоимости испорченного предмета.

Въ каждую камеру проведена ручка отъ звонка, находящагося около двери снаружи камеры. Этотъ звонокъ заключенный подаетъ всякий разъ, когда нуждается въ чемъ-либо. По звонку, устроенному такимъ образомъ, что въ него нельзя звонить два раза подрядъ, приходитъ надзиратель и, поставивъ звонокъ въ прежнее положеніе, отворяетъ форточку двери и спрашиваетъ у заключеннаго, что ему нужно.

Кромѣ желѣзной кровати, прикрепленной шарнирами къ стѣнѣ и запирающейся, на манеръ крышки ящика, на ключъ каждое утро вмѣстѣ съ подушкой, бѣльемъ и одѣяломъ, въ камерѣ есть еще небольшой деревянный столъ, на которомъ арестантъ работаетъ по клейкѣ, обѣдаетъ, пьетъ чай и пр. Столъ этотъ подвижной и можетъ быть переносимъ съ одного мѣста камеры на другое. Въ другихъ камерахъ, где находятся заключенные, работающіе по какому-либо ремеслу, которое требуетъ особыхъ приспособленій, поставлены необходимые приборы, станки ткацкіе, токарные, столярные, переплетные и прочіе. Кромѣ этихъ одиночныхъ мастерскихъ-камеръ имются и общія мастерскія, въ которыхъ работаютъ только тѣ изъ заключенныхъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, которые уже отбыли 2 года одиночного заключенія съ обязательными работами въ камерѣ.

По мѣрѣ изготавленія предметовъ и исполненія заказовъ, въ камеру является подмастерье съ двумя молодыми арестантами, которые и забираютъ склеенные коробки въ особые ящики, могущіе вмѣстить извѣстное количество коробокъ данного образца. Затѣмъ коробки складываются на телѣги и отправляются на фабрику. Кромѣ того, по каждому ремеслу имется особый мастеръ, приносящий въ камеры материалъ для работы, наблюдающий за работой и отбирающій сдѣланные предметы.

Клейкой паниросныхъ коробокъ занято большинство арестантовъ втораго корпуса. Кромѣ этого мастерства, въ томъ-же 2-мъ корпусѣ сосредоточены и другія ремесла, особенно по металлу. Въ камерахъ-же 1-го корпуса главнымъ образомъ сосредоточены работы по дереву и ткацкое ремесло, которому принадлежитъ первое мѣсто какъ по числу занимающихся рабочихъ, такъ и по доходности. Заключенному въ крестѣ на значительное время даютъ обыкновенно прежде всего мотать пряжу на маленькия шпульки или на большія катушки. Черезъ мѣсяцъ или два

заключенный приступает къ ткацкой работѣ. Ткацкій станокъ занимаетъ полъ-камеры. На ученье полагается три мѣсяца; по истечении этого срока требуется наткать 10 аршинъ холста въ день. За одну штуку холста въ 52 аршина платить 50-60 копѣекъ, въ зависимости отъ толщины холста. Холстъ № 14-й толще холста № 18-й, его скорѣе можно наткать 10 аршинъ, и плата за штуку № 14-го полагается въ 50 коп.; за то № 14-й даетъ гораздо болѣе пыли, чѣмъ № 18-й. Работать нужно сидя, что въ первое время чрезвычайно мучительно, такъ какъ нужно все время дѣлать движенія руками и ногами. Работа не требуетъ физическихъ усилий, но тяжела своимъ однообразіемъ и въ особенности обилиемъ пыли, которая проникаетъ буквально всюду. Доходность отъ ткацкаго ремесла значительна, такъ какъ арестанты изготавливаютъ огромное количество грубаго холста, идущаго на бѣлье арестантамъ-же почти всѣхъ остальныхъ тюремъ Имперіи, откуда въ кресть дѣлаются постоянные запросы на холстъ.

Клейка папироcныхъ коробокъ тоже не бездоходна, такъ какъ только 33% получаемой тюремной платы отъ фабрикантовъ идуть тѣмъ, кто исполняетъ заказы. Если мы предположимъ, что расходы по распределенію материала по камерамъ и отправкѣ изготовленныхъ коробокъ составляютъ 17% всей платы за работу, то и тогда тюремѣ останется чистаго дохода 50%.

Арестанты втораго корпуса, въ которомъ находится до 20 человѣкъ политическихъ, занятыхъ тоже клейкой папироcныхъ коробокъ, ежемѣсячно изготавливаютъ ихъ въ количествѣ 1¹/₂ миллионовъ. Конечно доходы съ такихъ мелкихъ ремеслъ, какъ клейка, невелики, однако и они достигаютъ до 450 рублей въ мѣсяцъ. Вообще-же окупаются съ серьезными барышами только ткацкое дѣло, фабрикація вѣнскихъ стульевъ, отчасти столярное и особенно типографское. Вопросъ о постановкѣ типографскаго дѣла въ большихъ размѣрахъ вызвалъ въ началѣ сильную оппозицію въ административныхъ сферахъ тюремного вѣдомства: думали, что дѣло будетъ убыточно. Практика-же послѣднихъ лѣтъ показала, что типографія приносить болѣе доходовъ, чѣмъ всякое другое ремесло, существующее въ тюремѣ: заказы въ выборгскую типографію, работающую на дешевомъ арестантскомъ трудѣ, сыплются со всѣхъ сторонъ. Политическіе, знающіе ремесла, могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выбирать при поступлениі въ тюрему какое угодно ремесло, кроме переплетного и типографскаго. Между прочимъ, къ чему это ограниченіе? Не потому-ли, что политическіе—люди интеллигентные—могли бы гораздо лучше исполнять это дѣло и даже находить этотъ труда сравнительно привлекательнымъ?

Если вновь прибывшій съ ремеслами не знакомъ, то, въ случаѣ небольшаго срока заключенія, онъ назначается во 2-й корпусъ, гдѣ получаетъ работу по клейкѣ папироcныхъ коробокъ съ обязательнымъ урокомъ дѣлать ежедневно 2000 коробокъ, до

которого онъ долженъ дойти втечеи 7-10 дней, ежедневно увеличивая число изготовленныхъ коробокъ и начавъ съ одной тысячи, которую онъ долженъ сдѣлать въ первый день. Въ случаѣ же болѣе длиннаго срока заключенія, ему чаще всего отводится камера съ ткацкимъ станкомъ. Несмотря на невысокую заработную плату, ткачи, проработавшиѣ два-три года, выходятъ изъ тюремы съ небольшой скопленной суммой; всѣ-же другіе зарабатываютъ до такой степени мало, что всѣ полученные деньги, до послѣдней копѣйки, уходятъ обыкновенно на покупку чая и сахара.

По прибытии въ тюрьму васъ прежде всего приводятъ въ контору, гдѣ отбираютъ всѣ карманныя вещи: часы, деньги, записные книжки и проч., въ чемъ вы и получаете соотвѣтствующую расписку, по которой отобранныя вещи возвращаются по выходѣ изъ тюремы. Деньги имѣть въ камерѣ строжайше воспрещено для избѣжанія подкуповъ надзирателей. Отобранныя при поступлениіи деньги хранятся, вмѣстѣ съ деньгами, заработанными во время заключенія, у особаго кассира; вещи-же—въ подвальномъ магазинѣ, у вахтера. Каждое воскресеніе, на особо установленныхъ чекахъ, заключенный можетъ „выписывать“ необходимые предметы, именно: хлѣбъ, баранки, чай, сахаръ, лимоны на сумму не выше той, которую онъ имѣеть въ кассѣ.

Для постоянной провѣрки расходовъ каждому заключенному выдаются особыя квитанціи, на которыхъ отмѣчаются, во первыхъ, имѣющаяся въ его распоряженіи сумма, во вторыхъ, слѣдленные имъ расходы. Эти квитанціи хранятся въ камерѣ.

По отбораніи карманныхъ вещей вновь прибывшій отправляется въ сопровожденіи вахтера въ подвальный этажъ, гдѣ онъ обязывается взять ванну. Въ это время вахтеръ тщательно обыскиваетъ одежду.

Затѣмъ вновь прибывшій помѣщается въ камеру; но въ первые два-три дня ему не дается никакой работы и не дозволяется пользоваться никакой иной пищей, кроме казенной. Собственную пищу, по особому прошенію на имя начальника тюремы, можно получать не ранѣе трехъ дней послѣ подачи прошенія. Прежде допускалась въ тюрьму пища съ воли, приносимая родными заключенного; но въ настоящее время разрѣшается имѣть лишь больничная тюремная порція за особую плату.

Вскорѣ по прибытии въ камеру васъ вызываютъ къ доктору, который, послѣ минутнаго поверхностинаго выслушиванія, пишетъ на листкѣ, носящемъ вашу фамилію, слово „здоровъ“. Это обозначаетъ, что безъ опасности для жизни заключенный можетъ быть безпрепятственно подвергнутъ всей строгости режима Выборгскаго рабочаго дома. Кстати, не мѣшало-бы гг. докторамъ, которымъ не безъизвѣстенъ этотъ режимъ, иѣсколько тщательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ и не такъ ужъ легко писать на бюллетеиѣ короткое, жестокое слово „здоровъ“.

По истеченіи трехъ дней одиночнаго заключенія безъ занятія и

на казенной арестантской пище, заключенный призывается въ канцелярію начальника тюрьмы, жандармского полковника Сабо.

Казенная пища отвратительна. Для обѣда дается какая-то бурда, носящая название супа или щей. Для того, чтобы эта бурда хоть сколько-нибудь напоминала действительные супъ или щи, ее нужно постоянно перемѣшивать; въ противномъ случаѣ овощи и крупа падаютъ на дно, а сверху остается грязноватая теплая вода. Послѣ такого горячаго дается каша съ кусками жира вмѣсто масла, или же кашица. Кашица это та-же каша, только ниже; при остываніи твердѣеть такъ, что можно свободно переворачивать тарелку вверхъ дномъ, не рискуя выронить содержимое. За ужиномъ дается тоже кашица. Въ обѣденный супъ, кроме овощей, кладется 10-12 крошечныхъ кусочковъ мелко изрѣзанного варенаго мяса. Кромѣ этого дается черный хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ и два раза въ день двѣ кружки кипятка въ двѣ чашки вмѣстимостью для приготовленія чая, буде послѣдний у заключеннаго имѣется. Два раза въ недѣлю, въ среду и пятницу, на обѣдъ дается квасъ съ соленою капустой и каша; вечеромъ, какъ всегда, кашица. При поступлениі въ тюрьму, если у вновь прибывшаго есть карманнныи деньги, онъ имѣеть право послать за чаемъ и за сахаромъ. Ить сомнѣнія, что казенная пища далеко недостаточна, и что только кипятокъ да черный хлѣбъ и поддерживаютъ существованіе арестанта, проводящаго шѣлье дни въ усиленной работѣ, въ душной крошечной камерѣ. Немудрено поэтому, что болѣзни желудка — обыденное явленіе въ тюрьмѣ. Но при такихъ условіяхъ развиваются и другія болѣе сложныя болѣзни; достаточно назвать цингу...

Итакъ заключенный является передъ начальникомъ. Начальникъ — высокий, крѣпкій сѣдобородый мужчина. Его бездѣятельность и лѣнъ создали ему нелестную репутацию въ извѣстныхъ сферахъ Петербурга, и въ послѣднее время начали ходить слухи объ его смыщеніи. Начальникъ снова провѣряетъ отобранный въ конторѣ при поступлениі въ тюрьму свѣдѣнія о личности заключеннаго, возрастѣ, вѣроисповѣданіи, занятіи и проч. и затѣмъ назначаетъ какую-либо работу, которая съ этого времени становится обязательной. Знающіе ремесла могутъ тутъ заявить объ этомъ и, если есть возможность, имъ дается работа по знакомому имъ ремеслу. Во меѣхъ другихъ случаяхъ работа назначается какая есть. Клейка и ткацкая работа имѣются въ тюрьмѣ постоянно, и огромное большинство арестантовъ занято именно этой работой.

Получивъ работу, заключенный отводится въ камеру, приспособленную для данного занятія, и остается въ ней до конца срока заключенія, если, конечно, не случится необходимости перемѣнить занятіе. Сначала, послѣ трехдневнаго бездѣйствія (чтение книгъ въ первые три дня тоже не разрѣшается), работа развлекаетъ, по скоро однообразіе и обязанность работать отъ зволка

до звонка въ продолжение 9 часовъ ежедневно, при непривычкѣ къ такого рода режиму, дѣлаютъ заключеніе чрезвычайно мучительнымъ, и работа становится ненавистнымъ занятіемъ.

День располагается слѣдующимъ образомъ. Въ 5 ч. 45 м. утра раздается въ центральной залѣ корпуса длинный электрическій звонокъ, по которому требуется вскочить съ постели, быстро одѣться и ждать момента, когда надзиратель отворить дверь камеры. Тогда нужно выносить „парашку“. Выше я уже сказалъ, что сливное мѣсто находится въ концѣ зданія (такихъ мѣстья два въ каждомъ корпусѣ, на противоположныхъ концахъ его). Слѣдовательно изъ центральныхъ камеръ зданія нужно пройти съ парашкой всю галлерею, занятую 15-ю камерами, и счастье ваше, если ваша очередь выносить—одна изъ первыхъ; въ противномъ случаѣ въ сливномъ мѣсто становится до такой степени душно и гадко, что едва удерживаешься отъ рвоты. Выносъ парашекъ организованъ такъ, что политическаго выпускаютъ только тогда, когда отворены камеры другихъ только уголовныхъ; по окончаніи выноса, его снова замыкаютъ въ камерѣ, отворяютъ камеру другаго политического и т. д.

Всѣ правила тюремной жизни установлены съ цѣлью воспрепятствовать всякому сношенію и встречѣ между политическими заключенными. Такимъ образомъ, напримѣръ, камеры политическихъ всегда выходятъ окнами въ одну сторону; камеры, окна которыхъ видны подъ угломъ изъ камеръ политическихъ, заняты исключительно уголовными. Кромѣ этого въ сосѣднихъ камерахъ, а также въ тѣхъ, которая находится непосредственно надъ камерой занятой политическимъ, и непосредственно подъ ней, помѣщаются уголовные. Всякія сношенія между политическими, благодаря такому порядку, абсолютно невозможны.

Вынесши парашку, требуется немедленно убрать кровать и замкнуть ее къ стѣнѣ, прижавъ на прикрѣпленный въ ней толстый желѣзный крюкъ. Отворить кровать можно послѣ этого только ключомъ съ трехугольнымъ отверстиемъ; этотъ ключъ находится на поясѣ у галлерейнаго надзирателя.

Затѣмъ нужно умыться. Умыванье обставлено сносно. Чистая свѣжая вода въ достаточномъ количествѣ; чистые мѣдные приборы, выложенные съ внутренней стороны.— все это, при обыденныхъ условіяхъ тюремного существованія, можетъ быть названо весьма удовлетворительнымъ. Это—единственная вещь въ тюрьмѣ, на которую не слышно жалобъ.

Въ 6 час. съ четвертью новый звонокъ въ три короткихъ удара призываетъ арестантовъ на молитву. Молитва совершается въ центральной залѣ корпуса и поется передъ образомъ небольшимъ хоромъ, составленнымъ изъ уголовныхъ арестантовъ. Молитвы всегда поются одинъ и тѣ же, хотя различны въ каждомъ корпусѣ. Послѣдней поется вѣрноподданическая „Спаси, Господи, люби твоя“. Во время исполненія молитвы,— слова которой разно-

сятся во всѣ четыре расходящіеся изъ центральной залы коридора и достигаютъ до самыхъ отдаленныхъ камеръ, — уголовные становятся у открытыхъ въ дверяхъ форточекъ, служащихъ для передачи пищи, и молятся. Форточки камеръ, занятыхъ политическими, во время молитвы не отворяются; политические, кромѣ того, не имѣютъ права принимать участія въ тюремномъ хорѣ.

Послѣ молитвы раздается кипятокъ. Дежурный уголовный каждой галлерей разносить кипяченую воду по камерамъ и, подъ наблюденіемъ надзирателя, наполняетъ ею черезъ дверную форточку назначенный для этого кружки. Эти кружки служить одновременно и чайникомъ и самоваромъ, и чашкою; въ нихъ прямо засыпается чай: другой посуды имѣть не разрѣшается.

Ровно въ 7 часовъ, а чаще за 3-4 минуты до 7 час. раздается снова длинный звонокъ, призывающій на работу; въ моментъ прекращенія звонка заключенные уже должны быть занятыми, каждый своимъ трудомъ. Надзиратель обходить камеры и смотрить, все ли за работой, черезъ маленькое отверстіе, продѣланное въ двери надъ форточкой и отворяющееся неслышно для заключенного при помоши небольшой желѣзной заслонки. Это отверстіе, или „глазъ“ — самая противная и оскорбительная вещь, какую только можно было выдумать; молодыхъ надзирателей, вербуемыхъ, чаще всего изъ отставныхъ солдатъ или иныхъ чиновъ жандармеріи, возможность наблюдать и не быть замѣченными, повидимому, чрезвычайно занимаетъ. При помоши этого же отверстія совершается и ночной провѣрка.

Прогулки обязательны для всѣхъ заключенныхъ по разу въ день. Для прогулокъ отведены два мѣста въ тюремномъ дворѣ: одно для заключенныхъ 1-го корпуса, другое для заключенныхъ 2-го. Это большие круги, уложенные каменными узкими плитами. съ окружностью длиной въ 60ъ обыкновенныхъ шага. Прогулка совершается всегда въ одну сторону и съ величайшими предосторожностями. На 30-50 человѣкъ уголовныхъ, идущихъ по кругу цѣпью одинъ за другимъ, выпускается 3-4 политическихъ. Такимъ образомъ политические отдѣлены другъ отъ друга десяткомъ уголовныхъ, и здѣсь, какъ и везде, никакое сообщеніе немыслимо. Сверхъ того всѣ уголовные одѣты въ казеннную одежду однообразнаго сѣраго цвѣта, а политические сохраняютъ собственную одежду. — не изъ уваженія, конечно, къ ихъ личности, а просто для облегченія надзора за ними, такъ какъ безъ этого они легко могли бы затеряться въ одноцвѣтной толпѣ уголовныхъ и тѣмъ затруднить простоватыхъ конвойныхъ, наблюдающихъ за прогулками. Число конвойныхъ рѣдко достигаетъ пяти; чаще всего ихъ трое или четверо. Они снабжены заряженными револьверами, получаемыми каждое утро отъ старшаго надзирателя корпуса, и строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы гуляющіе не преступали правилъ прогулокъ, т. е. не разговаривали, не шумѣли, не свистѣли, не оглядывались, не сходили съ панели, не

держали руки позади (по ему?), не останавливались и проч. Въ случаѣ нарушенія однаго изъ этихъ правилъ виновному приходится выслушать дерзкое замѣчаніе конвойнаго; а при повтореніи нарушенія правила, номеръ виновнаго тотчасъ же запсывается и вносится конвойнымъ въ книгу жалобъ не медленно послѣ прогулки, а самъ виновный обязывается возвратиться немедленно въ камеру. Прогулка, если позволительно такую гонку сквозь строй назвать прогулкой, продолжается $\frac{3}{4}$ часа. Добровольно уйти съ прогулки можно во всякое время. По истеченіи назначенного для прогулки времени главный конвойный (стоящий противъ выхода изъ корпуса) получаетъ сигналъ для окончанія прогулки и объявляетъ проходящимъ въ этотъ моментъ мимо него гуляющимъ, чтобы тѣ шли „домой“. Идущіе позади этихъ послѣднихъ обязываются тоже тотчасъ же уходить за своими передними, такъ какъ дѣлать лишній кругъ и войти въ корпусъ послѣ тѣхъ, которые во время прогулки были позади, не дозволяется. Разъ въ день выводятся на прогулку и больные или „слабые“. Прогулки совершаются по-галлерейно и отличаются какой-то особенной скучной и утомительностью. Иногда однообразіе прогулокъ нарушается самыми неожиданными образомъ: изъ-за угла корпуса показывается громадная фигура начальника тюрьмы. Главный конвойный дикимъ голосомъ командуетъ: „Шапки долой!“ и 50 человѣкъ уголовныхъ продолжаютъ прогулку съ обнаженными головами до тѣхъ поръ, пока фигура не скроется за другимъ угломъ зданія или не войдетъ въ корпусъ. Нечего и говорить, что политические не обращаютъ на эту команду никакого вниманія.

Слѣдуетъ замѣтить, что насколько конвойные грубы съ уголовными, настолько они стараются быть любезными съ политическими, не подающими разумѣться, никакого повода къ замѣчаніямъ, кромеѣ вѣкоторыхъ случаевъ, когда политический не замѣтить, что идетъ ближе къ переднему сосѣду, нежели къ заднему или наоборотъ: разстояніе это, которое должно быть болѣе или менѣе постояннымъ между гуляющими, регулируется каждымъ изъ нихъ приблизительно по наблюденіямъ надъ поддерживающимся въ данный моментъ разстояніемъ между тѣми изъ гуляющихъ, которые идутъ впереди и которыхъ, слѣдовательно, можно видѣть не оглядываясь. Въ такомъ случаѣ конвойный обращается къ арестанту и деликатно просить „потрудиться увеличить дистанцію“. При выходѣ на прогулку вы находите свою верхнюю одежду и шапку, хранящіяся въ особой шинельной на стулѣ, около выходной двери. Заключенные выпускаются на прогулку такъ, чтобы политические не встрѣчались другъ съ другомъ при надѣваніи верхней одежды. Наконецъ, во избѣженіе мороза быть подготовленнымъ побѣга черезъ ворота, которыхъ нерѣдко бываютъ отворены во время прогулки для проѣзда доставщиковъ дровъ, каменного угля и пр., прогулки устраиваются

для данной галлереи не въ одни и тѣ же часы дня, а такъ сказать внезапно, по усмотрѣнію старшаго надзирателя, завѣдующаго прогулками..

Прогулка кончена; заключенные возвращаются въ камеры и обязываются тотчасъ-же приняться за прерванную работу.

Въ 12 часовъ дня звонокъ для окончанія работы. По камерамъ разносится обѣдъ. О казенномъ обѣдѣ выше я сказаъ уже нѣсколько словъ. Такъ называемые собственные обѣды, т. е. тѣ, за доставку которыхъ изъ больничной кухни вносится заключенными особая плата, тоже отвратительны. Цѣны этихъ обѣдовъ различны: отъ 9 копеекъ порція (обѣдъ и ужинъ) до 21 коп. Это обыкновенно или картофельный супъ или плоховатыя щи съ накрошенными туда кусками мяса. На второе дается всегда одно и то-же мясо, твердое, сухое, выпаренное и вываренное всегда въ одномъ и томъ-же соусѣ какого-то грязноватаго цвета и пропислаго вкуса. Вечеромъ каша. И это для лучшихъ самыхъ дорогихъ порцій (15 и 21 коп.). Другія порціи (въ 12 и 9 коп.) состоять изъ супа или гороха и каши. Жаркого нѣтъ. Вечеромъ неизмѣнна кашница. Но и такая пища все-таки лучше обыкновенной арестантской, и всѣ политические пользуются этими "собственными" обѣдами. Никакихъ столовыхъ приборовъ имѣть въ камерахъ не разрѣшается, и никакими прошеніями нѣть возможности добыть разрѣшеніе пользоваться во время обѣда ножомъ и вилкой. Мясо, жесткое и жилистое, приходится поэтому рвать руками.

Съ нѣкотораго времени введенъ въ крестъ двухъ-часовой перерывъ во время обѣда, и съ 12 часовъ до 2-хъ во всѣхъ камерахъ открываются койки.

Въ два часа снова звонокъ. Арестанты должны закрывать койки и немедленно приниматься за работу.

Въ 7 часовъ вечера раздается звонокъ для прекращенія работы, и по камерамъ разносится кипятокъ и ужинъ.

Въ различное время дня, чаще послѣ обѣда, по камерамъ раздается вода для умыванья. До обѣда разносится хлѣбъ и соль.

Характерной чертой заключенія въ крестъ служить, кроме работы, полное приравниваніе политическихъ заключенныхъ къ уголовнымъ преступникамъ. Есть однако одинъ пунктъ, въ которомъ даже наше правительство признало, что такое приравниваніе, а по просту издѣвателство, должно имѣть нѣкоторыя ограниченія. Вотъ этотъ пунктъ: политические, имѣющіе образовательный цензъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній могутъ оканчивать работы часомъ ранѣе срока и при этомъ по желанію передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ. Въ началѣ 9-го часа вечера совершается вечерняя молитва, такая-же какъ и утренняя. Въ $8\frac{1}{2}$ часовъ вечера надзиратели обходятъ камеры и открываютъ койки. Въ 9 часовъ тушатся огни, и наступаетъ тяжелая, часто безсонная тюремная ночь на твердои, какъ дерево, соломенной подушкѣ.

жъ, въ спертомъ воздухѣ замкнутаго зданія, населеннаго 500 изнуренныхъ человѣческихъ существъ. Въ корпусѣ наступаетъ мертвая тишина. На ночь въ каждомъ корпусѣ остается всего четырьре надзирателя.

Но не надо забывать, что тюрьма построена по заграничнымъ образцамъ, что тюрьмой хвалится правительство и охотно показываютъ ее знатнымъ иностранцамъ: не можетъ быть, чтобы въ такой тюрьмѣ не заботились и о спасеніи души заключенныхъ. И действительно въ тюрьмѣ имѣется попъ, имѣется церковь для православныхъ и нѣчто въ родѣ небольшаго католического костельчика. По средамъ какой-то дешевенький псаломщикъ толкуетъ арестантамъ молитвы и говорить на нравственные темы: о дьяволѣ, соблазнахъ, адѣ и царствѣ небесномъ. Попъ обходитъ ежедневно извѣстное число камеръ, по расписанію, и пасеть свое угнетенное забитое стадо. Заходить онъ и къ политическимъ, спросивъ однако предварительно透过 надзирателя, желаетъ ли заключенный „побесѣдовать со священникомъ“. Если заключенный желаетъ, онъ является. Это пожилой человѣкъ (имя ему Иоаннъ) съ постной исхудалой физіономіей, съ неопределѣленнымъ выражениемъ лица — словомъ обыкновенный русскій попъ. Горе ваше, если вы вступите съ нимъ въ бесѣду: обильнымъ потокомъ на васъ польются смиренныя рѣчи о будущей жизни, необходимости страданія, великой истинности православной церкви, сундѣ и государѣ.... Немудрено поэтому, что политические нерѣдко отказываются „побесѣдовать со священникомъ“. Во всѣ праздничные дни (а такихъ въ тюрьмѣ немного: воскресенья и царские дни) заключенные въ 10 час. утра выводятся въ общую тюремную церковь. Это большое простое помѣщеніе, специальнѣо выстроенное для богослуженій. Каменный поль церкви состоить изъ бѣлыхъ и черныхъ квадратовъ. Молящихся ставить въ ряды на черные квадраты; такимъ образомъ разстояніе, отдѣляющее одного арестанта отъ другаго, вездѣ одинаково. Наканунѣ праздничныхъ дней, въ 6 часовъ вечера, въ церкви служится всенощная. Посѣщеніе церкви для православныхъ считается обязательнымъ, и только по уважительнымъ причинамъ или по болѣзни, удостовѣренной врачомъ, православный заключенный можетъ отказаться отъ присутствія при богослуженіи. Это правило вначалѣ строго примѣнялось и къ политическимъ, которыхъ выводили на богослуженіе по нѣсколько человѣкъ и ставили въ толпѣ уголовныхъ такъ, чтобы они не могли сообщаться какимъ-бы то ни было образомъ между собой. Но поведеніе политическихъ во время церковныхъ службъ оказалось недостаточно проникнуто благоговѣніемъ, и въ церковь ихъ водить съ нѣкотораго времени перестали: посѣщеніе церкви сѣдалось необязательнымъ. Въ церкви, какъ и повсюду, царить строгая дисциплина; никакихъ разговоровъ не допускается, оглядываться строго воспрещается, и пр. Богослуженіе совершається при тщательномъ надзорѣ раз-

ставленихъ по церкви надзирателей и одного старшаго того корпуса изъ котораго выведены арестанты. Церковь сообщается съ обоими корпусами небольшими свѣтлыми коридорами.

Два раза въ мѣсяцъ каждый заключенный пользуется бани. Это небольшое одноэтажное зданіе, расположеннное внутри тюремнаго двора и совершенно изолированное отъ другихъ тюремныхъ зданій. Въ банию выводять заключенныхъ группами до 8 человѣкъ уголовныхъ, въ сопровождении одного конвойнаго, и на каждую такую группу допускается одинъ политическій. При входѣ въ банию виситъ икона какого то святаго. Зданіе бани раздѣлено внутреннимъ широкимъ коридоромъ на двѣ части, разгороженныя на одиночныя камеры-бани. Въ этомъ общемъ коридорѣ устроена раздѣвальня, т. е. у входа въ каждую камеру поставлена табуретка и прибита вѣшалка. Послѣ бани заключенные обмѣниваютъ грязное бѣлье на чистое и получаютъ новую паволоку для подушки. Въ дверяхъ каждой камеры продѣлано окно для наблюденія за моющимися. Въ банию заключенные выводятся всегда въ рабочее время дня. На банию полагается часъ. Къ каждой камере проведены два крана съ горячей и холодной водой: затѣмъ имѣется мыло, вехотка и проч. принадлежности необходимыя для мытья. Поль камеры асфальтовый. У боковой стѣны поставлена скамья изъ продольныхъ деревянныхъ брусьевъ. Вечеромъ камера освѣщается электричествомъ.

Свиданія заключенныхъ съ родственниками совершаются для уголовныхъ по воскреснымъ днамъ отъ часу до трехъ. Политическимъ разрѣшены свиданія по вторникамъ; больнымъ, какъ политическимъ, такъ и уголовнымъ по четвергамъ. Для свиданій имѣется около contadorы тюрьмы особая комната, въ которой поставлено нѣсколько рядовъ деревянныхъ будокъ, со стеклянной крышей и съ отверстіемъ, затянутымъ частой проволочной рѣшѣткой. Ширина стѣнокъ будки не болѣе аршина. Черезъ затянутое проволочной рѣшѣткой отверстіе и можно разговаривать, но только на извѣстномъ разстояніи, такъ какъ проволочная рѣшѣтка двойная. Свиданіе продолжается $\frac{1}{2}$ часа и въ присутствіи конвойнаго; кроме того въ нѣкоторыхъ случаяхъ за свиданіемъ производится особое секретное наблюденіе черезъ смежныя будки. Пришедший родственникъ получаетъ въ contadorѣ билетъ на свиданіе, по которому его и проводятъ къ будку, когда уже въ ней находится, разумѣется подъ замкомъ, заключенный. По окончаніи свиданія конвойный сопровождаетъ заключенного въ его корпусъ и передаетъ старшему надзирателю.

Врачебная помошь обставлена слѣдующимъ образомъ. Въ тюрьмѣ находится одинъ старшій врачъ и нѣсколько младшихъ. Старшій врачъ изрѣдка обходитъ камеры. Въ случаѣ необходимости обратиться къ врачу, заключенный заявляетъ объ этомъ надзирателю и вызывается на слѣдующее утро вмѣстѣ съ другими, когда врачъ является на приемъ, т. е. около 10-11 часовъ. Здѣсь опять

политической вызывается только тогда, когда предшествующий политический, пользовавшийся совѣтомъ врача, уже снова запретъ въ своей камерѣ. Для приемовъ врача отведена камера въ нижнемъ этажѣ корпуса. Иногда заключенные, утомленные работой, обращаются къ врачу съ просьбой дать имъ отдыхъ въ 5-7 дней, который нерѣдко и получаютъ. Съ этимъ отдыходомъ связано двѣ вещи: во первыхъ работы становятся необязательными; во вторыхъ койка стоитъ цѣлый день открытой. Лѣкарство, прописанное врачомъ, выдается бесплатно изъ тюремной аптеки и разносится по камерамъ, занятымъ больными. Въ случаѣхъ серьезнаго заболѣванія, захворавшій помѣщается въ больницу. Это просторное, деревянное, одноэтажное зданіе находится въ серединѣ двора. Передъ окнами больница разведенъ небольшой садъ, напоминающій собой бѣдные скверы окраинъ Петербурга. Больница креста служить вообще для всѣхъ мѣстъ заключенія Петербурга, т. е. 14 "частей", исправительнаго, военнаго, пересыльнаго и пр. Она состоитъ изъ 5 бараковъ: хирургическаго, венерическаго, тифознаго, глазнаго и барака для умалишенныхъ. Каждый баракъ заключаетъ двѣ камеры по 15 кроватей въ каждой. Политические не отдѣлены отъ уголовныхъ. Въ больницу попадаютъ тѣ больные, которые нуждаются или въ частомъ совѣтѣ врача или въ уходѣ; а также и тѣ которымъ необходимо дѣлать перевязки. Врачей въ больнице 9 человѣкъ. На ночь остается одинъ дежурный врачъ. Кроме того при каждомъ баракѣ находится фельдшеръ. Книги даются въ больницу сколько угодно, пиша тоже лучше. Характерной чертой пребыванія политического заключенного въ больницѣ служить та почтительность и деликатность, съ какой тамъ всѣ съ нимъ обращаются.

Перехожу теперь къ описанію формальностей, какими обставлена пользованіе въ тюрьмѣ книгами и письменными принадлежностями. Въ тюрьмѣ имѣется небольшая библиотека, доступъ къ книгамъ которой вообще закрытъ для политическихъ. Изъ политическихъ могутъ пользоваться тюремной библиотекой лишь тѣ, которые обращены на работы въ общихъ мастерскихъ (см. выше). Эта категорія можетъ кромѣ того свободно обмѣниваться книгами. Иногда, чрезвычайно рѣдко, и по особому ходатайству начальника тюрьмы передъ Главнымъ Тюремнымъ Управлениемъ, разрѣщается чтеніе библиотечныхъ книгъ и во время отбытія политическимъ строго-одиночного заключенія; но таковыя книги по поступлѣніи обратно въ библиотеку могутъ быть выдаваемы для чтенія только уголовнымъ. На книги, принесенные извнѣ, заключенный долженъ въ установленное время (по воскресеньямъ, послѣ обѣда) написать прошеніе начальнику тюрьмы съ обозначеніемъ подробнаго заглавія принесенныхъ книгъ и года ихъ изданія. Для этого предварительно книги показываются заключенному старшимъ надзирателемъ. Годъ изданія играетъ большую роль, такъ какъ разрѣщеніе чтенія принесенной книги зависитъ отъ того,

упомянута-ли она или иѣть въ каталогѣ запрещенныхъ книгъ, изданномъ 14 июня 1888 года. Иѣть ничего курьезнѣе этого каталога. Въ немъ прежде всего бросается въ глаза отсутствие всякой системы при запрещеніи книгъ; во вторыхъ постоянное колебаніе запретить или не запретить, вслѣдствіе чего одна и та же книга то запрещается, то вычеркивается изъ списка запрещенныхъ книгъ. Очевидно, запрещеніе дѣлается просто по слухамъ, случайно, безъ всякой руководящей нити. Въ противномъ случаѣ чѣмъ, напримѣръ, объяснить тотъ фактъ, что „Вѣстникъ Народной Воли“ запрещенъ только со 2-го номера, а номеръ 1-ый, стало быть, считается благонадежной книгой и въ каталогѣ вовсе не упоминается, между тѣмъ какъ сочиненія невиннаго философа Агассиса изъяты безъ всякаго колебанія! Разрѣшеніе на книги, неупомянутыя въ каталогѣ и издавныя до 1888 года, получается черезъ три дня послѣ подачи прошенія. Разрѣшеніе на чтеніе книгъ, изданныхъ послѣ 1888 года, заставляетъ ждать себя иногда мѣсяца 2-3, такъ какъ идетъ по всемъ инстанціямъ до цензурного комитета, гдѣ, какъ извѣстно, чиновники завалены работой, а прошенія и книги разсматриваются по очереди. Главное Тюремное Управление можетъ еще разрѣшить обмѣнъ книгъ между тѣми политическими, которымъ было разрѣшено свиданіе между собою. Книги, принесенные съ воли, подвергаются предварительному осмотру тюремной администраціи; послѣ осмотра старшій надзиратель пишетъ на каждой книжкѣ красными чернилами слово „просмотрено“, и только тогда разрѣщенная книга можетъ быть выдана заключенному. Прочитанные книги хранятся въ помѣщениіи старшаго надзирателя до выхода изъ тюрьмы того заключеннаго, которому онѣ были принесены. Одновременно въ камерѣ можно имѣть только одну книгу беллетристического содержанія и до трехъ—паучнаго. Можно сверхъ того имѣть одинъ учебникъ и, для пользованія иностранными книгами, словарь. Чтеніе газетъ и переодическихъ изданій безусловно воспрещено.

Относительно письменныхъ занятій правила еще строже. Разрѣшается писать лишь на грифельныхъ доскахъ и тетрадяхъ установленного образца, пріобрѣтаемыхъ заключеннымъ на собственные деньги и по особому ихъ холатаиству о томъ, адресованному на имя начальника тюрьмы. Пріобрѣтеніе письменныхъ принадлежностей можетъ, стало быть, разрѣшено или неразрѣшено по усмотрѣнію тюремнаго начальства. Образецъ тетрадей, перьевъ, аспидныхъ досокъ и грифелей установленъ Главнымъ Тюремнымъ Управлениемъ. Всѣ эти принадлежности ежедневно вечеромъ отбираются дежурнымъ надзирателемъ для передачи на ночь старшему; утромъ онѣ выдаются снова въ камеру. Кромѣ этого всякая конченая работа, (если было разрѣшеніе на таковую отъ Главн. Тюр. Управлени), не требующая дополненій или исправленій, отбирается у заключеннаго и хранится при дѣлахъ тюремной конторы до окончанія срока заключенія.

Письменныя занятія, такъ-же какъ и чтеніе книгъ, разрѣшаются лишь въ свободные отъ обязательныхъ занятій часы. Въ случаѣ нарушенія этого требованія, книги и письменныя принадлежности немедленно отбираются и не могутъ быть выданы вновь, по существующимъ тюремнымъ порядкамъ, ранѣе недѣльного срока. Въ случаѣ обнаруженія какого-либо сношенія при посредствѣ книгъ или письменныхъ принадлежностей, начальникъ тюрмы имѣть право лишить виновнаго чтенія на какой угодно срокъ, отъ одного дня до окончанія заключенія, по личному своему усмотрѣнію. Писать-же въ этомъ случаѣ разрѣшается только дѣловыя бумаги, прощенія, письма и проч. и всегда подъ особымъ надзоромъ. Тетрадь и грифельная доска, въ случаѣ отказа возвращать ежедневно эти предметы старшему надзирателю, тоже могутъ быть отбираемы на определенный срокъ, какъ и книги, и тоже по личному усмотрѣнію начальника тюрмы.

Но maxимум наказанія это — карцеръ. Случаи, когда сажаютъ въ карцеръ политическихъ, крайне рѣдки: поведеніе политическихъ, вообще говоря, до такой степени корректно (по отзывамъ самихъ помощниковъ начальника), что начальству вѣроятно стыдно за свои драконовскія правила. Но уголовныхъ отправляютъ въ карцеръ нерѣдко, и чаще всего за буйство въ камерѣ, когда изступленный злобой человѣкъ превращается въ звѣря и бѣть не только мебель и посуду камеры, но и окна, дверь, стѣны.... Иногда, ночью, раздаются отчаянныя вопли буйнствующихъ уголовныхъ, которыхъ тщетно старается успокоить черезъ дверную форточку администрація корпуса съ помощникомъ начальника тюрмы во главѣ... Изъ другихъ камеръ раздаются звонки.... Арестанты, разбуженные криками, стучать въ двери, зовутъ.... Въ ихъ воспаленномъ воображеніи забитыхъ, загнанныхъ людей встаетъ ужасная картина, что начальство душить или травить одного изъ ихъ товарищей по несчастью. Надзиратели обходять камеры и объясняютъ, что все обстоитъ благополучно и что самое лучшее спокойно спать. Но какъ спать, когда тутъ, рядомъ, за стѣной совершается страшная драма человѣческаго страданія, грачищааго съ безумiemъ? Мучительныя, тяжелыя ночи.... Если все увѣщанія и угрозы, вмѣстѣ съ русскимъ требованіемъ „честнаго слова“, не приводятъ къ желанному результату, виновный отправляется въ карцеръ. Карцеръ — это отвратительный сырой темный погребъ, выкопанный въ землю подъ зданіемъ первого одиночного корпуса. Сквернейший воздухъ, выдѣляющійся изъ болотистой мѣстности праваго берега Невы, отсутствіе свѣта и пищи, кромѣ куска чернаго хлѣба и кружки холодной воды, дѣлаютъ это помѣщеніе, не снабженное никакой мебелью, особенно страшнымъ. Достаточно напомнить неповинущемуся арестанту о карцерѣ, и онъ, кромѣ самыхъ крайнихъ случаевъ только что, описанныхъ, немедленно становится послушнымъ, заискивающимъ, раскаивающимся.

Два слова о перепискѣ заключенныхъ съ родными и знакомыми. Письма разрѣшается писать втеченіе первого мѣсяца заключенія одинъ разъ; втеченіе втораго — два раза, а затѣмъ писать можно каждое воскресеніе. Втеченіе первыхъ двухъ недѣль, кроме открытоаго письма, отправляемаго заключеннымъ при поступлениіи въ тюрьму, писемъ писать обыкновенно не разрѣшается. Говорю „обыкновенно“, такъ какъ тюремное начальство можетъ разрѣшить отправку первого письма и ранѣе двухъ-недѣльного срока. Въ открытыхъ письмахъ заключенный имѣеть право сообщить своимъ родственникамъ о своемъ поступленіи въ тюрьму и о срокѣ, когда ему позволено будетъ послать первое письмо и разрѣшено первое свиданіе. Эти открытые письма содержать печатанный текстъ, въ которомъ оставлены два-три бѣлыхъ мѣста для заполненія ихъ пишущимъ. Отправление корреспонденціи лежитъ на обязанностяхъ тюремнаго начальства, но почтовые расходы оплачиваются заключеннымъ. Письма пишутся на особыхъ листахъ, выдаваемыхъ по прошенію изъ конторы и носящихъ штемпель изъ буквъ П. О. Т. (Петербургская Одиночная тюрьма). Письма проходить черезъ различныя инстанціи и только черезъ недѣлю отправляются въ особыхъ, заштемпелеванныхъ такимъ-же образомъ какъ и листы, конвертахъ адресату.

По тюрьмѣ ежедневно назначается дежурный помощникъ, обязанности которого заключаются, между прочимъ, въ томъ, чтобы обойти 60 камеръ и распросить арестантовъ, не недовольны-ли они чѣмъ-либо и не желаютъ-ли чего-нибудь заявить. Разумѣется недовольство всегда есть, и чаще всего на ближайшую администрацію корпуса: младшихъ и старшихъ надзирателей, съ которыми заключенному чаще всего приходится сталкиваться. Интересно, что обходы эти, идея которыхъ заимствована изъ заграничныхъ тюремъ и въ принципѣ заслуживаетъ полнѣйшаго одобрения, совершаются гг. помощниками въ сопровождении старшаго надзирателя, чтѣ придаетъ имъ болѣе торжественности и стѣсняетъ желаніе арестанта заявить что-либо, такъ какъ никому, конечно, не хочется навлечь на себя немилость старшаго надзирателя, имѣющаго всегда тысячи мелкихъ возможностей отомстить жалобщику.

Вотъ и все, что я могу сказать о крестѣ, его внутреннихъ порядкахъ, режимѣ его обитателей, его недостаткахъ и достоинствахъ. За правильность сведеній, сообщенныхыхъ въ этомъ письмѣ, могутъ поручиться всѣ тѣ, кому приходилось побывать въ этой новой тюрьмѣ, составляющей почему-то гордость нашего Главнаго Тюремнаго Управлѣнія. Я, со своей стороны, скажу, что я

не старался нарисовать мрачной картины, не сгущалъ умышленно красокъ, не искалъ недостатковъ предпочтительно передъ достоинствами—и, если картина все-таки вышла невеселой, не моя тому вина. Изъ Выборгской тюрьмы выходить изнуренными непосильнымъ подневольнымъ трудомъ, больными и желудкомъ, и нервами, особенно нервами отъ цѣлаго ряда издѣвательствъ и унижений человѣческаго достоинства.

А. Б.

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ И СОЦІАЛИЗМЪ.

(Письмо редакторамъ еврейскаго социалистического органа „Будитель“*).

Любезные товарищи,

Вы основываете въ Лондонѣ новый органъ социалистического направлениія на ново-еврейскомъ языке и желали имѣть мое мнѣніе относительно нынѣшняго положенія еврейскаго вопроса, который, къ стыду нашихъ современниковъ, остается еще „вопросомъ“ въ концѣ XIX-го вѣка.

Мое отношение къ нему не могло и не можетъ быть двусмысленнымъ, и я не разъ имѣлъ уже случай о немъ высказаться. Для убѣжденнаго социалиста всякий вопросъ о национальности принципіально устраниенъ уже тѣмъ самимъ, что социалистъ заявляетъ себя социалистомъ. Съ переходомъ социалистического учения въ фазисъ социализма *научнаго, рабочаго и революціоннаго* во всѣхъ индустриальныхъ странахъ міра стали одна противъ другой двѣ арміи: армія труда и армія капитала. И въ рядахъ этихъ армій смѣшились, игнорируя границы национальностей и государствъ, всѣ народности, всѣ языки, всѣ расы. На почвѣ каждой страны, сообразно юридическимъ условіямъ, тамъ существующимъ, и сообразно степени организаціи, которой успѣла тамъ достичь рабочая партія, для всѣхъ рабочихъ этой территоріи поставленъ, въ томъ или другомъ видѣ, одинъ и тотъ-же вопросъ о борьбѣ за завоеваніе орудій труда. Около тѣхъ рабочихъ союзовъ и около тѣхъ ихъ коалицій, которые представляютъ наи-

*) Въ настоящее время издание этого журнала уже прекратилось.

болѣе выгодные шансы для этой борьбы, приходится группироваться всѣмъ боевыми элементами соціализма, остерегаясь отъ всякаго разногласія, отъ всякой враждебности между отрядами одной и той-же арміи труда. Само собою разумѣется, что разница языковъ и нарѣчій заставляетъ въ подготавительныхъ фазисахъ борьбы вести пропаганду и агитацию на тѣхъ языкахъ, которые наиболѣе привычны для пропагандируемыхъ и для тѣхъ группъ, въ средѣ которыхъ ведется агитация. Но для лучшей и болѣе прочной организаціи приходится въ каждой странѣ въ виду лучшаго выполненія великой заповѣди рабочаго соціализма: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“, стремиться къ тому, чтобы всѣ отряды арміи труда въ одной и той-же мѣстности были охвачены одной и той-же волной пропаганды и, слѣдовательно, чтобы эта пропаганда могла въ большей части случаевъ идти на одномъ и томъ-же языкѣ.

Отсюда уже просто и прямо слѣдуетъ примѣненіе этихъ положеній къ еврейскому вопросу, какъ онъ поставленъ во всѣхъ странахъ, гдѣ болѣе или менѣе интенсивно обнаруживается одна изъ самыхъ печальныхъ нравственныхъ эпидемій нашей эпохи, агитация антисемитизма.

Для соціалиста-не-еврея само собою разумѣется, что соціалистъ-евреи есть такой-же братъ и товарищъ въ великой борьбѣ за завоеваніе орудій труда коллективностью рабочихъ, какъ и соціалисты всякой другой націи. Для соціалиста-еврея точно такъ-же не существуетъ и не должна существовать та разница въ обычаяхъ и привычкахъ обыденной жизни, которая установлена была традиціями болѣе или менѣе рѣзко между всѣми отдѣльными народностями, установлена была ими съ достаточнouю рѣзкостью и между евреями и не-евреями въ большинствѣ странъ Европы. Съ одной стороны—отрѣченіе отъ разницы національностей въ рядахъ арміи труда; съ другой—изверженіе ярма обычая, закрѣпляющаго эту разницу и тѣлающаго ее наслѣдственно: это — два соотвѣтствующіе одно другому требованія, поставленные ученіемъ соціализма каждому члену новаго всемирнаго союза съ одинаковой необходимостью.

Въ настоящее время эпидемія антисемитизма, о которой я только что говорилъ, вызываетъ болѣе многочисленную, иногда массовую эмиграцію евреевъ въ разныя страны, а потому въ послѣдніхъ скапливается населеніе евреевъ, временно недоступныхъ проповѣди соціализма на господствующемъ языкѣ страны. Именно это, насколько я понимаю настоящее положеніе дѣла, и вызвало агитацию на ново еврейскомъ нарѣчіи и появленіе на немъ органовъ соціалистическихъ, рядомъ съ прессою другаго направленія. Однако надо полагать, что это нужно лишь для настоящаго подготавлильного фазиса, т. е. для ознакомленія новыхъ прибывающихъ въ страну евреевъ, еще не усвоившихъ языка послѣдней, съ соціалистическимъ движениемъ въ ней; цѣлью специали-

зированной соціалистической агитациі должно быть лишь вступленіе впослѣствіи евреевъ-рабочихъ въ професіональныя ассоціаціи страны, устрания обособленіе рабочихъ по языкамъ, обособленіе, которое можетъ быть скорѣе вредно, чѣмъ полезно.

Кончаю замѣчаніемъ, что въ тѣхъ традиціяхъ, которыя уже тысячи лѣтъ усвоены еврействомъ, и даже въ тѣхъ печальныхъ гоненіяхъ, которыми исторія этихъ тысячелѣтій преслѣдовала этотъ народъ, заключаются, можетъ быть, иѣкоторыя данныя, благопріятныя для соціалистической пропаганды въ его средѣ. Если евреи старого обычая и старыхъ фантастическихъ вѣрованій ожидали Мессію, который долженъ былъ установить свое царство надъ всѣми народами, то не было ли это вѣрованіе безсознательнымъ подготовленіемъ къ болѣе рациональному убѣжденію? Не замѣнился-ли для новаго еврея,увѣровавшаго въ соціализмъ, миѳической Мессія мессіею реальнымъ въ провозглашеніи царства труда, которое должно низвергнуть золотаго тельца капитализма? Въ разсѣяніи евреевъ по всей поверхности обитаемой земли и въ фактическомъ отсутствіи для нихъ издавна *своей* территории и *своего* государства, не было-ли для нихъ подорвано само собою то противудѣйствіе интернационализму, которое у столь многихъ народовъ связано съ традиціею взаимнаго соперничества и взаимной ненависти, обусловленныхъ историческими границами между территоріями „своей“ и „чужой“ національности, „своего“ и „чужаго“ государства? Нация, которая дала въ XIX-мъ вѣкѣ Карла Маркса и Лассалля, не хранить-ли въ себѣ прирожденного или исторически-выработанного побужденія къ усвоенію соціалистическихъ принциповъ?

Привѣтъ товарищамъ-соціалистамъ, къ какой національности они не принадлежали-бы и на какомъ-бы языке они не печатали свои соціалистические призывы. Они для каждого изъ насъ — лишь по виѣшности различные элементы соціализма той страны, где они живутъ и борются со всемирнымъ врагомъ — капиталомъ.

П. ЛАВРОВЪ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Мы получили изъ Сибири, отъ нашего товарища Петра Филипповича Якубовича, полный рукописный сборникъ его стихотвореній съ разрѣшеніемъ напечатать ихъ. Мы постараемся въ возможно скоромъ времени приступить къ печатанію этого сборника, а пока помѣщаемъ нѣсколько стихотвореній изъ него.

НАКАНУНЪ.

Подъ вой волковъ лѣсной пустыни
Стонала снѣжная мятель
Въ тѣ дни, когда рука рабыни
Мою качала колыбель.
Еще не пробилъ часть завѣтный!
День, только день... И свѣтъ блеснетъ
На мѣстѣ ночи неразсвѣтной,
И нѣтъ обиды безотвѣтной,
И нѣтъ рабовъ, и нѣтъ господъ!
Но наканунѣ избавленья
Свирѣпый бичъ еще хлесталъ,
И не напѣвъ благословенъя
Мой слухъ младенческій ласкалъ.
Отцовскій грѣхъ въ правдивой злобѣ
Народъ на сына перенесъ:
„Тебя, зачатаго въ утробѣ
Изъ нашихъ мукъ, изъ нашихъ слезъ,
Пусть мѣсяцъ съ солнышкомъ не грѣеть
Ни мать-земля не бережетъ,
Пусть вихри бурные обвѣютъ,
Пусть воронъ черный заклюетъ!“...
Ужъ рабство гнусное истлѣло,
Но клятва та крѣпка была:
Увы! ни солнце не пригрѣло
Ни мать-земля не сберегла!...
И все мнѣ снится: глушь пустыни,
Бушуетъ снѣжная мятель...

И въ часть ночной рука рабыни
Мою качаетъ колыбель...

* *

ПО ЛАЗУРИ...

По лазури, чутъ бѣлъя,
Вьются стан облаковъ;
Рѣчка мшистая, синъя,
Тонеть въ зелени луговъ.
Незабудокъ мирныхъ глазки
Съ береговъ ея глядятъ,
И кругомъ, какъ въ царствѣ сказки,
Тишина и ароматъ.
Съ умиленною душою,
Съ окрыленною мечтой
Я стою, открытый зною,
Надъ уснувшимъ волной.
Сильныхъ плечъ ярмо безсплья
Малодушно не гнететъ,
Юность гордая, какъ крылья
Смѣло мчить меня впередъ!
Въ дикий сумракъ лѣтъ далекихъ
Дерзко хочетъ заглянуть,
И яснѣе водъ глубокихъ
Предо мною жизни путь.
Безъ раздумья и безъ страха,
Чрезъ погибшія мечты,
Онъ ведеть изъ тьмы и праха
Въ міръ добра и красоты.

* *

АРЕСТЬ.

Обрядъ окончился позорный...
Вотъ шумно распахнулась дверь —

И проглотила пастью черной;
И я одинъ, одинъ теперь!
И дни пройдутъ, быть можетъ годы...
—О, здравствуй, гробъ и вмѣстъ храмъ,
И колыбель родной свободы,
Живой укоръ ея врагамъ!
Молчанье тайны, сонъ могилы...
Съ тройной рѣшеткою окно
Кидаетъ полусвѣтъ унылый...
Но нѣть, не все погребено!
О, сколькихъ блѣдныхъ скорбныхъ тѣней
Я тихій шелестъ узнаю—
Борцовъ минувшихъ поколѣній,
Здѣсь чашу выпившихъ свою!
Чу! Словно стонъ или крикъ угрозы
Еще не смолкъ и по-сейчасъ...
Сырыя стѣны будто слезы
Роняютъ изъ закрытыхъ глазъ.

* *

МАТЕРИ.

Мнѣ снилось сегодня: въ безвѣстномъ краю
Въ слезахъ я родимую видѣлъ свою.
„Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дожду-ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И синѣга бѣлѣй стали пряди волосъ...
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальней странѣ!
Все слышу бряканье тяжелыхъ цѣпей,
Все вижу замки у дубовыхъ дверей;
За ними—знакомая поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!”
—О матушка милая! Радѣ-бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой:
Хать были-бѣ три жизни даны мнѣ въ удѣль,

Всѣ-бѣ отдалъ я, всѣ... и кѣ тебѣ-бѣ полетѣлъ!
Но душу живую я смѣю-ль продать?
Могла-ли-бѣ меня ты за сына признать—
И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой...

ПѢСНЯ БУРИЛЬЩИКОВЪ.

Тамъ, гдѣ холodomъ облиты
Сопки высятся кругомъ,—
Обезличены, обриты,
Въ кандалахъ и подъ штыкомъ,
Въ полумракѣ шахты душной,
Не жалѣя силы рукъ,
Мы долбимъ гранитъ бездушный
Монотоннымъ „тукъ“ да „тукъ“!

Гдѣ высокіе порывы,
Сны о правдѣ и добрѣ?
Ранній гробъ себѣ нашли вы
Въ темной каторжной норѣ!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано изъ рукъ...
Заглушая сердца раны,
Мы стучимъ лишь „тукъ“ да „тукъ“.

Съ нелюдимаго востока,
Съ плачемъ сибирскихъ непогодъ,
Этотъ стукъ пройдетъ далеко,
Въ грудь отчизны западеть!
И на гибнущее дѣло
Вышлетъ сотни свѣжихъ рукъ...
Бейте-жъ, братья, бейте смѣло,
Неустанно: „тукъ! тукъ! тукъ!“

ЧТО ДѢЛАЕТСЯ НА РОДИНѢ?

(Революционное обозрѣніе)

СОДЕРЖАНІЕ. I. Діалогъ между правительствомъ и обществомъ: „совсѣмъ напротивъ“! — Судьба нашихъ лѣсовъ, башкирскихъ земель, и пр. — Законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ.—Противо-общинная политика правительства.—Значеніе нового закона.—Типъ сельского кулака.—Государственное разведеніе ростовщичества.—Предостереженіе „Русской Мысли“.

II. Разложеніе самодержавія.—Что замедляетъ его?—Политическое положеніе Европы.—Франція и наши вѣнчные займы: вліяніе ихъ на кредитъ и бюджетъ Россіи.—Ростъ бюджета и обнишаніе страны.—Выколачивание податей.—Мещерскій, 5-ый томъ законовъ и розга.—Упадокъ крестьянского хозяйства, недостатокъ питанія, вырожденіе расы.

III. Чьи интересы поддерживаетъ правительство? — Крупное землевладѣніе.—Чтобъ стбить дворянинъ народу? — Крестьянская аренда въ земледѣліи.—Капитализмъ.—Нокровительственная политика.—Характеръ нашей промышленности: малое число рабочихъ; медленное развитіе техники; быстрота концентраціи капиталовъ.—Протекціонные тарифы и размѣры прибыли.—Рай капиталиста—адъ рабочаго.—Вырожденіе рабочихъ.

IV. Чего боится правительство?—Его отношеніе къ массамъ и интеллигенції.—Видимое опошленіе послѣдней.—Совѣтъ Верона Наполеону III и „Новое Время“ о молодежи.—Самодержавіе и цыганки.—Отголоски тулонскихъ празднествъ.—Протестъ московского союза землячествъ.—Заключеніе: значеніе большинства и меньшинства въ исторіи; бодрость революціонеровъ: отвѣтъ дебристовъ Пушкину.—Покаянная проповѣдь „Нового Времени“.

I

— Вы къ обѣданѣ-сь? спрашиваетъ въ одномъ изъ народныхъ рассказовъ провинциальный герой-канцеляристъ знакомую барыш-

нью. „Да съ... А вы тоже?“ спрашиваетъ въ свою очередь барышня.—Какъ можно: совсѣмъ напротивъ—...и герой дѣйствитель-но удаляется „совсѣмъ напротивъ“ ....въ питейный домъ, откуда приходить въ храмъ божій лишь къ шапочному разбору. Мнѣ постоянно вспоминается этотъ діалогъ, когда я думаю объ отно-шеніяхъ русскаго правительства къ обществу. Стоитъ только об-щественному мнѣнію высказаться въ какомъ-нибудь смыслѣ, какъ наше правительство непремѣнно пойдетъ „совсѣмъ напротивъ“, и если вернется на путь, указанный общественнымъ мнѣніемъ, то лишь когда обстоятельства требовавшія извѣстнаго решенія, уже совсѣмъ измѣнились.

Покойный Шелгуновъ, помню, не разъ рассказывалъ, что еще въ концѣ 50-хъ годовъ, когда онъ былъ подполковникомъ лѣс-наго корпуса, печать пробовала заговаривать о необходимости охраненія лѣсовъ. Но правительство, вѣрное своему „совсѣмъ напротивъ“, равнодушно присутствовало при варварскомъ истре-блении лѣсовъ и строжайше воспрещало пресѣкъ мѣшаться не въ свое дѣло. За то, когда топоръ вдосталь нагулялся по рощамъ, настучался по корнямъ. Правительство двинулось охранять то, отъ чего почти не осталось слѣда. Точно такъ же въ концѣ се-мидесятыхъ годовъ печать пыталась было раскрыть глаза на-шимъ мудрымъ предержащимъ на расхищеніе общественныхъ башкирскихъ земель. Но правительство лишь пуще отдавало этотъ резервный фондъ страны на потокъ и разграбленіе разной титулованной сволочи, въ родѣ министра Макова, чиновъ корпу-са жандармовъ, Слезкина и пр., а въ редакціи разсыпало секрет-ные циркуляры, предписывающіе молчать. Я живо помню отчая-ніе одного изъ сотрудниковъ покойныхъ „Отечественныхъ Запи-сокъ“, который осмѣлился было коснуться этого щекотливаго вопроса и въ отвѣтъ получилъ отъ Шедрина свою статью всю исчерканій и съ сердитымъ замѣчаніемъ: „сколько разъ гово-риль Вамъ, что обѣ этомъ писать не вѣрно: неймется таки!“ Но вотъ башкирскихъ земель больше не осталось, и правитель-ство озабочилось издать указъ о запрещеніи продажи того, что уже было давнымъ давно распродано.

Недавно опубликованный законъ о неотчуждаемости крестьян-скихъ надѣловъ въ значительной мѣрѣ является новой иллюстра-ціей къ этой милой политикѣ нашего самодержавія. Я не то хо-чу сказать, чтобы обезземеленіе мужика зашло такъ далеко, что и охранять нечего. До сихъ поръ обезземеленію этому клались преграды общиной,—на общинномъ началѣ у настѣ владѣютъ зем-лей $\frac{3}{4}$ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и $\frac{4}{5}$ бывшихъ госу-дарственныхъ,—и до сихъ поръ община выдерживала въ цѣломъ очень удачно натискъ всевозможныхъ неблагопріятныхъ условій, которыя подтачиваются ея существование. Но нельзя думать, что такъ и будетъ продолжаться, если самодержавіе проходяйничаетъ надъ страной еще нѣсколько десятковъ лѣтъ. Именно тотъ, кто

признаетъ громадную связь между политикой и экономикой, пойметъ безъ труда, что если всѣ правительственные дѣйствія, съ самаго 19 февраля 1861 г., клонить къ разрушенію общинъ, то рано или поздно они пробьютъ въ ней значительныя бреши.

Дѣйствительно, Положеніе объ устройствѣ быта крестьянъ признало въ принципѣ общинное владѣніе для Великороссіи. Но тутъ-же оно ввело цѣлый рядъ статей, которыя, что называется, распахиваются настежь ворота частной собственности и, стало быть, концентраціи земли въ однихъ рукахъ и потери ея другими. Такъ статья 165 о Выкупѣ позволяетъ каждому члену общинъ обращать въ личную собственность свой надѣлъ досрочнымъ взносомъ выкупной ссуды. А съ 1882 г. сенатскія рѣшенія даютъ это право сельскому кулаку, временно пользующемуся чужимъ надѣломъ, лишь-бы онъ взнесъ единовременно оставшуюся еще на этомъ участкѣ долю выкупной ссуды, хотя-бы большая часть была уже выплачена другимъ лицомъ. И вотъ какъ разъ съ 1882 г. досрочный выкупъ надѣловъ непомѣрно возрастаетъ: въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ съ 1861 по 1882 г. всего было выкуплено 47735 надѣловъ и въ нихъ 178000 десятинъ, а въ пятилѣтие 1882—1887 г. уже 101413 надѣловъ и 394504 десятинъ, больше чѣмъ, вдвое сравнительно со всѣмъ прошлымъ временемъ. Далѣе, статья 110 Положенія вмѣстѣ съ усадьбой передѣзила въ частное владѣніе дворовъ и тѣ пріусадебныя земли, которыя, по обычнымъ возарѣніямъ крестьянъ, подлежать передѣламъ. Положеніе предусмотрительно объясняло, какъ отъ общинного владѣнія переходить къ частному, но ни полусловомъ не заикнулось о томъ, какъ перейти отъ частнаго къ общенному, что на самомъ дѣлѣ нѣрѣдко бываетъ и въ Малороссіи, и на востокѣ среди колонистовъ иѣмцевъ и латышей. Наконецъ, 8-го июня прошлаго года, изданъ законъ, воспрещающій передѣлы ранѣе 12 лѣтъ и, мало того, подчиняющій ихъ контролю земскаго начальника и разрѣшенію уѣзднаго съѣзда. Сверхъ того, еще указомъ отъ 14-го июня 1886 г. правительство превратило оброчную подать государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи, повысивъ ее, впрочемъ, на 45% (о, благодѣтели!), и такимъ образомъ силкомъ перетащило цѣлую категорію государственныхъ арендаторовъ въ разрядъ собственниковъ, а ихъ надѣлъ изъ национального земельнаго фонда въ личную собственность.

Обо всѣмъ этомъ писалось въ свое время, и общественное мнѣніе предостерегало правительство отъ этихъ и многихъ другихъ крупныхъ ошибокъ. Но, какъ всегда, правительство шло „совсѣмъ напротивъ“. И вотъ теперь, когда кулакъ клешомъ впился въ общину, а число закладывающихъ или бросающихъ свои надѣлы все увеличивается, наши власти додумались до „нѣкоторыхъ мѣръ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ надѣльныхъ земель“ (см. официальное название узаконенія, подписанного Его Величествомъ 14-го декабря 1893 г.). Но что это

за мѣры, чтò это за чисто административное невѣжество и незнаніе условій деревни! Правда, продавать теперь надѣльныя земли сельского общества можно лишь послѣ особаго приговора, состоявшагося по рѣшенію $\frac{2}{3}$ крестьянъ на сходѣ; правда, до выкупа отдѣльное лицо уже не можетъ больше единовременнымъ взносомъ обращать свой надѣль въ личную собственность безъ разрѣшения мѣра. Но (см. § 2) „участки надѣльной земли, пріобрѣтенные отдѣльными крестьянами или состоящіе въ подворно-наслѣдственномъ ихъ пользованіи могутъ быть отчуждаемы... только(!) лицамъ, приписаннымъ или приписывающимъся(?) къ сельскимъ обществамъ“. Это „только“ и эти „приписывающимъся лица“ — цѣлая поэма, воспѣвающая на всѣ лады и всяческими стихотворными размѣрами поистинѣ колоссальное невѣжество или же отвратительное лицемѣре нашихъ законодателей.

„Только лицамъ сельскихъ сословій“? Да откуда-же берутся злѣйшие враги общинъ, враги простаго крестьянина, какъ не изънутра самой деревни, не изъ рядовъ „хозяйственныхъ мужиковъ“? Въ сущности говоря, у насъ настоящая разжива только и есть, что для крупныхъ фабрикантовъ и торговцевъ да для сельскихъ ростовщиковъ. Пока у нашего деревенскаго буржуя капиталъ не разбухъ до сотень тысячъ, которыя помогутъ ему примазаться или къ игрѣ на биржѣ кредитами и закладными листами, или къ концессіи по постройкѣ желѣзной дороги, или къ акціонерной фабрикѣ, дерущей съ рабочаго по 50% чистой прибыли, до тѣхъ поръ онъ предпочитаетъ оставаться въ деревнѣ, принимаетъ дѣятельное участіе въ сходахъ, не любить выдѣляться внѣшнимъ образомъ изъ сѣрой закчбаленной имъ массы, и даже при случайѣ не безъ нѣкоторой добродушной гордости скажетъ наряду съ подлиянымъ мужикомъ: „мы-ста люди неграмотные, єдимъ пряники неписанные: хоть гладко да сладко“. Какъ паукъ, онъ широко и далеко раскидываетъ сѣть эксплуатации; какъ пауку, ему нужна прицѣпа, и ее онъ находитъ въ деревнѣ, среди людей, которыхъ отдѣляетъ отъ него пропасть всемогущаго капитала и злѣйшей эксплуатациіи, но у которыхъ съ нимъ одна общая культура, одни обычай и привычки. Обыкновенно онъ — „временный купецъ“, онъ вносить „гильдію“, чтобы имѣть возможность грабить и на торгахъ и по подрядамъ. Но онъ не спѣшить выписаться изъ деревни, изъ подвластной ему „округи“. Не обольщаюсь мишурой, онъ не облачается въ нѣмецкое платье, не стоитъ за аристократизмъ манерь, вообще не лѣзеть въ баре, а питаетъ даже къ нимъ въ глубинѣ души обычное презрѣніе дѣльца къ бездѣльнику. Я достаточно перевидаль ихъ во дни своей юности, читатель, и не могу передать ихъ міровоззрѣніе лучше, какъ припомнивъ необыкновенно-остроумное, єдкое и вмѣстѣ почтительно-добродушное замѣчаніе одного изъ нихъ: „д-да-сь, господинъ-дворянинъ“, тянуль, хихикая въ разговорѣ со мной, одинъ изъ такихъ хозяйственныхъ мужиковъ: „извѣстное

тъло.... тонкая штучка, обращеніе тамъ и прочее, а только что феялка: и пахнетъ важно, а между прочимъ никчемный твѣть (т. е. цвѣть)».

Вотъ этотъ-то трезвый, степенный, неумолимый, какъ судьба, и по вѣнчному виду ничѣмъ не отличающійся отъ сѣрой, закабаленной имъ массы человѣкъ и примется бѣсть деревню подъ докровомъ новыхъ „ограждающихъ мѣръ“. Мало того, на помощь сельскимъ кулакамъ-старожиламъ двинутся въ деревню и кулаки-горожане, тѣ „приписывающіяся лица“, выхаживать которыхъ словно специально задалось правительство, указывая имъ закономъ путь къ обиранію мужиковъ: дѣлайтесь, моль, членами сельскихъ обществъ, и вамъ принадлежитъ исключительное право грабить деревню, не боясь конкуренціи прочихъ сословій. Государственное развитіе сельского ростовщичества — таковъ окончательный результатъ новыхъ мѣръ: спрашивается, зачѣмъ-же надо было правительству въ прошломъ году издавать законъ (24-го мая), преслѣдующій именно это ростовщичество? Я, конечно, не буду и останавливаться на параграфѣ, который запрещаетъ залогъ надѣла, потому что, при общемъ тяжеломъ положеніи крестьянства, этотъ запретъ будетъ обходиться подъ формой аренды. Кулакъ будетъ переряжаться въ съемщика земли, а ссуда, которую ростовщикъ будетъ выдавать владѣльцу, станеть называться арендной платой.

За то не могу не заключить этой главы отрывкомъ изъ одного интереснаго письма, присланного намъ изъ Петербурга и хорошо характеризующаго русскіе порядки: „Съ указомъ о неотчуждаемости надѣловъ министръ внутреннихъ дѣлъ носился какъ съ собственнымъ трудно-рожденнымъ дѣтищемъ, или по просту какъ дурень съ писаной торбой, но даже и первоначальный проектъ его былъ составленъ, конечно, не имъ, — для этого Дурново слишкомъ глупъ,—а однимъ чиновникомъ министерства, во время оно слывшимъ за краснаго, а нынѣ считающимъ возможнымъ сочетать „служеніе народу“ съ „вѣрноподданнической службой“ царю. При обсужденіи проекта въ государственномъ совѣтѣ, кто-то изъ думныхъ мужей, у кого были свои счеты съ Дурново, обвинилъ составителей въ „соціалистическихъ тенденціяхъ“. Министръ струхнулъ не на шутку, боясь, какъ-бы такая аттестація не дошла до собственныхъ Его Величества длиныхъ ушей, и рѣшилъ взять законопроектъ обратно, но его ужасу не было предѣловъ, когда онъ увидѣлъ, что было поздно, такъ какъ законъ уже прошелъ. Надо было теперь во что-бы то ни стало доказать свою благонадежность, и, какъ всегда, за все про все отвѣтила пресса. Министръ далъ приказъ Главному управлению по дѣламъ печати выудить какую-нибудь статью изъ послѣдняго номера какого-нибудь либерального журнала и дать возможность министру запретить ее какъ разъ за „соціалистическая тенденція“. Придрались къ невиннѣйшей изъ невинныхъ статьѣ Гольцева въ

„Русской Мысли“ о книжкѣ Лоріа и дали второе предостережение журналу, мотивируя это сравнительно подробно скрытымъ сочувствиемъ автора къ вреднымъ учениямъ социализма, и проч. На-те, моль, смотрите: я и тамъ крамолу прозрѣлъ, гдѣ-бы никто ее не могъ найти, а вы-же меня да въ социализмѣ обвиняете. Такъ вотъ какая непредвидѣнная цѣль событий развертывается порою передъ нашими глазами, и вотъ какъ билльярдный шаръ, пущенный въ министра его противникомъ, попадаетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ мирному обывателю”...

II

Дѣйствительно, было-бы отъ чего въ отчаяніе прийти, еслибы самодержавіе могло продержаться въ Россіи еще неопределенное время. Но, къ счастью, старый строй рушится, и все, что оттягиваетъ это крушеніе, только увеличить напряженность революціоннаго взрыва и заставить Россію навсегда и въ чистую расквитаться съ остатками прошлаго. Минъ какъ-то пришлось читать описание очень рѣдкой, но страшной болѣзни: окостенѣнія мускуловъ. Человѣкъ не можетъ ни пошевельнуть рукой, ни двинуть ногой, ни повернуть шеи, ни глотать пищи: словно въ овидьевыхъ метаморфозахъ онъ при жизни превращается въ неподвижный обрубокъ и задыхается въ гробу собственнаго-же окаменѣлага тѣла. Таково и наше самодержавіе! Не обращайте особаго вниманія на его неуклюжія движенія, на его конвульсивныя содраганья, которыми оно ломаетъ свѣжіе побѣги народной жизни: это — послѣднія попытки окостенѣвающаго организма. Можно лишь пожелать, чтобы этотъ неумолимый процессъ шелъ скорѣе, и чтобы великому народу не пришлось слишкомъ долго влачить за собой этого живаго мертвеца, къ которому его приковали несчастныя историческія события...

Во всякомъ случаѣ уныніе неумѣстно. Трупъ этотъ гальванизируютъ послѣднее время обстоятельства, съ внутренней жизнью страны ничего общаго не имѣющія и прочности самодержавія отнюдь не доказывающія. Я говорю о политическомъ положеніи Европы. Со времени рокового присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи, Европа находится въ крайне-ненормальномъ положеніи: вся она „сверкаетъ стальной щетиной“; всѣ государства раззоряются, стараясь перегнать другъ друга по части вооруженій; повсюду люди видятъ враговъ и повсюду ищутъ союзниковъ; вездѣ правящіе классы,—и представители чистаго милитаризма, и представители отжижающей теперь свой вѣкъ, ожи-

рѣвнѣй, безъидейной буржуазіи,—усердно играютъ въ шовинизмъ, стараясь пробудить доисторическую, звѣриную вражду къ чужимъ національностямъ: вѣдь это — ихъ послѣдній козырь въ борбѣ съ соціализмомъ, послѣдній маневръ, отвлекающій народъ отъ соціальной революціи.

Вотъ и буржуазные республиканцы Франціи не нашли ничего лучшаго, какъ заключить союзъ съ россійскимъ самодержцемъ, какъ они заключили-бы его съ королемъ ашантієвъ, съ предводителемъ зулусовъ, съ самимъ чертомъ, лишь-бы онъ пообѣщалъ имъ дать солдатъ противъ нѣмца. Но, конечно, этотъ союзъ какъ нельзя болѣе наруку нашему самодержавію, у которого уже давно кромѣ пустоты ничего въ казначействѣ не было. Франція — одна изъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ; она задыхается отъ избытка денегъ; у ней государственные фонды приносятъ не болѣе 3%; она покрываетъ болѣе 80 разъ по подпискѣ свои внутренніе займы: значить, пока дѣло дойдетъ до войны, пожалуйте союзничку на бѣдность, кормилицы на-а-а-ши! И дѣйствительно императорская Россія успѣла разными конверсіями и прочими операциами распихать на парижскомъ фондовомъ рынкѣ 8 миллиардовъ 400 миллионовъ франковъ (включая сюда акціи и облигациіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ и кредитныхъ обществъ), изъ которыхъ по крайней мѣрѣ 7 миллиардовъ между французскими рантье. Вотъ откуда знаменитая устойчивость нашего кредита да, въ значительной части, и наши бездефицитные бюджеты, которыми не нахваляются теперь царскіе финансисты, приписывая ихъ своей государственной мудрости*).

Но, кажется, и здѣсь, какъ во всемъ, самодержавіе дошло до предѣла его-же не прѣдѣши, и богатые союзники начинаютъ находить, что восточный пріятель ужъ черезчуръ много надавалъ имъ векселей. Потому-то, когда въ мартѣ мѣсяцѣ снова пошли слухи въ Парижѣ о предстоящемъ русскомъ займы, наши фонды отяжелѣли, и въ настоящее время вы не можете продать или купить 3000 франк. 4% русской ренты, т. е. 75000 франковъ, безъ того чтобы на парижскомъ рынке курсъ не упалъ или не поднялся на 50 сантимовъ, порою на франкъ со ста. Хорошо-же переполнена многомилліардная чаша нашихъ займовъ, если такая нижокная капля заставляетъ ее переливаться черезъ край!...

Сколько-бы однако зарвавшійся купецъ ни давалъ векселей, рано или поздно ему придется платить поnimъ, а не то ему грозитъ банкротство: къ такому именно краху и катится по на-

*) Наприм., изъ 214 миллионовъ рублей чрезвычайныхъ расходовъ въ 1892 году 138 миллионовъ были покрыты поступлениями отъ займовъ, и въ томъ числѣ $92\frac{1}{2}$ миллиона изъ реализації 3% золотаго займа 1891 года, который главнымъ образомъ помѣщенъ въ Парижѣ.

клонной плоскости наша императорская Россия. Довольно нѣ сколько словъ, чтобы охарактеризовать русскіе финансы. Ростъ нашего бюджета несомнѣнно опережаетъ развитіе производительныхъ силъ страны. 1889 г. наши обыкновенные доходы составляли 854 миллиона рублей; по смѣтѣ на 1894 г. они уже исчислены почти въ 1005. Такимъ образомъ мы съ божьей помощью перекатили на второй миллиардъ, о чемъ и не замедлила прогремѣть въ патріотические літары наша вѣрноподданническая печать. И, дѣйствительно, есть чему радоваться: вѣдь это—повышеніе въ пятилѣтіе почти на 18%! Кто-же однако осмѣлитсѧ утверждать, что земледѣліе, которое у насъ несетъ на себѣ почти всю тяжесть бюджета, производить теперь на 18% болѣе стоимостей чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ, когда самые охранительныя органы печати констатируютъ теперь упадокъ сельского хозяйства? Обратите вниманіе на другую черту нашего бюджета: съ нѣкотораго времени наши финансисты ухитряются сводить бюджеты съ значительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами (въ 1894 г., по смѣтѣ обыкновенные расходы исчислены въ 981 миллионъ, и, значитъ, излишокъ въ 19 миллионовъ) и не нахваляются этимъ изобрѣтеніемъ. Но что это означаетъ на самомъ-то дѣлѣ? Правительство нарочно назначаетъ по смѣтѣ невозможно высокую цифру доходовъ сравнительно съ расходами, т. е. тянетъ жилы изъ народа, чтобы отложить въ казначейство большій остатокъ. Хороша экономія, и опять-таки есть чѣмъ хвалиться! Это—разсужденіе чиновника-взяточника, который можетъ съ гордостью сказать, что безгрѣшные доходы позволяютъ ему не только жить съ семьей, но даже и дѣлать сбереженія на черный день. Интереснѣе было бы послушать, что говорить въ это время тотъ, съ кого дереть шкуру экономій папаша.

Къ тому-же разряду сомнительныхъ славословій принадлежить и знаменитое „превышеніе дѣйствительныхъ поступлений надъ исчисленными по ссудѣ“ (напр. въ 1893 году прямыхъ налоговъ собрано 135 миллионовъ рублей, т. е. болѣе смѣтного назначенія на 23 миллиона). Опять-таки мудрость не велика: министръ нажимаетъ на губернаторовъ, губернаторъ на мѣстную полнцю, полиція на волостныхъ и сельскихъ властей, власти берутся за розги — и въ концѣ концовъ изъ мужика выпарывается больше податей, чѣмъ сколько надо было по самимъ-же исчисленіямъ ministra для нормального сведенія бюджета. Хотите нѣсколько иллюстрацій изъ самой жизни? „Въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи“, пишетъ прошлогодней осенью корреспондентъ „Недѣли“, „взлумали сразу очистить годами накопившуюся недоимку. Какъ только окончилась уборка хлѣбовъ, началось усиленное взысканіе недоимокъ и при томъ полностью. Взыскиваютъ безъ всякихъ разсужденій и не принимая во вниманіе никакихъ обстоятельствъ. Нѣтъ у мужика денегъ, продаются у него скотъ и какое находится имущество: нѣтъ скота и мало имущества,

продаютъ домъ". Въ февралѣ текущаго года въ Таганрогскомъ округѣ, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, окружная администрація разослала приказъ полицейскимъ волостнымъ и сельскимъ властямъ „о принятіи самыхъ энергическихъ мѣръ по взысканію недоимокъ выкупныхъ платежей“, и это, замѣтите, читатель, въ томъ самомъ Таганрогскомъ округѣ, гдѣ „въ комитетъ по земскимъ дѣламъ со всѣхъ концовъ поступаютъ отъ цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ ходатайства о ссудѣ зерна изъ общественныхъ запасовъ для весенняго обсѣмененія полей“. Въ Вятской губерніи, какъ оказывается изъ З-го № официального „Вѣстника финансовъ“, „вмѣсто предположенныхъ 4.104 046 руб. къ сбору въ 1893 г. въѣствительности собрано 5.241 613 руб., т. е. переборъ составляетъ 27,7% къ назначенню“, или такой процентъ превышенія, какого не видывали за послѣднее 50-лѣтие, и при томъ, замѣтите, сейчасъ-же вслѣдъ за голодомъ 1891 г. и голодовкой 1892, когда въ губерніи убыла цѣлая четверть скота, сократились запашки, и толпы мужиковъ бродили по разнымъ мѣстамъ за заработкомъ. Стало быть, усердно- же драли!

И не говорите, что все это продѣлываютъ мелкія сошки администраціи. Нѣть, истязаніе непривилегированного плательщика — не злоупотребленіе мѣстныхъ властей, а нормальная система взысканія податей въ Россіи. Развѣ мелкая сошка — харьковскій губернаторъ, который въ своеемъ циркулярѣ отъ 20-го октября 1893 г. предписываетъ своимъ подчиненнымъ „обратить особенное вниманіе на своевременное взысканіе накопившихся на населеніи недоимокъ“, особливо среди крестьянъ, которые живутъ возлѣ имѣній помѣщиковъ, нуждающихся въ рабочихъ для уборки хлѣба, и тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ, другимъ циркуляромъ, отъ 3-го ноября 1893 г., „поставляетъ въ обязанность“ мѣстныхъ властей „оказывать всякое снисхожденіе крупнымъ землевладѣльцамъ“... по случаю паденія цѣнъ на хлѣбъ?

А недавняя курьезная полемика газетъ по вопросу дратъ или не дратъ? Развѣ не кончилась она властнымъ признаніемъ свыше, что не дратъ мужика невозможно? Объ этомъ, впрочемъ, стоить сказать нѣсколько словъ. Официозныи „Биржевые Вѣдомости“ кто-то изъ высшихъ сферъ сболтуналъ, будто новый министръ финансовъ издалъ циркуляръ казеннымъ палатамъ „объ ограниченіи экзекуціонныхъ мѣръ для взысканія податей съ крестьянъ“ и что будто „дѣло взысканія податей будетъ передано изъ вѣдѣнія мѣстныхъ полицейскихъ властей въ руки податной инспекціи министерства финансовъ“. Какъ всегда бываетъ, „ахъ бѣдные“, т. е. либералы, возликовали по случаю новой эры, консерваторы пришли въ негодованіе. Но князь Мещерскій, со свойственнымъ ему глубокимъ знаніемъ всего, касающагося порки, сейчасъ-же заявилъ, что этого не будетъ и быть не можетъ, ибо взысканіе податей безъ полиціи есть взысканіе безъ розги, а таковое противорѣчитъ всѣмъ законамъ божескимъ и

человѣческимъ въ благоустроенному, т. е. самодержавному государствѣ. Напрасно „Биржевые Вѣдомости“ издавались надѣть нѣжествомъ князя; напрасно либеральничающее съ нѣкотораго времени „Новое Время“ приглашало его заглянуть въ такія-то и такія-то статьи V тома законовъ, по которымъ-де вмѣшательство полиції требуется лишь тогда-то и тогда-то: великій розговѣдѣцъ стоялъ на своемъ — и, оказалось, былъ правъ. Послѣ нѣсколькихъ дней колебанія, либеральныхъ ликований и реакціонныхъ взвизгиваній, „Правительственный Вѣстникъ“ отрекся отъ своего офиціознаго собрата, презрительно называвъ его „одной петербургской газетой“; заявилъ, что сообщеніе о циркулярѣ „совершенно невѣрно“; напомнилъ, что указанія по взысканію податей обсуждаются совмѣстно министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и министерствомъ финансовъ, и что эти „указанія собственно губернскай власти преподаются не министерствомъ финансовъ, а министерствомъ внутреннихъ дѣлъ“; въ заключеніе выразилъ обѣща-
ніе правительства и впредь „неукоснительно взыскивать платежи съ плательщиковъ“. Смыслъ сего заявленія не оставилъ ни малѣйшаго сомнѣнія: Мещерскій былъ дѣйствительно выразителемъ правительственныйыхъ взглядовъ, и ему если и не книги (5-ый томъ законовъ), то розги въ руки!

Результаты непомѣрной тяготы, которая лежитъ на мужикѣ, и свирѣпости, съ какой государство грабить народъ, на лицо. Крестьянское хозяйство раззоряется съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. До голода 1891 г. уже считалось около 20% домохозяевъ, лишившихся рабочаго скота, а по переписямъ, произведеннымъ въ 1892—1893 гг., число такихъ домохозяевъ въ постигнутыхъ неурожаевъ мѣстахъ дошло до 40%—50%. По конской переписи 1888 г., въ 41 губерніи считалось болѣе 29% безлошадныхъ крестьянъ, при чмъ полагаютъ, что $\frac{2}{5}$ этой категоріи, или значить 11,6% всѣхъ крестьянъ, уже не могутъ сами обрабатывать своихъ надѣловъ, а принуждены сдавать ихъ. Въ однихъ 34-хъ земскихъ губерніяхъ изъ 50 миллионовъ крестьянъ въ 1888 г. было 11 миллионовъ безлошадныхъ, а въ 1891 г. такихъ прибавилось 4 миллиона; итого, въ 1892, здѣсь было уже безлошадныхъ 15 миллионовъ душъ. Мало того, выколачивание податей заставляетъ мужика урывать отъ своего потребленія возможно большую часть хлѣба и продавать его по баснословно низкой цѣнѣ, главнымъ образомъ для вывоза за-границу. Въ пятилѣтие 1887—1891 гг. вывозилось ежегодно изъ Россіи до 400 миллионовъ пудовъ, т. е. $\frac{1}{5}$ всего хлѣбнаго производства, и въ то-же время на жителя приходилось ежегодно лишь по 12,4 пуда растительной пищи (хлѣба и картофеля въ переводѣ на зерно), тогда какъ, напр., въ Сѣверной Америкѣ приходится 51,2 пуда, во Франціи 19, въ Германіи 18,6, въ Англіи 18,4. И, кромѣ того, не надо забывать, что во всѣхъ упомянутыхъ странахъ потребляется много мяса, а вѣдь у насъ хлѣбъ да картошка да лукъ —

вотъ и разносоль весь. Поль давленіемъ тяжелыхъ условій раса мельчаетъ и вырождается: по отчету министерства внутреннихъ дѣлъ, общая цифра лицъ, признанныхъ негодными къ военной службѣ, достигла въ 1893 г. 150000, т. е. 20% всего призыва, а между тѣмъ какъ разъ въ этомъ году понижены были требованія въ отношеніи роста и физического развитія и повышенъ возрастъ призывашихся!...

III

Но если самодержавіе, презирая истинные интересы страны, такъ расправляетъ съ мужикомъ, главнымъ плательщикомъ податей и главнымъ поставщикомъ солдатъ, то куда же идутъ его симпатіи, какимъ интересамъ служить оно? Мы, конечно, не думаемъ забираться въ глубь вѣковъ, а будемъ говорить только о царствованіи Александра III. Послѣ года нелѣпой и комичной игры въ народнаго царя, нашъ самодержецъ ступилъ ни путь по-кровительства дворянскому владѣнію и крупному капиталу, и съ этой сомнительной заслугой и перейдетъ въ исторію.

Учрежденіе Дворянского банка дало усиленный толчекъ задолженности благороднаго сословія, которое проѣсть новыя ссуды съ новыми льготами, какъ оно до 1861 г. проѣло $425\frac{1}{2}$ миллионовъ ссудъ изъ старыхъ кредитныхъ учрежденій, какъ позже оно проѣло выкупныя свидѣтельства, какъ теперь оно проѣдаетъ ссуды изъ земельныхъ банковъ, безъ всякой пользы для землевладѣлія. Въ началѣ текущаго года долги частнаго землевладѣнія, и, конечно, преимущественно дворянскаго, достигали $877\frac{1}{2}$ миллионовъ руб. лишь собственно кредитнымъ учрежденіямъ, не считая долговъ по вторымъ закладнымъ*), что на каждую изъ $93\frac{2}{5}$ миллионовъ десятины частной земельной собственности дается до $9\frac{1}{2}$ руб., а на каждую изъ 18 миллионовъ посѣвныхъ десятинъ, подъ которыми преимущественно берется ссуда, и цѣлыхъ 49 рублей. Замѣтимъ для параллели, что на посѣвной десятинѣ крестьянской

*) По вычисленіямъ профессора Карышева („Русское Богатство“, № 3 1894 г. „Нашъ земельный кредитъ для частныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ“) общий ипотечный долгъ частнаго землевладѣнія превышаетъ миллиардъ рублей; $\frac{2}{5}$ этихъ земель уже заложены, а долгъ составляетъ болѣе половины оцѣнки заложенной земли. „Цѣлая $\frac{1}{6}$ часть состоянія русскихъ частныхъ владѣльцевъ принадлежитъ уже не имъ, а кредиторамъ — ипотечнымъ банкамъ“.

собственности лежить лишь 20 рублей долгу, да и эта-то сумма лежить главнымъ образомъ именно потому, что Выкупное учреждение выплатило помѣщикамъ, по 1-е января 1893 г., $887\frac{1}{2}$ миллионовъ руб. за счетъ крестьянъ, у которыхъ эта ссуда выбирается, какъ мы видѣли, неумолимо и безъ малѣйшаго послабленія. Упомянемъ кстати, что правительство взяло себѣ очень недурной процентъ за эту коммиссю: до пониженія выкупныхъ платежей въ 1881 году, значить за 20 лѣтъ и несмотря на недоимку въ 17 миллионовъ, къ рукамъ казначейства прилипло 40 миллионовъ рублей, представляющихъ излишекъ взысканныхъ съ крестьянъ платежей надъ расходами по выкупной операциі...

Каковы-же результаты этихъ льготъ и пособій привилегированному владѣнію? Улучшило-ли оно способы обработки, увеличило-ли численность скота, расширило-ли употребленіе машинъ, усилило-ли, однимъ словомъ, приложеніе капитала къ землѣ и подняло-ли земледѣльческое производство? Нѣть, нѣть и нѣть! По специальнымъ изслѣдованіямъ агрономовъ, пропорція живаго инвентаря на десятину владѣльческой собственности отъ 2 до 13 разъ менѣе (смотря по разнымъ мѣстностямъ) той, которую можно принять за нормальную при нашихъ среднихъ условіямъ техники, напр. преобладанія трехполья и пр., а пропорція мертваго инвентаря отъ 1,8 до 7 разъ менѣе нормальной. Урожайность на помѣщичихъ земляхъ превышаетъ урожай крестьянскихъ полей едва на одну пятую. А между тѣмъ, крупные владѣльцы не несутъ почти никакихъ повинностей, тогда какъ мужику приходится выпахивать и истощать свою полосу, чтобы уплатить непомѣрно-высокіе платежи государственные, земские и мірскіе.

Кромѣ того, гдѣ только существуютъ обѣ этомъ данныя, напр. въ иныхъ земскихъ сборникахъ, видишь, что множество помѣщичихъ хозяйствъ обрабатывается крестьянами и на ихъ-же инвентарѣ. Въ черноземныхъ и нечерноземныхъ уѣздахъ Тамбовской губерніи такое явленіе очень распространено. Въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Воронежскомъ уѣздѣ, крестьянскимъ инвентаремъ обрабатывается 53% имѣній уѣзда, а въ Саратовскомъ цѣлыхъ 85%. Нечего удивляться поэтому, если крестьянинъ пополняетъ свой земледѣльческий дефицитъ работой на помѣщичьей землѣ главнымъ образомъ не какъ батракъ, а какъ арендаторъ. По недавнимъ изслѣдованіямъ Карышева (см. его книгу о „крестьянскихъ арендахъ“.) мужикъ снимаетъ въ аренду ежегодно около 50 миллионовъ десятинъ земли (больше, значить, чѣмъ третъ своего надѣла) и выплачиваетъ за это до 300 миллионовъ рублей; крестьянину помѣщики сдаются, смотря по различнымъ мѣстностямъ, отъ 30% до 57% всей своей пахатной земли. Такимъ образомъ, правительство, всячески покровительствуя привилегированнымъ владѣльцамъ, искусственно поддерживаетъ жизнь этихъ паразитовъ, которые даже не въ силахъ возвыситься до роли земельного капиталиста, хотя и эксплуатирующего батраковъ, но,

по крайней мѣрѣ, развивающаго производительныя силы въ землѣдѣлії*).

Кромѣ его благородія, любимымъ дѣтицемъ Александра III является его степенство: фабрикантъ и кулакъ. Мы видѣли уже попеченіе правительства о сельскихъ ростовщикахъ. А на заботахъ о фабрикантахъ вертится вся таможенная политика царя. Наша крупная промышленность высижена въ теплицѣ покровительства, за стѣной такихъ высокихъ тарифовъ, что фактически ихъ приходится считать за запретительные. Чтобы не заходить очень далеко назадъ, упомянемъ только о высокой пошлине на бумажныя ткани, установленной въ 1822 г. и вызвавшей къ жизни крупныя ткацкія заведенія. Порою наше правительство какъ будто отступало отъ крайняго покровительства, напр. въ 1850, 1857, 1869 г. Но уже съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра II (именно съ 1880 г.) оно рѣшительно вступило на торную дорожку проекціонизма, а при нынѣшнемъ царѣ ввозныя пошлины бѣгутъ одна за другой и подымаются въ высоту поднебесную, словно въ хорошей музыкальной фугѣ. Ими обложены и металлы, и каменный уголь, и всякое сырье для обрабатывающей промышленности (въ 1887 г. повышение пошлины на хлопокъ съ 45 коп. до 1 руб. золотомъ съ пуда подняло его цѣну почти на 12%), и самые продукты этой промышленности. Таможенный тарифъ 1891 г. доходитъ въ этомъ отношеніи до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости.

Каковы-же результаты этого заботливаго холенія капиталистического производства? Успѣваетъ ли оно расширять армію рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ, и даетъ-ли оно занятія населенію? Каковы его техническіе успѣхи? Каковъ характеръ его развитія? Невеселы отвѣты на эти вопросы для гг. Менделѣевыхъ и прочихъ сторонниковъ русскаго капитализма! Загляните съ этой цѣлью въ томъ о „Фабрично-заводской промышленности и торговли въ Россіи“, изданный какъ разъ полѣ редакціей самого г. Менделѣева департаментомъ торговли и мануфактуръ въ числѣ прочихъ томовъ о Россіи, составленныхъ (на русскомъ и английскомъ) для прошлогодней выставки въ Чикаго. Во первыхъ, рабочихъ у насъ до сихъ поръ всего 1.453 000, значить немно-

*.) Въ уже упомянутой статьѣ Карышева въ „Русскомъ Богатствѣ“ читаемъ: „Всѣ имѣющіяся до сихъ поръ массовыя описанія частно-владѣльческихъ хозяйствъ свидѣтельствуютъ о господствѣ въ нихъ рутины, о примѣненіи тѣхъ-же способовъ и приемовъ обработки земли, которые утверждались въ разныхъ частяхъ европейской равнинѣ еще въ тѣ времена, когда она только начинала подвергаться культурѣ. Навстрѣчу этимъ приемамъ идетъ хищническая система сдачи земель въ наемъ, та система, которая могла возникнуть только на почвѣ примитивной агрокультуры сдѣтчиковъ и крайней нужды въ земль съемщиковъ.“

гимъ болѣе 1% населенія Россіи. Во вторыхъ, развитіе технической стороны и, стало быть, увеличеніе производительности труда во многихъ отрасляхъ идетъ все медленнѣе и медленнѣе. Такъ въ кожевенномъ производствѣ, средняя производительность рабочаго между 1860 г. и 1870 г. поднялась съ 800 до 1600 руб., т. е. увеличилась вдвое, но къ 1880 г. возвысилась лишь до 1800 руб., т. е. едва на 12,5%, а за послѣднее время прямо понизилась. И такое пониженіе замѣчается и въ шерстяномъ, и въ стекляномъ, и въ машиностроительномъ производствахъ. Идетъ впередь и развивается лишь концентрація капитала, увеличеніе размѣровъ и производства фабрикъ, при относительномъ, а подчасъ и абсолютномъ уменьшеніи числа ихъ. Такъ въ хлопчато-бумажномъ производствѣ на одну фабрику въ 1877 году приходилось 41000 веретенъ, а въ 1886 г. 49000. Число бумажныхъ фабрикъ въ 1862 году равнялось 162, а производили онѣ на 5,3 миллиона руб., а въ 1883 ихъ было всего 131, но уже съ производствомъ въ 14,2 миллиона. Нетрудно понять, что означаютъ эти цифры. Во первыхъ, пора оставить надежды на такъ называемую „историческую миссію капитализма“ по части „объединенія рабочихъ“. У насъ капитализмъ не успѣваетъ поглотить и естественного прироста городского населенія (см. обѣ этомъ въ моемъ предисловіи къ русскому переводу Кауцкаго „Экономическая ученія Маркса“; Женева, 1888, стр. VІ—VІІ). Но, кромѣ того, въ послѣднее время и вторая историческая миссія капитализма, развитие техники, что-то плохо начинаетъ имъ выполнятся. Остается, значитъ, округленіе средствъ производства, но пускай за это возносить мольбы православному богу и ставить ему пудовья свѣчи господинъ фабриканть, а не нашъ братъ революціонеръ. На что намъ само по себѣ это округленіе, когда нашъ капитализмъ не умѣеть ни изготавливать „боевой арміи пролетариата“, ни „развивать производительныя силы страны“, которая пригодились бы для будущаго, соціалистического строя?

При теперешнихъ условіяхъ капиталисту, впрочемъ, нечего и обращать вниманіе на технику. Такъ какъ трудъ у насъ очень дешевъ, а покровительственный тарифъ охраняетъ капиталиста отъ заграничной конкуренціи, то фабриканть и въ усъ не дуетъ по части усовершенствованій: потребитель все равно заплатитъ! И вотъ внутри страны борьба ведется между капиталистами главнымъ образомъ не при помощи техническихъ улучшений, а при помощи массы капиталовъ, пущенныхъ въ производство: въ концѣ концовъ болѣе крупная фабрика все равно пожретъ мелкую, хотя-бы и на той и на другой собственно техническая сторона была одинакова.

Какие барышы привыкъ получать „охраняемый“ царемъ крупный фабриканть, можно видѣть изъ нѣсколькихъ типичныхъ данныхъ, которыхъ я вычислилъ на основаніи свѣдѣній объ акціонерныхъ компаніяхъ, доставляемыхъ ими-же самими въ справочный

отдѣлъ Суворинскаго календаря. Въ 1892 г., московское товарищество производства цемента Лингарта получило чистой прибыли 43,8%; на основной капиталъ; знаменитая своимъ грабительствомъ Никольская мануфактура сыновей Савы Морозова въ Москвѣ, 44,7%; московское товарищество Шуйской мануфактуры, 50,4%; сахарно-рафинадный заводъ Заволжскихъ (Самарск. губ.), 56,2%; московская фабрика знаменитой „поповки“, 68%; свекло-сахарное товарищество Боровскаго (въ Волынск. губ.) 76,9%; товарищество россійско-американской резиновой мануфактуры въ Петербургѣ, тоже 76,9% (именно 2.308693 руб. прибыли на 3.000000 руб. основнаго капитала), и т. д. и т. д. Прибыль въ 20% считается у насъ такой обычной вещью, что обѣ ней и говорить-то, моль, нечего.

Немудрено, что стоитъ только зародиться у купца малѣйшему подозрѣнію насчетъ пониженія этого баснословнаго процента, какъ вся эта разлакомившаяся стая волковъ поднимаетъ невозможный вой, требуя покровительства. Это мы видѣли недавно при заключеніи торговаго договора съ Германіей, когда со всѣхъ сторонъ къ правительству посыпались петиціи фабрикантовъ, или „слезницы“, какъ у насъ любятъ называть ихъ теперь, поддѣлываясь подъ языкъ до-петровской Руси. О покровительствѣ взвыли шелковые фабриканты, овцеводы, углепромышленники, „представители шерстепрядильной и камвольно-чесальной промышленности“ и т. д. и т. д. Даже любящее „россійскихъ“ фабрикантовъ „Новое Время“ возмущилось противъ притязаній своихъ жадныхъ дѣтишъ и стало доказывать имъ, что въ сущности договоръ почти и не затронетъ ихъ интересовъ. И эта манія покровительства, воспитанная Александромъ III, принимаетъ положительно формы острого помѣшательства, особенно у фабрикантовъ Московскаго района. Увидѣть москвичъ въ Бухарѣ варшавскаго фабриканта: „батюшка-царь, не прикажи поляку съ азіатомъ торговать“; столкнется съ лодзинскимъ суконщикомъ на Ирбитской ярмаркѣ: „прихлопни, осударь, латыница хорошей пошлиной“...

Но этому раю русскаго фабриканта соответствуетъ адъ русскаго рабочаго. Мужикъ голодаѣтъ и умираетъ подъ бременемъ непосильныхъ податей и кулачества: фабричный гибнетъ отъ непомѣрной работы и капиталистической эксплуатации. По словамъ Е. М. Дементьева: „Фабрика. Что она даетъ населенію и что береть и него“; Москва, 1893 г.), наблюдавшаго рабочихъ Серпуховскаго, Коломенскаго и Бронницкаго уѣздовъ Московской губерніи, „къ сорока годамъ организмъ рабочаго настолько уже изнашивается, что онъ — инвалидъ, идущій, со всѣми признаками смертельной болѣзни, умирать на родину“. А какія дѣти рождаются у рабочихъ, намъ разскажетъ хотя-бы докторъ В. П. Жуковскій, который на недавнѣмъ (V-мъ) съездѣ общества русскихъ врачей въ память Пирогова сообщилъ, что „изъ 3225 дѣтей ра-

бочаго петербургскаго населенія, живущаго исключительно на Петербургской сторонѣ, было 3055 ракитиковъ и только 170 не ракитиковъ, что составляетъ 95% дѣтей, пораженныхъ англійской болѣзнью"... Весь знаменательная: ничѣмъ не ограниченный рабочій день мужчины такъ истощаетъ его, что онъ начинаетъ работать хуже и меньше женщины, у которой нѣтъ, по крайней мѣрѣ, ночной смѣны. По вычисленію нѣкоего техника, служащаго на одной изъ ткацкихъ фабрикъ Москвы (см. „Русскія Вѣдомости“ № 56 1894 г.), нашъ ткачъ не можетъ сработать болѣе 4,9 аршина среднимъ числомъ въ часъ, тогда какъ ткачиха работаетъ 5,31 аршина, т. е. значить болѣе на 10%.... Таковы условія, которыми окружаетъ рабочаго русскій капитализмъ, пріютившійся подъ крыльшкомъ возлюбленнаго монарха!

IV

Государство наше и само живеть эксплуатацией народа и поддерживаетъ интересы народныхъ эксплуататоровъ, — крупныхъ землевладѣльцевъ и фабrikантовъ. Въ свою очередь народные паразиты и грабители не нахваляются нашимъ самодержавiemъ и отнюдь не думаютъ связывать „правовыми порядкомъ“ руки щедраго монарха. Да и изъ-за чего? Дворянинъ тунеядствуетъ теперь на счетъ народа при посредствѣ Дворянскаго банка и непомѣрно-высокихъ выкупныхъ платежей; фабrikантъ наживается на высокихъ пошлинахъ и полнѣйшемъ безправіи рабочаго, которому 1797-ая статья Уголовнаго Уложенія запрещаетъ стачку, какъ „бунтъ противъ властей, правительствомъ установленныхъ“; сельскій ростовщикъ побѣдомъ єсть округу, благодаря отчаянному положенію мужика, съ которого власти „неукоснительно“ друть подати. Трудно представить себѣ болѣе тѣсную связь между экономикой грабителей и политикой самодержавія, и нельпо предполагать, чтобы хищники, благодѣтельствуемые царемъ, могли хоть на одну минуту подумать о сомнительныхъ выгодахъ „конституції“.

Наоборотъ, правительству страшно развитіе самосознанія въ массахъ (крестьянствѣ и рабочихъ), страшно пробужденіе интереса къ общественному дѣлу среди интеллигенціи: пониманіе своихъ коренныхъ интересовъ должно рано или поздно толкнуть народъ въ направленіи къ соціализму; а міровое значеніе, которое пріобрѣлъ теперь соціальный вопросъ, должно дѣлать и нашу интеллигенцію все болѣе соціалистичной. Вотъ почему вся

реакція, которая исходит отъ нашего правительства, бьетъ въ дѣвѣ точки: задержать развитие народа; выработать индифферентизмъ среди интеллигентіи. Правительство отдаетъ мужика подъ опеку барину, чиновнику и попу; преслѣдуєтъ свѣтскую школу въ угоду церковно-приходской; гонить народную мысль, еле-еле загорающуюся среди сектантовъ; шпионить за воскресными школами и читальнями рабочихъ. Правительство съ другой стороны стремится раздавить послѣдніе остатки нашего самоуправлѣнія; превратить университеты въ разсадникъ шалопаевъ и карреристовъ; вытравить изъ печати ея стремленіе воспитывать въ читателѣ интересъ къ общимъ вопросамъ и общественнымъ задачамъ.

Можетъ даже показаться, что самодержавіе какъ будто достигло, по крайней мѣрѣ, одной цѣли. Оно если и не задержало роста народнаго сознанія, которое проявляется наоборотъ все сильнѣе и въ увеличеніи грамотности, и въ спросѣ на хорошія книги среди крестьянъ и фабричныхъ, то какъ будто опошило русскую интеллигентію. И такъ повидимому хорошо опошило, что даже нововременцы забили тревогу, упрекая современную молодежь въ никуданегодности. Невольно припоминаются слова, сказанныя Наполеону III однімъ изъ личныхъ его пріятелей, кажется докторомъ Верономъ: „Ваше Величество, послѣ столькихъ лѣтъ молчанія необходимо возвратить Франціи хоть часть ея права голоса. Враги порядка раздавлены: зачѣмъ-же обрекать великую страну на режимъ, который губить мысль и энергию гражданъ и кончить тѣмъ, что правительству негдѣ даже будетъ вербовать мало-мальски способныхъ чиновниковъ“?

И у насъ самодержавію какъ будто удалось, опираясь на трусливость и неподготовленность общества, раздавить цѣлое поколѣніе людей, удивительныхъ по уму, характеру и нравственной красотѣ: я говорю о революціонерахъ. Сначала это истребленіе совершилось при гоготѣ реакціонеровъ, дѣльцовъ и индифферентистовъ, которымъ самоотверженіе и героизмъ были всегда хуже ножа остраго. Давно-ли, кажется всего въ 1892 г., нѣкто А-ть издѣвался въ „Новомъ Времени“ надъ покойнымъ Шелгуновымъ, за то что тотъ имѣлъ „необновленную глупость служить всю жизнь одному убѣждѣнію, какъ-бы вздорно оно ни было“. Г. А-ть противостоялъ „донкихотству“ отцовъ „практичность“ дѣтей, современной молодежи, которая-де такими превыспренностиами не занимается, а старается хорошенко устроиться по хлѣбной части. Но, увы, не прошло и двухъ лѣтъ, какъ эта практическая молодежь успѣла выказать себя такой низменной, дряблой и беспомощной, что вероповское соображеніе, вѣроятно, пришло въ голову и нововременцамъ. Нѣкто „баронъ Сигма“, самъ бывшій студентъ, съ ужасомъ повѣствуетъ читателямъ „Нового Времени“, что теперешніе студенты восторгаются только мундиромъ, завели себѣ длинныя шпаги, которыми пробиваются двугривенники для

увеселенія кокотокъ въ cabinets particuliers, поють во славу цыганокъ пѣсни въ родѣ нижеслѣдующей:

Передо мною книжка Гая,
Открыть девятый институтъ:
Камама, тутъ, моя драгая,
Люблю тебя, Камама, тутъ.—

однимъ словомъ ничего не дѣлаютъ; и заклинаетъ этихъ шалопаевъ: „трудитесь и вѣруйте, вѣруйте въ какіе хотите идеалы (ого, Новое Время! даже и въ соціалистические?), но только вѣруйте въ лучшее, свѣтлое будущее. А не то вѣсъ заѣсть Востокъ“.

И, конечно, тѣ студенты, которыхъ приходится видѣть соколамъ гнѣзда Суворина, должны быть всегда и во всемъ отмѣнными пошликами, и въ лучшемъ случаѣ стадными животными. Намъ сообщаютъ, между прочимъ, комичную исторію, которая приключилась съ цѣлой группой петербургскихъ студентовъ такого залика по поводу тулянскихъ празднествъ: „Пировали въ концѣ октября 1893 г. у Палкина студенты-юристы и подъ пьяную руку набросали телеграмму отъ студентовъ-юристовъ въ парижскую Ecole de Droit. Но въ чаду винныхъ паровъ этого показалось мало, и составители задумали грандиозный планъ послать колективную телеграмму отъ „всѣхъ студентовъ Петербурга всѣмъ студентамъ Парижа“. Собралась по этому поводу сходка, конечно главнымъ образомъ изъ „патріотовъ“, и началось обсужденіе всѣми сразу формы телеграммы. Одни горланили: „надо послать только отъ русскихъ студентовъ“; другіе вопили: „и прибавить: долой поляковъ, нѣмцевъ и жидовъ“; третіи, сливая слово съ дѣломъ, тутъ-же бросались на своихъ товарищѣ другихъ національностей и пытались гнать ихъ вонъ со сходки. Сходка разстроилась окончательно, когда пробавившіеся радикалы предложили: „если ужь посыпать телеграмму, то не упоминай ни словомъ о царѣ, а лишь о морякахъ и русскомъ народѣ, котораго, моль, французы чтили въ лицѣ моряковъ“. Тогда послышались возгласы: измѣнники; къ носу радикаловъ стали подноситься кулаки, и поднялся такой невозможный шумъ, что собранію пришлось разойтись, ничего не порѣшивъ... Явился ректоръ Никитинъ и заявилъ, что сходки вообще не дозволены, и что въ частности адресъ отъ студентовъ всего университета не можетъ быть допущенъ; но что министръ Деляновъ дозволяетъ отдельнымъ студентамъ, какъ частнымъ лицамъ, посыпать телеграммы французамъ въ приличной формѣ и безъ всякихъ намековъ на республиканскіе порядки во Франціи, такъ какъ телеграммы эти будутъ, вѣроятно, тамъ печататься. Такъ и кончился ничѣмъ великий замыселъ „патріотовъ“.

Но, наряду съ поклонниками русского самодержавія и цыганки-Камамы, въ университетѣ остается довольно большое ядро революціонной молодежи, бодрой и здоровой, которая, не будешь соваться на видъ разныемъ „баронамъ Сигмамъ“, но которая не дожидалась и совсѣмъ этихъ литературныхъ флюгеровъ, для то-

го чтобы „трудиться“ и „върить“. Когда московскимъ студентамъ-„патріотамъ“ удалось таки состряпать къ французамъ колективную телеграмму, которой не съумѣли послать петербуржцы, то противъ этого поднялся протестующій голосъ „Союза землячествъ“, о которомъ намъ уже пришлось говорить въ прошломъ обозрѣніи. Эта студенческая организація выпустила ниже слѣдующую прокламацию:

„Недавно кучка московскихъ студентовъ юристовъ, съ инспекціею во главѣ, взяла на себя смѣость говорить отъ лица всего московского студенчества по поводу Тулонскихъ празднествъ. Мы, представители союза землячествъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ протестуемъ какъ противъ самозванства этой кучки, такъ и по существу противъ происшедшаго между ней и французскими студентами обмѣна привѣтствій.

„Мы тоже смотримъ съ горячею любовью и глубокимъ уваженіемъ на Францію, но мы смотримъ такъ на нее потому, что видимъ въ ней великую державу, которая прежде постоянно являлась для всего міра глашатаемъ и провозвѣстникомъ великихъ идеаловъ свободы, равенства и братства, которая была первою въ дѣлѣ отважныхъ попытокъ воплощенія въ жизнь этихъ великихъ началъ; и лучшая часть русской молодежи всегда была готова привѣтствовать Францію, какъ передового воина за лучшее будущее человѣчества. Но мы не считаемъ такія празднества, какъ кронштадтскія и тулонскія, подходящими поводомъ для подобныхъ привѣтствій. Напротивъ того, эти празднества знаменуютъ собою печальное, но, надѣемся, временное явленіе,—измѣну Франціи своей прежней великой исторической роли: страна, призывающая когда-то весь міръ разбить оковы деспотизма и предлагавшая свою братскую помошь всякому народу, возставшему за свое освобожденіе — теперь воскуряетъ еміамъ передъ русскимъ правительствомъ, которое систематически тормозитъ нормальный органическій и живой ростъ народной жизни и безщадно подавляетъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, всѣ стремленія русского общества къ свѣту, къ свободѣ и самостоятельности.

„Тулонскія манифестаціи есть одинъ изъ актовъ той драмы, которую представляетъ созданный Наполеономъ III и Бисмаркомъ антагонизмъ между двумя великими націями: Франціей и Германіей. Этотъ антагонизмъ держитъ всю Европу подъ ружьемъ и дѣлаетъ вершителемъ политическихъ судебъ міра русскій абсолютизмъ, всегда бывшій опорой произвола и деспотизма противъ свободы, эксплуататоровъ противъ эксплуатируемыхъ. Чувство боли за свою страну, сожалѣніе о слѣпости значительной части французского общества — вотъ какія чувства вызываются въ насъ эти празднества.

„Мы вполнѣ убѣждены, что молодое поколѣніе Франціи не увлекается национальнымъ шовинизмомъ и, готовое бороться за

тотъ лучшій соціальный строй, къ которому идетъ человѣчество, съумѣеть отдать себѣ отчетъ въ настоящихъ событияхъ и отнесется къ нимъ надлежащимъ образомъ; мы надѣемся, что нашъ горячій протестъ найдетъ себѣ сочувственный откликъ въ сердцахъ французской молодежи.

Союзный совѣтъ 24 объединенныхъ московскихъ землячествъ".

А недавно и въ петербургскомъ университетѣ произошли беспорядки съ политической подкладкой, подробности которыхъ намъ пока еще неизвѣстны, но которые ясно говорятъ, что разворачивающая школа каррьеризма, заботливо устраиваемая правительствомъ, не въ силахъ истребить въ лучшей части русской молодежи стремленіе къ идеаламъ и ненависть къ царю, злѣйшему врагу свободы и соціализма. По слухамъ недавнаго выздоровленія Александра III, университетское начальство задумало послать дорогому монарху поздравительный адресъ отъ учащихся. Но радикальная часть студенчества встрѣтила такимъ рѣзкимъ отпоромъ это предложеніе, что перепуганные власти закрыли на три дня университетъ, а зачинщиковъ повысылали административнымъ порядкомъ изъ Петербурга...

Изъ всего этого мораль вытекаетъ такая. Несомнѣнно, въ минуты тяжелой правительственной реакціи большинство людей дѣлается еще безличнѣе и беспочиннѣе, еще лучше приспособляется къ унизительнымъ условіямъ существованія, чѣмъ въ пору нормального общественного развитія. Недаромъ Луи-Бланъ говорилъ, что сильный умъ, сильная энергія, прочное гражданское мужество до сихъ поръ лишь удѣлъ меньшинства. За то это меньшинство и выноситъ на своихъ плечахъ все общество въ моменты пониженія общественной жизни. И какъ только условія измѣняются къ лучшему, вокругъ этого меньшинства снова группируется инертное большинство, отброшенное было отъ политической дѣятельности волной реакціи, и снова передъ глазами наблюдателя раскрывается полная иллюзіи картина цѣлаго общества, повидимому искренно и прочно увлеченаго прогрессивнымъ движениемъ. Такъ было въ шестидесятыхъ годахъ, такъ было на рубежѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ, такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ сломленъ капиталистической строй и тѣ тяжелыя условія борьбы за существованіе, которыя позволяютъ развиться уму и характеру лишь у исключительныхъ личностей.

Съ другой стороны гнетъ реакціи, несомнѣнно разворачивающее общество и приижая личность, не въ силахъ вытравить изъ общества революціонное меньшинство, именно потому что это меньшинство не есть порожденіе исторической случайности, а выражаетъ истинные интересы большинства, пока еще не сознанные послѣднимъ. За то, пріучая людей забывать объ общественномъ благѣ изъ-за личныхъ интересовъ, гнетъ реакціи прежде всего

подрываеть энергию самихъ защитниковъ грабительского строя. Я вполнѣ могу понять тревогу нововременцевъ, которые, очевидно, начинаютъ сознавать, что „охранительная“ политика правительства является въ концѣ концовъ такъ сказать естественнымъ подборомъ на изнанку, который ставить во главу угла негодяевъ, пошляковъ и трусовъ и отбрасываетъ въ ряды оппозиціи людей честныхъ, умныхъ и сильныхъ. Самъ Суворинъ начинаетъ разглядывать теперь пятна на своемъ прежнемъ солнцѣ, Катковъ, а отъ его преемниковъ, гг. Грингмута и Тихомирова, отмахивается и руками и ногами, иронически называя ихъ „истинно русскими людьми“ и даже заключая этотъ эпитетъ въ ядовитыя кавычки. Какъ докторъ прописываетъ гимнастику богатому тунеядцу, который умираетъ отъ ожирѣнія и отсутствія физического труда, такъ и „Новое Время“, любящее царя и фабрикантовъ, старается искусственно привить энергию и вѣру хоть во что-нибудь защитникамъ деспотизма и грабительства. Революціонеръ же не зачѣмъ предаваться этимъ гигіеническимъ кувырканьямъ: онъ „трудится“ для народа и во имя интересовъ народа, и онъ „вѣритъ“ въ неизбѣжное торжество соціализма.

Повторю, намъ не умѣста умѣренно-либеральная меланхолія на тему объ измельчаніи интеллигентнаго большинства. Въ цѣломъ, это большинство и не было никогда лучше; но повышенный пульсъ общественной жизни заставлялъ его прымыкать къ революціонному меньшинству, и, будучи само тусклымъ, оно свѣтило отъ него отраженнымъ свѣтомъ. Теперь снова крѣпчаетъ революціонное движение; энергичное меньшинство организуется для борьбы; и недалеко, нальюсь, то время, когда выбитое изъ инертнаго состоянія большинство двинется за меньшинствомъ и всею тяжестью своего численнаго значенія обрушится на отживавшій строй. Эта увѣренность въ своей дѣятельности и поддерживаетъ истинныхъ революціонеровъ всегда и при самыхъ, по-видимому, тяжелыхъ условіяхъ, поддерживаетъ теперь, какъ поддерживала прежде. Какой силой и благородствомъ дышитъ, напр., отвѣтъ декабристовъ на извѣстное посланіе къ нимъ Пушкина, еще не прирученного въ то время Николаемъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадеть вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Ему отвѣчалъ отъ имени товарищѣ Одоевскій (я цитирую по очень интересному этюду о „декабристахъ“, присланному для нашихъ „Материаловъ“):

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.
Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,

Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся наль царями.
Нашъ скорбный трудъ не пропадеть,
Изъ искры возгорится пламя—
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.
Мечи скучемъ мы изъ цѣпей,
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей,
И радостно вздохнуть народы!...

Вотъ это вѣра, вотъ это трудъ! А что противостоять имъ отживающіе представители деспотизма и эксплуатации? Еще недавно они приманивали интеллигенцію государственнымъ пирогомъ, но и тутъ дѣло дошло до несваренія. И теперь тѣ самые люди, которые систематически развращали молодежь канканомъ вѣчной масляницы, увѣщеваются ее подумать о великомъ постѣ, о душѣ, о раскаяніи, о спасительности вѣры въ бога, въ чорта, „во что хотите“, хотя бы въ самая нелѣпые иллюзіи!

К. ТАРАСОВЪ.

P. S. Статья эта была уже набрана, когда мы получили изъ Россіи литографированный листокъ, издатели которого открываятъ имъ „цѣлый рядъ нелегальныхъ статей съ разоблаченіемъ по мѣрѣ накопленія событий“. Мы перепечатываемъ этотъ листокъ почти цѣликомъ и безъ всякихъ комментаріевъ, которые могутъ лишь ослабить впечатлѣніе отъ необыкновенно-яркой картины гнета и насилия надъ народомъ при самодержавныхъ порядкахъ:

—————♦♦—————

ПОВѢДКА НА ЛЮДЯХЪ.

„На первый разъ мы намѣреваемся предать гласности фактъ, который въ силу боязни административныхъ взысканій не рѣшилась опубликовать ни одна русская газета въ продолженіе цѣлаго года. Мы начинаемъ съ него, такъ какъ, по нашему мнѣнію, онъ представляетъ характерное явленіе и сохраняетъ свое значеніе до сихъ поръ, какъ примѣръ, насколько возможны при настоящемъ положеніи вещей рецидивы къ дoreформеннымъ привычкамъ русского дворянства.

„14-го февраля 1893 г. въ Медыни Калужской губ. окончился съездъ земскихъ начальниковъ. Одинъ изъ нихъ, кн. Павелъ Николаевичъ Мещерскій, земской начальникъ 2-го участка, направился на парѣ лошадей въ свое имѣніе Сосновцы, находящееся

верстахъ въ 35 отъ Медыни. По случаю отцепели дорога окончательно испортилась, вездѣ образовались провалы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорогу прорѣзывали потоки воды. Княжескіе кони съ трудомъ дотащили сани его сіятельства до села Кременскаго. Здѣсь предложили г-ну Мещерскому ночевать, такъ какъ уже наступалъ поздній вечеръ, а впереди оставалось 20 верстъ такой-же дороги. Но князь не послѣдовалъ доброму совѣту, приказалъ запречь въ мужицкія розвальни *крестьянскую лошадь* и двинулся въ путь. Однако уже черезъ три версты въ деревнѣ Тишинино пришло замѣнить ее другою. Желая избѣжать всякихъ непріятныхъ случайностей, князь захватилъ съ собой старосту этой деревни, Александра Дробидина, и еще нѣсколько человѣкъ провожатыхъ; какъ вскорѣ оказалось, эта предосторожность была не лишнею и выручила г-на земскаго начальника изъ бѣды. Не проѣхалъ онъ и версты, какъ кляча попала въ „зажору“ и провалилась; крестьяне бросились поднимать ее, но случайно повредили ей при этомъ ногу: лошадь пришлось выпричь. Раздраженный до послѣдней степени неудачами путешествія, князь сталъ осыпать мужиковъ отборной бранью и, не сходя съ саней, приказывалъ тѣхъ дальше. Какъ быть? Староста былъ догадливъ: онъ предложилъ мужикамъ — самимъ впрячься въ розвальни и везти его сіятельство на собственныхъ плечахъ. Глубокая ночь спустилась на землю, когда въ деревнѣ Коробово прибылъ блеститель правосудія. Такой оригинальный образъ передвиженія пришелся по вкусу князю, и вотъ онъ сталъ требовать здѣсь новой поставы въ такомъ-же родѣ. Собрали 10 человѣкъ, между которыми было 7 женщинъ (мужское населеніе находилось на заработкахъ), привязали къ санямъ веревки, впряженіе, — и снова князь двинулся въ путь. Онъ повидимому вполнѣ смылся съ своимъ новымъ положеніемъ и вошелъ въ свою роль: спокойно сидя въ саняхъ, онъ курилъ папиросу за папиросой и только при толчкахъ на ухабахъ подымалъ брань и грозилъ избить везущихъ. Такъ князя везли крестьяне, смѣяня одни другихъ въ деревняхъ: Дураковъ, Брюховъ, Домановъ, Якушкинъ, ежеминутно проваливаясь въ снѣгу, часто проходя по поясъ въ ледяной водѣ. Послѣднюю станцію, передъ имѣніемъ князя Мещерскаго, сани тащили однѣ женщины. Князь благополучно окончилъ путешествіе, завершивши свою оригиналную поѣздку на людяхъ подъемомъ на крутою гору, гдѣ построенъ его домъ.

„Темный покровъ ночи не скрылъ подвига князя Мещерского: слухи объ его дѣятельности распространились по губерніи и дошли до губернатора Булыгина (нынѣ московскаго губернатора). Что-же сдѣлалъ этотъ послѣдній? Онъ улыбнулся изобрѣтательности его сіятельства и погрозилъ ему пальчикомъ.

„Мы изобразили фактъ въ его неприкрашенной дѣятельности, мы съ умысломъ назвали по именамъ активныхъ и пассивныхъ участниковъ этого события и теперь передаемъ его на судъ

общественного мнѣнія: пусть оно наградитъ по заслугамъ и князя Мещерскаго, и губернатора Булыгина и крестьянъ(?) Медынскаго уѣзда“.

Москва 1894 г.

АДРЕСЪ П. Л. ЛАВРОВУ*).

Высокоуважаемый учитель и вождь!

Дорогой Петръ Лавровичъ!

Если-бы наша глубоко-несчастная родина не представляла со-
бою теперь единаго и нераздѣльного жандармско-военнаго посе-
ленія, гдѣ надѣть всякимъ честно-мыслящимъ и честно-чувствую-
щимъ человѣкомъ висить безсмѣшно, висить пожизненно, цѣлый
букетъ Дамокловыхъ мечей, готовыхъ рухнуть на него всею
свою тяжестью при малѣйшемъ вольномъ проявленіи вольной
мысли и вольного чувства, если-бы, говоримъ, нашъ многостра-
dalный и непостижимо-долготерпѣливый народъ пользовался хо-
тя-бы лишь нѣкоторою политическою свободою — хотя-бы лишь
тою, какою пользуются счастливцы японцы или индусскіе куліи
— то 70-ый день Вашего рожденія принялъ бы видъ великаго и
радостнаго, столько-же торжественнаго, сколько и задушевнаго,
празднства.

Въ такомъ празднику приняли-бы дружное и искреннее участіе
всѣ люди, сохраняющіе еще „душу живу“, еще не деморализиро-
вавшіеся, еще свято вѣрующіе въ идеалы всеобщаго братства, и
счастія, и безпредѣльного совершенствованія человѣчества. Всѣ,
всѣ они, къ какой-бы національности они ни принадлежали, въ
какомъ-бы концѣ, углѣ, закоулкѣ нашего обширнаго отечества
они ни находились, какихъ-бы самобытныхъ взглядовъ по подчи-
неннымъ вопросамъ они ни придерживались — всѣ, всѣ они въ
этотъ торжественный день сплотились-бы во единую стройную и
мощную дружину, одушевленную страстнымъ желаніемъ заявить
всеноародно, передъ всѣмъ міромъ, свои великия уваженіе, при-
знательность и любовь къ великому, безпримѣрно-неутомимому и
самоотверженному, дивно - чистому и свѣтоносному работнику
мысли и борцу за возрожденіе человѣчества, обеспечившему се-

---

*.) Адресъ этотъ, присланный изъ Берна ко дню 70-лѣтія П. Л. Лаврова, не вошелъ по случайной оплошности издателей въ юбилейную брошюру, отпечатанную нашей группой. Мы исправляемъ эту оплошность, помѣщая его въ ближайшемъ № „Съ родиной и на родину“.

бъ своими заслугами передъ нимъ наивысшую награду, которую оно, человѣчество, можетъ давать своимъ лучшимъ сынамъ, и которая называется бессмертіемъ. Васъ, высокоуважаемый и горячо-любимый вождь и учитель, засыпали-бы поздравительными телеграммами и письмами, сочувственными адресами, избраниемъ въ почетные члены разнообразнѣйшихъ обществъ, юбилейными сборниками трудовъ Вашихъ учениковъ, единомышленниковъ и почитателей, и тому подобными знаками почета—почета не только по отношенію къ тому, къ кому они направлялись-бы, но и по отношенію къ тѣмъ, отъ кого они исходили-бы.

Но—

Не пришло еще время для такого всероссійскаго, всенароднаго празднества...

Заклепаны палачами мысли рты и закованы руки у всякаго честнаго русскаго писателя и у всякаго честнаго русскаго грамотнаго человѣка вообще. Надъ каждымъ движениемъ честныхъ людей бдятъ старшіе дворники и урядники, околодочные и земскіе начальники, солдатчина и жандармщина, сыщики присяжные и сыщики добровольные. Каждый шагъ каждого честнаго русскаго человѣка можетъ привести его въ тюрьму, ссылку, на каторгу, въ застѣнокъ, на эшафотъ — можетъ, въ любой данный моментъ, разорить и оборвать жизнь не только его, но и его близкихъ, самыхъ дорогихъ ему людей...

Дорогой Петръ Лавровичъ!

Что-же остается намъ возможнымъ при наличныхъ условіяхъ, какъ не пожелать всею душою, по крайней мѣрѣ, чтобы какъ можно скорѣе пришелъ такой „настоящій день“ празднованія Вашего рожденія, и чтобы Вы праздновали его со всѣми нами — съ Вашиими учениками, соработниками, братьями-товарищами по борьбѣ—праздновали изъ году въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе?

Мы и шлемъ Вамъ теперь именно эти пожеланія, исходящія отъ глубины любящаго сердца:

Желаемъ Вамъ доброго здороваля и умолляемъ Васъ беречь свои силы, беречь себя, ибо только это и необходимо для того, чтобы Вы перешли въ слѣдующее столѣтіе тѣмъ, кѣмъ вы были всю свою жизнь и кѣмъ Вы являетесь передъ нами въ настоящее время — яркимъ свѣточемъ, неугасимо горящимъ во мракѣ реакціонной ночи, этой послѣдней ночи переходной стадіи общественной эволюціи; высоко-талантливымъ учителемъ, будящимъ умы современниковъ и согрѣвающимъ, одушевляющимъ, облагораживающимъ ихъ сердца; мужественнымъ и энергическимъ ратникомъ руководящей штурмовой дружины, движущейся и действующей во главѣ международныхъ боевыхъ соціально-революціонныхъ силъ.

Да, дорогой Петръ Лавровичъ!

Только берегите себя, во имя всего для Васъ и для насъ святаго

— и все остальное „само приложится“: и на нашу долю выпадеть счастіе отпраздновать еще одинъ праздникъ — отпраздновать окончаніе Вашего великаго „Опыта Исторіи Мысли“, этого драгоценнаго перла научной мысли, стоящаго пока одиноко въ исторіи ея развитія, этой будущей настольной руководящей книги всякаго апостола и борца человѣческаго возрожденія.

Выпадеть на нашу долю и счастіе праздновать съ Вами побѣду величайшаго Народнаго и Международнаго Дѣла, подготовленію которой Вы отдали беззавѣтно всѣ свои чудно-богатыя силы и всю свою многотрудную, подвигоположническую жизнь — отдали все, все, что Вы могли отдать.

(Слѣдуютъ подписи шести лицъ, и между ними одного изъ выдающихся сотрудниковъ „Впереда“).

БИБЛIOГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Въ январѣ 1894 г. былъ отпечатанъ въ Парижѣ № 1 „Русскаго Рабочаго“. Газета эта предназначается для „рабочаго народа“ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. не только для фабричнаго, но и для крестьянинаго, какъ видно изъ передовой статьи. Судя по общему характеру изданія, оно ближе всего подходитъ къ народовольческому направлению. Кромѣ передовой статьи, вышедшей № 1 содержить обзоръ политической борьбы рабочихъ на западѣ и двѣ живо написанныя корреспонденціи, тоже о рабочихъ дѣлахъ, изъ Германии и изъ Англіи. Газета заключается письмомъ къ редакціи нашего товарища, П. Л. Лаврова, который указываетъ издателямъ на трудность ихъ предпріятія — соціалистической пропаганды въ массахъ, — но тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ самой цѣли изданія. Мы думаемъ, что газета эта дѣйствительно будетъ вещью полезной. Пусть только редакція не забываетъ, что она издаетъ газету для „рабочаго народа“, составляющаго, какъ сама-же она говоритъ, „болѣе девяти десятыхъ всей Россіи, т. е. чуть-ли не все населеніе Россіи, если не считать кучки богатыхъ бездѣльниковъ“ (стр. 1). Отсюда вытекаетъ, по нашему мнѣнію, нѣсколько требованій: газета должна быть посвящена интересамъ не одного только фабричнаго, но и мужика; собственно русскимъ дѣламъ надо удѣлить не менѣе мѣста, чѣмъ и заграницѣ; отправляясь слѣдуетъ по возможности отъ опредѣленнаго конкретнаго факта: только такимъ путемъ можно и заинтересовать „рабочій народъ“ въ принципіальныхъ вопросахъ соціализма, и толкнуть его на путь политической борьбы. Во всякомъ случаѣ, попытка издателей заслуживаетъ всяческаго сочувствія и пожеланія успѣха.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТЪ НАЗАДЪ*).

(Изъ литературныхъ воспоминаний).

„Литература — зеркало общества“: никогда еще эта битая-перебитая мысль не была, кажется, такъ вѣрна для русской жизни, какъ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Оживилось общество, встряхнутое борьбой революціонеровъ съ правительствомъ, и ожivилась литература. Пусть только припомнить, чѣму были посвящены тогда статьи, производившія впечатлѣніе на читателей. Вопросамъ объ экономикѣ и политикѣ, о капитализмѣ и русской общинѣ, объ интеллигенціи и народѣ, о герояхъ и толпѣ. Ставились и разбирались эти вопросы, насколько возможно было по тогдашнимъ условіямъ печати. Ибо и во время пресловутой „диктатуры сердца“ не меныше, если не больше, чѣмъ теперь вырѣзывались статья за статьей, выкидывались по требованію цензуры неблагонамѣренныя середки и придѣливались ликующіе концы. „У меня, батюшка, ность отхватили отъ фельетона да приставили совсѣмъ въ неподходящее мѣсто... къ хвосту“, жаловался одинъ изъ виртуозовъ по части „езопскаго языка“. И все же, не смотря на всѣ эти злоключенія, жизненная струя проиникала всю литературу. Писавшіе не кривлялись, не выдавали себя за первѣшихъ поэтовъ и глубокомысленнѣйшихъ философъ, не сочиняли такой прозы и стиховъ, что у читателя глаза на лобъ выскакивають, а сердце учились сами и учили другихъ

*) Примѣч. редакціи. Воспоминанія эти, присланныя намъ уже довольно давно изъ Россіи, были читаны на вечерѣ, данномъ 14-го апрѣля текущаго года Русскимъ студенческимъ обществомъ въ Парижѣ. Въ виду интереса, возбужденного въ слушателяхъ изображеніемъ литературной среды семидесятыхъ годовъ, Группа старыхъ народовольцевъ рѣшила не медлить съ печатаніемъ рукописи и помѣстить ее въ уже набранномъ почти 4-мъ № „Съ Родиной и на Родину“.

тому, что узнавали. То было время страстного желания разобраться въ русской жизни и изъ теоретическихъ посылокъ сдѣлать практическіе выводы.

И всѣмъ этимъ, скажу прямо, русская литература была обязана революціонерамъ. Теперь, конечно, можно съ болѣе или менѣе побѣдоноснымъ видомъ предсказывать заднійъ числомъ, объ какіе желѣзные законы естества должно было разбиться революціонное движение. Но кто жилъ въ то время, кто видѣлъ, какъ шатался подъ ударами народовольцевъ прародительскій тронъ Романовыхъ, кто зналъ, какъ роковое сомнѣніе о завтрашнемъ днѣ западало въ душу самихъ царскихъ слугъ, кто наблюдалъ, какъ вся Европа вглядывалась въ борьбу революціонной и императорской Россіи, для того само собою было понятно, какое громадное оживленіе революціонная партія внесла въ русское общество и въ литературу.

На литературу въ частности революціонеры вліяли двоякимъ путемъ. Во первыхъ, косвенно,—пробуждая общество и заставляя такимъ образомъ протирать глаза и задумавшей было вздрогнуть послѣ шестидесятыхъ годовъ литературѣ. Во вторыхъ, прямо,—вращаясь среди записныхъ литераторовъ, поднимая ихъ настроеніе, приглашая ихъ для сотрудничества въ подпольной печати и порою сами принимаясь за перо для печати надпольной. Между лучшую частью литературы и революціонными писателями былъ обмѣнъ услугъ, взаимное проникновеніе, какъ бы идеиный эндосмосъ, скажу я, примѣняясь къ теперешнему метафорически - научному языку гг. Волынскихъ и К^о. Иные статьи въ „Земль и Волѣ“, въ „Народной Волѣ“ были написаны выдающимися легальными литераторами, съ другой стороны умѣвшіе писать революціонеры фигурировали подъ разными псевдонимами въ цензурныхъ журналахъ и газетахъ. Упомяну кстати объ одномъ интересномъ фактѣ. Революціонеры очень быстро принаровлялись къ условіямъ легальной печати, и послѣ одной-двухъ неудачныхъ „пробъ пера“ ихъ статьи были рѣшительно лучше статей среднихъ записныхъ литераторовъ. Онѣ были кратче, яснѣ; въ нихъ было меньше нѣтовыхъ цвѣтовъ по пустому полю. Подпольная печать была очень хорошей школой: расписываться подъ веревкой и у двери Петрапавловской крѣпости было некогда и не зачѣмъ. Не то замѣчалось среди легальныхъ литераторовъ, помогавшихъ первомъ подпольной прессѣ. Помѣхой была, съ одной стороны, рутина, присущая всякой профессіи, съ другой проклятая привычка писать „язопскимъ языкомъ“. У нихъ были неизмѣнно двѣ крайности: либо напишутъ статью бойко и кратко, но съ такими ругательствами и такъ мальчишески бездоказательно, что просто стыдно было помѣщать въ серьезное революціонное изданіе: видно было, что человѣкъ выскочилъ изъ цензурныхъ оглобель и, что называется, съ непривычки „выигралъ“; или же начнуть разводить разводы, закидывать основную идею цвѣтами краснорѣчія, съ тайн-

ственнымъ видомъ проносить „сеничкинъ ядъ“ между строками.

Во всякомъ случаѣ обмѣнъ мыслей между двумя отдѣлами печати былъ постоянный. На революціонныхъ сходкахъ, не имѣвшихъ конспиративнаго характера, бывали писатели легальные; и того чаше на литературные вечера, порою даже на редакціонныя собранія приходили радикалы. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, крайнее направленіе брало верхъ, и люди очень мирные подымали ноту и въ рѣчахъ своихъ и въ статьяхъ, чтобы попасть въ тонъ революціонерамъ. Одинъ изъ крупныхъ радикаловъ, который частенько бывалъ въ редакціи одной очень умѣренной газеты, комично передавалъ мнѣ свои впечатлѣнія въ этой средѣ: „слушаешь, бывало, какъ одинъ сотрудникъ надаетъ либеральнаго жару наперерывъ передъ другимъ и по спопутности даже упрекнетъ тебя въ пессимизмѣ и умѣренности ожиданій, и думаешь: ахъ вы сельскіе дѣячки, срѣтающіе его преосвященство — „правовой порядокъ!“ А что еслибъ вдругъ нашъ братъ радикаль рѣвкнулъ здѣсь, словно архіерейскій протодьяконъ, „многая лѣта“ революції“. Какъ бы то ни было, лучшими своими статьями легальные литераторы были обязаны тому бодрому и живому отношенію къ дѣйствительности, которымъ они заражались отъ радикаловъ. Не будь опасно приводить имена, можно было бы насчитать, по крайней мѣрѣ, десятокъ произведшихъ сильнейшую сенсацію статей, толчекъ которымъ былъ данъ какимъ либо эпизодомъ политической дѣятельности революціонеровъ, или какимъ либо пунктомъ ихъ программы.

На этомъ общемъ фонѣ оживленія литературы, отдѣльные типы литераторовъ проходять въ памяти особенно рельефно: когда жизнь была ключемъ, каждый предъявлялъ свою подлинную и, стало быть, индивидуальную физіономію... Вотъ возстаетъ предо мной величавая фигура Тургенева, Тургенева, какимъ я зналъ его въ концѣ 70-хъ началѣ 80-хъ годовъ, когда изъ мирныхъ литературно-артистическихъ круговъ Парижа онъ проѣзжалъ въ Россію, потрясенную въ то время до основанія небывалымъ движениемъ.

Тургеневъ любилъ маскироваться въ равнодушіе, когда молодая прогрессивная Россія съ болѣю и недоумѣніемъ отшатнулась отъ былаго истолкователя ея думъ, но въ душѣ онъ былъ глубоко пораженъ этимъ разрывомъ. Если его Базаровъ былъ принять еще подъ защиту Писаревымъ за то, что этотъ „мыслящий реалистъ“ рѣжетъ лягушекъ и отрицає принципы, то тотъ-же Базаровъ былъ встрѣченъ недружелюбно Антоновичемъ, который увидѣлъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ лишь „повѣсть о томъ, какъ одинъ проходимецъ изъ разночинцевъ влюбился въ важную барыню, и что изъ этого воспослѣдовало“. А „Искра“, отвѣчая на тургеневскій, какъ ей казалось, шаржъ шаржемъ, помѣстила даже рисунокъ, изображавшій Базарова на балу у буфета съ донельзя декольтированной Одинцовой и съ такой подписью:

Она: Базаровъ, скучны Вы на рѣчи:
Жути весь вечеръ да молчать.

Онъ: (уilletая 99-ый бутербродъ и бросая хищный взглядъ на Анну Павловну):

У васъ такія, право, плечи,
Что возбуждаютъ аппетитъ.

Появленіе „Дыма“ повергло читателей въ еще большее недоумѣніе. Въ этомъ романѣ отыскали презрѣніе старого европейца къ молодой странѣ: пореформенная, только что начинавшая укладываться Россія напрягала всѣ усилия, чтобы выбраться на настоящую дорогу, и неужели всѣ эти старанія только „дымъ“? Далеко не исправила этого впечатлѣнія и „Новь“. Дѣти 70-хъ годовъ, т. е. попросту революціонеры, не безъ основанія увидѣли въ Неждановѣ знакомый типъ „лишняго человѣка“, „Гамлета Щигровскаго уѣзда“, но только на сей разъ одѣвшагося въ мужицкій зипунъ, а симпатичный автору Соломинъ поражалъ ихъ такой „умѣренностью и аккуратностью“ въ своихъ реформаціонныхъ замыслахъ, что болѣко было за Маріанну, прельстившуюся этимъ кулакомъ отъ науки, этимъ новымъ воплощеніемъ Штольца изъ „Обломова“.

Но дѣти, но революціонеры платили въ жизни за зло добромъ изображавшему ихъ художнику. Именно потому, что въ ихъ средѣ большинство составляли не Неждановы, а люди сильнаго ума и удивительной энергіи, политическое движеніе въ Россіи приняло къ концу семидесятыхъ годовъ небывалые размѣры, и отраженной отъ него волной зарябиль, расшевелился и даже какъ будто кудато потекъ нашъ „философствовавшій сквозь сонъ“ либеральный міръ. Этаъ-то либеральный міръ, взбудораженный революціоннымъ движениемъ, и чествовалъ Тургенева, явившагося въ Питеръ зимою 1878-79 г. Овациіи, обѣдъ по подпискѣ, рѣчи и объятія какъ бы указывали на примиреніе русского общества съ художникомъ. Но если припомнить, кто собственно былъ на обѣдѣ и какія рѣчи тамъ говорились, то ясно видишь, что радикальная часть печати воздержалась отъ празднества. Изъ „Отечественныхъ Записокъ“, „Дѣла“ „Слова“ не было, если не ошибаюсь, ни одного сотрудника. За то было много либеральныхъ и умѣренно-либеральныхъ писателей; за этими инициаторами празднества шелъ длинный хвостъ довольно безличныхъ поклонниковъ чистаго искусства; было наконецъ, такъ сказать, для галантира нѣсколько показныхъ, именинныхъ генераловъ отъ литературы уже совсѣмъ безъ всякаго направлѣнія.... Виноватъ, была, впрочемъ, одна курсистка, которая провозгласила даже тостъ „отъ русскихъ женщинъ за автора Маріанны“. Но за то послѣ рѣчи ее чуть со свѣту не скили ея подруги прозвищемъ „г-жа Соломина“.

Отъ Тургенева не укрылось пробужденіе русского общества,

сказавшееся, между прочимъ, въ либеральномъ колорите, который инициаторы празднества старались придать ему. Но не укрылось и многозначительное отсутствие на немъ наиболѣе передовой части печати Новое поколѣніе отцовъ восторженно принимало гуманитарного европейца-художника; новое поколѣніе дѣтей своимъ воздержаніемъ какъ бы говорило ему, что съ романистомъ не сведены еще старые счеты. Тургеневъ видѣлъ, что русское общество не одинъ „Дымъ“, но художественное чутье правды подсказывало ему, что либеральные его поклонники и не тотъ огонь, который проникалъ въ то время русскую жизнь, согрѣвая надеждой думы лучшихъ людей.

Слѣдующей зимой 1879 80 г. Тургеневъ явился въ Петербургъ съ твердымъ намѣренiemъ ближе познакомиться если не съ дѣйствующими революціонерами, то съ радикальной частью печати и, главнымъ образомъ, съ „молодыми литераторами“, узнать, что волнуетъ теперь этихъ людей. И это намѣреніе онъ привелъ въ исполненіе, очень мало заботясь о литературномъ мѣстничествѣ: гора не шла къ Магомету, ну что жь—Магометъ пойдетъ къ горѣ. Онъ сказалъ одному изъ любимѣшихъ въ то время беллетристовъ народниковъ, съ которымъ онъ познакомился въ Парижѣ, что ему очень желалось бы встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ его сотрудниковъ по журналу и вообще съ его пріятелями. А такъ какъ у тургеневскаго знакомаго „пріятелями“ были по преимуществу люди радикального образа мыслей, то устраиваемое свиданіе фактически должно было поставить Тургенева въ соприкосновеніе именно съ крайней и наиболѣе молодой группой тогдашнихъ литераторовъ. На предложеніе беллетриста откликнулись, вирочемъ, далеко не всѣ. Воздержались,—что, впрочемъ, и понятно было съ ихъ стороны—самые крупные представители тогдашней радикальной печати; да еще тѣ, кто не простила Тургеневу его Базарова. Но человѣкъ 10-15 желающихъ нашлось.

Объ этихъ свиданіяхъ въ публикѣ ходили довольно странные толки. Даже гуманный и деликатный Шелгуновъ, знавшій впрочемъ объ этой попыткѣ сближенія лишь по наслышкѣ, изображаетъ ее въ своихъ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ нѣсколько въ комическомъ видѣ. Такъ онъ говорить о нѣкоемъ Р., „молодомъ, горячемъ и рѣчистомъ“, который съ полчаса-де развивалъ Тургеневу свои соціальные теоріи, а когда кончилъ, то Тургеневъ только развелъ руками и воскликнулъ: не понимаю! Послѣ, эта сцена была возстановлена довольно близко къ истинѣ въ воспоминаніяхъ С. Н. К. о Тургеневѣ, отпечатанныхъ въ „Историческомъ Вѣстнике“ лѣтъ 5 тому назадъ. Но и въ нихъ авторъ не могъ сказать всего по цензурнымъ условіямъ. Да будетъ-же позволено вашему покорному слугѣ, читатель, тому самому Р., о которомъ говорить Шелгуновъ, разказать безъ прикрасъ, но и безъ умолчаній, чѣмъ были эти свиданія съ Тургеневымъ.

Мнѣ врѣзались два изъ нихъ. Одно, самое первое, было на квартирѣ уже упомянутаго беллетриста-народника, на окраинѣ Петербурга. Громадный домъ въ глухомъ переулкѣ, небольшая квартира въ четвертомъ этажѣ и мы, ожидающіеся Тургенева и отъ кремени до времени поглядывающіе черезъ запущенныя окна на бѣльвшую снѣгомъ улицу.... Мы, т. е. самъ хозяинъ, съ его крупными чисто русскими чертами, съ его вѣчно всматривающимся куда-то, какъ будто недоумѣвающимъ взглядомъ, словно хотѣлъ онъ проникнуть въ смыслъ русской жизни и тщетно искалъ обобщающаго отвѣта на сложныя конкретныя явленія, — съ вѣчной папиросой, въ рукахъ, съ прерывистой удивительно образной рѣчью, которая порою вызывала въ собесѣдникахъ неудержимый смѣхъ, въ то время какъ говорившій еле-еле улыбался и продолжалъ бросать недоумѣвающій взглядъ куда-то вдалъ отъ себя, тѣ, очевидно, проходила предъ нимъ, какъ на смотру, цѣлая вѣреница созданныхъ имъ-же самимъ художественныхъ образовъ, типовъ, картинь, въ перемежку съ видѣннымъ и подмѣченнымъ; другой беллетристъ-народникъ, которого любили противостоять первому, какъ создателя „положительныхъ“ народныхъ типовъ, — на половину мужицкое на половину поповское, въ раннихъ морщинахъ лицо, лысина, длинныя косички на затылкѣ, растрепанная лопатой борода, которую онъ поминутно расправлялъ нервной рукой изъ-подъ шеи, витеватая, горячая, то книжная, то простонародная рѣчь; еще беллетристъ-народникъ, худощавый, съ жидкой бородкой, съ маленькими безцвѣтными, но зоркими глазами: инородца, уснащавшій свой разговоръ вѣчными эсъ-ерами, оставшимися ему въ наслѣдіе отъ чиновничьей жизни въ захолустье, но порою проникавшій какъ никто въ тайники кулацкой души или въ мірскія чувства крестьянина-ходока; публицистъ-обозрѣватель, красивый плотный брюнетъ съ иисусистымъ лицемъ, умѣвшій сочетать мягкость и гуманность чувствъ съ прочнымъ и искреннимъ служенiemъ демократическимъ идеямъ, плохо говорившій, но мужественно и тепло писавшій, скромный, убѣжденный и, какъ ни странно это, наиболѣе практический среди всей этой радикальной пишущей братіи; другъ его дѣтства, замѣчательно талантливый изобрѣтатель, но совершенно неуравновѣшенная натура, счиавшій себя тонкимъ знатокомъ людей и вещей и обманываемый на каждомъ шагу разными дѣльцами, нервный, маленький, взъерошенный, въ блузѣ залитой всевозможными кислотами, беспокойно бѣгающій по комнатѣ, словно звѣрь въ клѣткѣ, то высказывающій въ невозможной формѣ какую-нибудь очень интересную мысль, то разражавшійся какой-нибудь неожиданной странностью; милый, задушевный Гаршинъ, но о немъ, впрочемъ, рѣчь будетъ ниже; и еще человѣкъ 5-6, черты которыхъ постепенно стерло у меня время.

Тургеневъ явился нѣсколько поздно, когда уже вся компанія сидѣла и занималась чаепитіемъ за большимъ круглымъ столомъ.

Началось обычное шарканье ногами, движанье стульями, обмѣнъ ничего незначащихъ фразъ. Разговоръ не вязался. Тургеневъ, какъ истый европеецъ, старался быть любезнымъ и сказать каждому изъ новыхъ знакомыхъ какую-нибудь пріятность, наприм., дать понять автору, что онъ знакомъ съ его статьями. Но большинство изъ нась туто поддавалось на эти деликатные авансы. Мы все чувствовали, и вѣроятно это чувство раздѣлялъ и самъ Тургеневъ, что надо прежде всего отыскать какой-нибудь мостикъ между имъ и нами. Но этого-то и неудавалось сразу найти, и скоро плавная рѣчь Тургенева стала короче, принужденныя реплики, которая подавалъ ему то тотъ, то другой изъ нась, незначительнѣе. Воцарилось неловкое молчаніе...

Тургеневъ сидѣлъ, какъ сейчасъ помню, нѣсколько наискосъ отъ меня, возлѣ стѣны, близъ двери, весь залитый молочнымъ свѣтомъ лампы съ матовымъ шаромъ. Я жадно всматривался въ него. Меня поразила прежде всего громадность, мощь, пышность его фигуры. Это не былъ кающейся дворянинъ Некрасова, которому

И хлѣбъ полей, воздѣланныхъ рабами,
Идеть не въ прокъ.

Вольные хлѣба крѣпостнаго права, питавшie Тургенева въ его молодости, пошли въ прокъ. Всѣ мы, по большей части разночинцы, перебивавшіеся съ грѣхомъ пополамъ, почти ребятами выброшенными на литературный заработокъ, казались возлѣ Тургенева какими-то гвоздями, сухопарыми, испитыми, что называется безъ цвѣта и радости. Старшимъ изъ нась не было въ то время и сорока лѣтъ, а борьба за существованіе провела уже по лицу у иныхъ преждевременные складки. Но на громадномъ, благообразномъ, отчищенномъ лицѣ.... я чуть было не написалъ лицѣ.... Тургенева 60 лѣтъ не оставили почти ни морщинки. Эффектно-сѣдые волосы, бѣлая борода только еще больше отѣняли поразительную моложавость этого на половину библейскаго, на половину джентльменскаго лица, на которомъ и свѣтъ лампы лежалъ какъ-то особенно привольно и мягко. Онъ и сидя за чайнымъ столомъ былъ выше нась цѣлой головой, и его рѣчъ, плавная, сытая, я-бы сказалъ серебряная, какъ онъ самъ, лилась на нась сверху. Онъ сопровождалъ ее такими-же плавными, но громадными жестами, отъ которыхъ, казалось, должны-бы были раздвинуться стѣны маленькой комнатки, и время отъ времени словно самъ убаюкивалъ себя звуками своего голоса, и его сѣрые глаза, будто прищуриваясь отъ свѣта лампы, полузакрывались.... „Хорошо поютъ курскіе соловьи“ звучала у меня въ такія минуты при взглядѣ на Тургенева его-же фраза изъ „Записокъ Охотника“,—тѣ самые соловьи, знаете, читатель, что зажмуривають глаза отъ собственнаго пѣнія...

Тургеневъ замолкъ. Наша братія стала тянуть другъ друга за рукавъ, тщетно стараясь найти смѣльчака, чтобы начать прервав-

шайся разговоръ. Звенѣли чайные ложечки, слышались хлебки, попыхивали папиросы... Прошла минута, можетъ и другая... Молодой, горячий и рѣчистый Р., о которомъ говорилъ Шелгуновъ, не выдержалъ и сорвался съ мѣста. Но, увы, я былъ такъ настроенъ въ то время, что не могъ развивать какихъ-бы ни было соціальныхъ теорій, а тѣмъ болѣе въ теченіе полчаса. Дѣло было гораздо проще и гораздо стыднѣе для моей рѣчивости. Мне было досадно, что время уходило, а мы еще не узнали отъ Тургенева, какъ онъ смотрѣть на „злобу дня“. Казалось, эпоха была интересная: во Франціи впервые возвращались коммунары послѣ полной амнистіи; въ Россіи многіе не знали, гдѣ-же настоящее правительство, въ Зимнемъ-ли Дворцѣ, или въ конспиративной квартирѣ Исполнительного Комитета. Но Тургеневъ все время разматывалъ передъ нами нить своихъ воспоминаній. 19-лѣтній мальчикъ, — я не понималъ еще въ то время невольной прелести, которой у всякаго пожившаго человѣка окружено прошлое.

Волнуясь, начиная съ фразъ, гдѣ подлежащее играло въ невозможную чехарду со сказуемымъ, и постепенно смѣлясь, я приблизительно говорилъ слѣдующее: „Вы давно живете во Франціи и хорошо знаете и ея настоящее и прошлое; вы, конечно, знаете и Россію: каково-же ваше мнѣніе о теперешнемъ положеніи вѣщей у насъ, и не думаете-ли вы, что у насъ на носу революція? Развѣ нѣть большаго сходства у теперешней Россіи и дореволюціонной Франціи? Тамъ былъ вѣчный дефицитъ въ бюджетѣ: онъ есть и у насъ; тамъ были голодные бунты: они у насъ: тамъ раззорялись помѣщики, уступая мѣсто интендантамъ, откупщикамъ и прочимъ капиталистамъ. — и у насъ чумазый раззоряетъ „Дворянскія Гнѣзда“ (Тургеневъ при этомъ улыбнулся); тамъ абсолютный король посыпалъ за море войска, чтобы поддержать свободную Американскую республику, и въ то-же время бросалъ либеральныхъ писателей въ Бастилию: у насъ самодержець лѣзть за Балканы, чтобы насаждать конституцію въ Болгаріи, а у себя вѣшаетъ соціалистовъ и т. д.“

Выложилъ я это въ нѣсколько минутъ и какъ попало, и Тургеневъ не развелъ руками, не сказалъ: „не понимаю“, но очень заинтересовался если не убѣдительностью, то убѣжденностью оратора. Мягко и уклончиво началъ онъ возражать мнѣ на это, что онъ не пророкъ въ своемъ отечествѣ и не можетъ претендовать на предсказанія — „будущее на лонѣ у боговъ, говорить Гомеръ“, но что, по его мнѣнію, Россія далеко не такъ близка къ революціи, какъ Франція прошлаго вѣка. „Обратите вниманіе, говорилъ Тургеневъ, на одно обстоятельство: въ то время во Франціи было могущественное оппозиціонное теченіе, и всѣ мыслящіе люди, несмотря на различіе мнѣній въ прочемъ, соглашались въ одномъ: старый строй долженъ быть замѣненъ новымъ. То-ли же самое въ теперешней пореформенной Россіи? Есть реакціо-

неры, есть либералы, есть революционеры — крайние прогрессисты, поправился онъ, окинувъ нашу комнату добродушнымъ взглядомъ, какъ-бы не желая обидѣть насъ: что между ними общаго, что они все согласны уничтожить и что сохранить? А пока нѣтъ общаго могучаго теченія, въ которомъ сливались-бы отдельные оппозиціонные ручьи, о революції, мнѣ кажется, рановато говорить.... И сейчасъ-же прибавилъ: „впрочемъ, мнѣ кажется, что въ послѣдніе два года въ Россіи настроеніе борѣть какъ будто, какъ будто увеличивается интересъ къ общественнымъ дѣламъ... Поживемъ—увидимъ“, добродушно улыбнулся патріархъ-джентльменъ.

Я началъ было оспаривать этотъ пессимизмъ, указывать, что за настоящую силу въ Россіи только и можно считать что „крайнихъ прогрессистовъ“, а у нихъ у всѣхъ приблизительно взгляды не только общіе, но одни и тѣ-же. Сталъ горячиться, сердиться, по обыкновенію, на либераловъ за ихъ отсутствіе энергіи, трусливость... Меня дернула за полу одинъ изъ пріятелей: выходило действительно какъ будто неловко. Но Тургеневъ продолжалъ улыбаться и очень искусно, какъ будто и не уклоняясь отъ предмета разговора, перевелъ его на менѣе шекотливую почву. „Да, я, между прочимъ, сказалъ о могуществѣ одного общаго оппозиціоннаго теченія... Увы, и у насъ въ Россіи было такое время, но прошло. Это было въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, когда мы все, за исключеніемъ самыхъ ужасныхъ реакціонеровъ, знали что дѣлать и что свалить. Я говорю о крѣпостночѣ правѣ. Всѣ были согласны въ этомъ, и публицисты, и романисты“, и Тургеневъ припомнилъ, какой, по его мнѣнию, „преувеличенный успѣхъ паль на долю Записокъ Охотника именно потому, что тамъ мужикъ былъ представленъ такимъ-же человѣкомъ, какъ герои и геройни изъ благороднаго сословія, съ такими-же радостями и горестями, муками несчастной любви и страданіями попираемаго достоинства, способностью восторгаться и пѣніемъ птицъ, и шелестомъ прохладной дубовой рощи, и журчаніемъ ручья, тамъ, въ степномъ, оврагѣ между кустами орѣшника...“ — А изъ Васъ, господа, никто не охотится? неожиданно закончилъ свою рѣчь этимъ вопросомъ Тургеневъ.

Между нами оказалось цѣлыхъ четыре охотника, а одинъ даже и очень страстный. То былъ изобрѣтатель. Онъ выскочилъ изъ дальняго темнаго угла, гдѣ сидѣлъ все время, ожесточенно попыхивая папиросой, подошелъ совсѣмъ близко къ Тургеневу и нѣсколько неожиданно началъ: „А я вотъ, Иванъ Сергеевичъ, терпѣть не могу охоты за птицей... — то-ли дѣло за кабанами, на Кавказѣ“. И въ несложной, но замѣчательно картиинной рѣчи онъ развернуль передъ нами яркую зоологическую драму, сцену борьбы, чуть не психологическій діалогъ между двумя звѣрями, четверопогимъ съ клыками и двуногимъ съ винтовкой и ножемъ: и что сказалъ, или вѣрѣе прорычалъ междометіемъ двуногий звѣрь,

увидя четвероногаго, и что въ отвѣтъ прохрипѣлъ застигнутый въ расплохъ четвероногій, и какъ онъ хотѣлъ сначала уйти благоразумно, и какъ не могъ, и какъ рѣшился защищаться и дорого продать свою жизнь, и какимъ непреклоннымъ героизмомъ свѣтился взглядъ его маленькихъ свирѣпыхъ глазъ въ моментъ агоніи, когда охотничій ножъ вошелъ ему по рукоятку возлѣ лопатки... Мы всѣ затаили дыханіе, а охотничье и художницкое сердце Тургенева видимо вдвойнѣ таяло отъ этого поразительно нескладнаго и въ то-же время удивительно живого разсказа.

Тургеневъ остался очень заинтересованъ первымъ знакомствомъ съ нами, и слѣдующее свиданіе было назначено у одного миллионщика-мецената изъ купеческаго сословія. Великолѣпный домъ, чуть не дворецъ, толстый сѣдовласый швейцаръ со страшной булавой у подъѣзда, мраморная лѣстница вся въ растеніяхъ, вся залитая газомъ въ легкомъ синеватомъ дыму отъ громадныхъ курильницъ, длинная анфилада комнатъ, обширный кабинетъ мецената съ монументальными шкафами для книгъ, колыванскими вазами изъ порфира, дымчатой сибирской яшмы, разными бюстами и высокими пальмами... Миѣ хорошо знакомы эти парадные покои купцовъ-миллионеровъ въ которыхъ обыкновенно никто не живеть, а которые растворяются только на экстренный случай, для приема важныхъ гостей... Домочадцы, какъ и полагается, сбились въ небольшой—судя по звуку голосовъ—комнаткѣ, выходившей маленькой дверью въ великолѣпную переднюю, съ противоположной стороны которой развертывался рядъ казовыхъ комнатъ, куда наасъ попросили. Когда мы проходили мимо, дверь была слегка притворена; оттуда слышалось энергичное шлепанье картъ, звонъ монеты и возгласы: „стучу“... „три“... Очевидно, тамъ рѣзались въ стуколку.

На этотъ разъ Тургеневъ встрѣтился уже съ нами, какъ со старыми друзьями. Онъ сидѣлъ возлѣ Гаршина, къ изящному таланту котораго чувствовалъ особое влечение. Гаршинъ чуть не съ самаго начала вечера и, по обыкновенію, вкладывая всю душу въ то, что говорилъ, обратился къ Тургеневу отъ своего лица и отъ лица „молодого поколѣнія“ съ вопросомъ, который въ иныхъ устахъ могъ бы показаться совсѣмъ неумѣстнымъ. „Всѣмъ наасъ крайне интересно знать, что нужно дѣлать теперь, по вашему мнѣнію, въ Россіи, Иванъ Сергеевичъ? Вѣренъ-ли путь политической борьбы, на который стали революціонеры? Или, какъ прежде, идти въ народъ“? Въ эту минуту можно было, кажется, расцѣловать Гаршина: такъ просто, мило, и конфузясь, и какъ-бы заранѣе извиняясь за свой очень щекотливый вопросъ, онъ обратился къ Тургеневу; но многимъ изъ наасъ стало очень неловко.

Тургеневъ первую минуту дѣйствительно нѣсколько смущился, но потомъ улыбнулся и только развелъ руками, какъ-бы говоря: „ну, что съ вами подѣлаешь, большой вы ребенокъ“! „Я вижу,

началь онъ послѣ минутнаго молчанія, что молодые люди по прежнему заняты вопросомъ, чѣмъ дѣлать... Минъ кажется, имъ са-
мимъ и надо рѣшать его.... Стариковъ упрекаютъ порой, что они
перестали понимать задачи молодаго поколѣнія".... и свѣтлое ли-
цо Тургенева какъ будто потускнѣло. „Да я и живу теперь въ
Россіи только наѣздомъ и не берусь рѣшать сложные вопросы
политики... Такъ-ли надо вести дѣло, какъ оно ведется теперь,—
не знаю. Но что хожденіе въ народъ не удалось, это, кажется,
очевидно. Да и могла развѣ удастся пропаганда отвлеченностей
соціализма людямъ, вся жизнь которыхъ состоить изъ перехода
отъ одной конкретной, осязательной вещи къ другой: отъ сохи
къ боронѣ, отъ бороны къ цѣпу, а отъ цѣпа иной разъ и къ
полштофу.... особливо ежели дѣло о Покровѣ или о Рожествѣ.
Если рѣчь, которую вы ведете къ мужику, не идетъ прямо на
встрѣчу его конкретнымъ желаніямъ, онъ не станетъ вѣсть слу-
шать... Вонъ правительство нѣсколько разъ принималось внушать
мужику, чтобы онъ не думалъ того и того-то, а думалъ то-то и
то-то. А мужикъ все понималъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ ему
хотѣлось понять.... Да, вотъ, кстати, я разскажу вамъ по этому
поводу одинъ небезынтересный фактъ. Дѣло было такъ. На гра-
нице Орловской и Калужской губерній — не вдалекѣ отъ меня,
случился, не припомню точно когда, но вообще вскорѣ по от-
менѣ крѣпостнаго права, никакъ осенью 1861 года, бунтъ. Помѣ-
щикъ надуль уставной грамотой крестьянъ: отрѣзалъ у нихъ са-
мый лучшій участокъ, которымъ они пользовались крѣпостными.
Тѣ упрашиватъ барина, жаловаться къ мировому посреднику.
Послѣдній рѣшилъ не въ ихъ пользу. Мужики забунтовали, т. е.,
не взирая на отмежеваніе, отправились пахать подъ озими спор-
ное поле. Власти переполошились и надѣлали такого шума, что
объ этомъ дошла вѣсть до Государя, который случайно охотился
въ это время на лося по близости, въ дремучихъ калужскихъ
лѣсахъ. Время было горячее, волненія изъ-за „настоящей воли“
вспыхивали повсюду, и царь рѣшилъ явиться на мѣсто и само-
личнымъ увѣщаніемъ подѣстовать на бунтовавшихъ, а черезъ
нихъ, надѣясь на стouстую молву, и вообще на крестьянъ нашей
полосы. Бунтовщиковъ съ ранняго утра собрали возлѣ церков-
ной паперти. Государь извѣстилъ черезъ начальство о скоромъ
прибытіи. Цѣлый день прошелъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ"....

Тутъ Тургеневъ внезапно перемѣнилъ тонъ и съ неподражаемой интонацией въ неподражаемо-народной формѣ повѣль раз-
сказъ отъ мужика-очевидца, который описалъ Тургеневу все
царское посѣщеніе. „Ждемъ мы пождемъ, а царя все нѣть да
нѣть. Ужъ солнышко закатываться за лѣсъ стало. Отошли мы,
инда тоска на насть напала... Только глядь, по дорогѣ прямо на
насъ валить кто-то страшенній, съ усами, на конѣ: какъ подле-
тьѣль, какъ пужанеть во все горло: „такіе изъ-этакіе, на колѣни!
Государь єдетъ! Такъ мы и палиничкомъ, и лежимъ, словно на

страшной — Господи, Владыко живота моего — и головы поднять не съемъ. Много ли, мало ли мы такъ лежали, только какъ загогочеть кто-опять: Государь ёдетъ! Подняль я бочкомъ голову: вижу, не то казаки не то егаря летятъ во всю мочь и гикаютъ, а по дорогѣ, братъ ты мой, этакъ въ шагахъ въ тридцати, жарить тройка лошадей, какихъ я отъ роду не видывалъ: копыта — во каякія дуга — во какая — и Тургеневъ широко разводилъ своими мощными руками, — кучерь какъ чудо-юдо бородатое, а въ брычкѣ, значитъ, сидить самъ енъ, и того больше, шинель сърая, фуражка съ краснымъ окольшемъ, а голова, ну вотъ умри я, что пивной котель, ровно у Лукопера-богатыря. Прожегъ мимо насъ, какъ молонья какая, крикнулъ зычно таково: стой! и остановился шагахъ въ пяти отъ насъ. „Вставай, пгавасгавные“! а голосъ, какъ труба, только что съ картавинкой, какъ у нашей старшей барышни. Мы вскочили. Стоять царскія лошади, что вкопанныя, и ямщикъ, какъ астатуй какой, сидѣть, а царь, не слѣзая, приподнялся, повернулся, знычитъ, къ намъ съ брычки, черезъ верхъ спущеный, да и началъ говорить грозно такъ сначала, да слова все какія-то мудреные, а потомъ словно-бы смиловался, а подъ конецъ опять закричалъ: „повиноваться господамъ помѣщикамъ, повиноваться вамъ имъ“! Да какъ подыметъ руку, да какъ погрозитъ намъ ба-а-альшущимъ пальцемъ, да какъ крикнетъ кучеру: айда! Лошади опять, какъ молонья, въ гору по дорогѣ, промежъ лѣску, а солнышко ужъ съло, и заря даже погорѣла, а царь все держится за брычку, стоитъ къ намъ обернумши, да пальцемъ грозитъ, а палецъ-то евойный — во какой, что столбъ, по небу-то по огневому качается“.... Ну и что-же, спрашиваю я мужика? продолжаетъ Тургеневъ, убравши свой не меньше царскаго палецъ. „Ну, вѣстимое дѣло, и повиновались, только ужъ и драли насъ за это!“ — Какъ, за что, за это? недоумѣвалъ я. ..Да мы, знычитъ, землю ту у помѣщика такъ и отпахали. — Какъ отпахали? А развѣ вы не слыхали, что вамъ царь-то говорилъ, чтобы вы повиновались помѣщикамъ? — „Эхъ, баринъ, мы люди темные, мы разсулили, что накричатъ-то онъ на насъ только страху для накричалъ, а что приказъ отъ него былъ помѣщикамъ, чтобы, значитъ, теперь то ужъ ихъ благородіямъ да намъ символы повиноваться: буде-ста имъ надѣ нами мудровать...“ Такъ вотъ видите, какъ трудно мужику вбить въ голову, то что ему не по душѣ“ и Иванъ Сергеевичъ снова улыбнулся.

Я передаю лишь оставъ этого разсказа и, по возможности, слова, какія остались у меня въ памяти. Но какъ передать мастерской тонъ Тургенева, его жесты, мужицкое выраженіе его лица? На насъ этотъ разсказъ произвелъ глубокое впечатлѣніе.

Тургеневъ вскорѣ уѣхалъ изъ Питера въ свое орловское имѣніе, но не забылъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Если напечатаются когданибудь его письма изъ этого времени къ тому же беллетристу-народнику, который насъ познакомилъ съ Тургеневымъ, то изъ

нихъ читатель убѣдится, какъ Иванъ Сергеевичъ слѣдилъ за литературной дѣятельностью нашей братіи, и не только за беллетристикой, но и за публицистикой, и не разъ встрѣтятся въ нихъ разсужденія по поводу напр. той или другой чисто-экономической статьи. Не забывали и мы его, и когда года два спустя въ редакцію одного артельного журнала, который издавался въ то время нѣкоторыми изъ настъ, было прислано довольно ядовитое стихотвореніе на Тургенева, громадное большинство артельщиковъ рѣшило не печатать его.

Исторія вышла такая. Иванъ Сергеевичъ написалъ въ это время свою надѣлавшую много шума „Пѣснь торжествующей любви“. Нѣкоторые старались отыскать въ ней какую-то политическую аллегорію. Но многіе были прямо возмущены этой, какъ имъ казалось, отчужденностью Тургенева отъ русской жизни и ея вопросовъ, его „тупочувственностью“, какъ говорилъ одинъ мой пріятель, умнѣйший человѣкъ. И вотъ нѣкій адвокатъ-радикаль, тотъ самый, который, увлекшись героическими фигурами дѣвушекъ-пропагандистокъ процесса 50-ти, написалъ знаменитое въ свое время стихотвореніе:

Мой тяжкій грѣхъ, мой замыселъ позорный
Суди судья, но проще, но скорѣй,—

этотъ адвокатъ не могъ простить Тургеневу его экскурсіи въ область „чистаго искусства“ и сочинилъ довольно удачную пародію на тургеневскую фантазію. Изъ пародіи я помню только описание первого визита таинственнаго музыканта къ прекрасной сеньйорѣ:

„Посмотри“, и вверхъ ногами
Предъ сеньйорою сталъ гость,
Опираясь волосами
На бамбуковую трость...

да финаль, слѣдующій за паденiemъ загипнотизированной сеньйоры, когда она обращается къ мужу съ мольбой о помилованіи:

„Извини, прости, мой милый...
Извиви: вѣдь я — во снѣ...“
Написалъ блондинъ картину
На брюнетовой спинѣ...

Каково-бы ни было, впрочемъ, мнѣніе публики объ умѣстности „Пѣсни торжествующей любви“, Тургеневъ искупилъ ее, написавши въ это же время такую поразительно-сильную и всю проникнутую сочувствиемъ къ революціонерамъ вещь, какъ его „Напорогъ“.

На ряду съ фигурой Тургенева, вѣроятно по закону контраста, всплываетъ въ моей памяти то скорбное, то улыбающееся, но всегда симпатичное лицо Гаршина. То дѣйствительно была противоположность Тургеневу. Этотъ — громадный, сѣдовласый, величавый и, насколько мнѣ казалось, наслаждавшійся дѣйствительностью, какъ материаломъ для художественнаго творчества, или

по крайней мѣрѣ для художественного наблюденія. Тотъ — небольшой, черный, волнующійся, страстный, любящій и ненавидящій дѣйствительность прежде всего ради нея самой, но вслѣдъ за тѣмъ отвѣчавшій на это первое впечатлѣніе художественнымъ изображеніемъ взволновавшаго его виѣшнаго міра и художественнымъ возсозданіемъ своей собственной взволнованной души. Гаршинъ могъ по праву сказать о себѣ съ однимъ французскимъ поэтомъ:

Сердце мое, что воздушная лягушка:
Тронешь его — и аккордъ зарыдалъ.

Какъ сейчасъ помню его красивое, нѣсколько смуглое лицо южанина, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ, съ длинными черными волосами и короткой бородкой; его каріе искристые и вдумчивые глаза, которые оставались печальными даже въ то время, когда онъ смеялся; его нервно подергивавшіяся губы; его торопливый движенія; и его голосъ, западавшій глубоко въ сердце своей необычной интонацией, своимъ пѣвучимъ переходомъ отъ высокихъ нотъ къ низкимъ, своей странной, я бы сказалъ, гармоничной надтреснутостью, которая порою производила впечатлѣніе рыданій. Познакомился я съ нимъ на редакціонномъ собраниі одного журнала. Когда я узналъ, что передо мной былъ авторъ „Трехъ дней“ и „Одной изъ многихъ“, я не могъ удержаться, чтобы не сказать ему, какую глубокую симпатію я и мои товарищи питаемъ къ его гуманному, изящному таланту. Онъ встрепенулъся, но для него дѣло было, очевидно, гораздо менѣе въ похваляхъ, чѣмъ въ томъ, что онъ, художникъ — человѣкъ произвѣдилъ впечатлѣніе на читателя-человѣка, что его творчество устанавляло словно электрическій токъ симпатіи между людьми, которые раздѣляли его гуманную любовь къ человѣку вообще, и своей изящной формой затрагивало даже индифферентистовъ.

Когда мнѣ говорять о тенденціозныхъ писателяхъ и противостоятъ имъ чистымъ художникамъ, мнѣ всегда припоминается Гаршинъ: ужъ кто какъ не Гаршинъ обращалъ вниманіе на изящество формъ, кто какъ не онъ дорожилъ способомъ выраженія, стало быть чистымъ искусствомъ, и кто въ то же время какъ не онъ былъ болѣе тенденціозенъ въ томъ смыслѣ, что во всякой его вещицѣ была идея, глубокое чувство къ людямъ, отзвукъ на ихъ страданія. Но вся его тенденціозность заключалась въ его чуткой туго натянутой душѣ, звучавшей, не скажу въ унисонъ, а въ сложный аккордъ съ явленіями жизни, аккордъ, не исключавшій порой мучительного диссонанса. Его волновали вопросы, которые волновали лучшихъ людей его времени, и, потрясенный ими, онъ не могъ не звучать въ отвѣтъ, и звучалъ, все звучалъ, пока не порвалась его тонкая организація... Борьба русскихъ соціалистовъ съ правительствомъ производила на него страшное впечатлѣніе; прекрасныя и въ художественномъ смыслѣ фигуры революціонеровъ глубоко потря-

сали его, а безмысленная реакція, которая скосила цѣлое поколѣніе лучшихъ русскихъ людей, опрокинула и безъ того неустойчивое душевное равновѣсіе Гаршина. Съ этой стороны Гаршина мало знаютъ; я на это и обращу какъ разъ вниманіе.

Покушеніе за покушеніемъ, исходившія отъ народовольческой организаціи, создали такую атмосферу, что люди и не имѣвшіе никакого касательства къ партіи были тоже въ эту точку. Такъ Млодецкій стрѣлялъ въ Лорисъ-Меликова. Вѣсть о покушеніи глубоко волновала весь Петербургъ. За два дня до казни Млодецкаго мнѣ пришло случайно почевать у Гаршина. Онъ жилъ въ то время по Садовой, въ огромномъ домѣ Яковлева, панимая меблированную комнату вмѣстѣ съ художникомъ М., тѣмъ самыемъ, къ рисункамъ котораго „Табакъ“ Гаршинъ сочинилъ текстъ въ стихахъ, начинавшейся такъ:

Злакъ благодатный,
Дымъ ароматный
Ты намъ даешь...

Мы уже давно улеглись съ художникомъ, а Гаршинъ все еще былъ на ногахъ, нервно бѣгалъ по комнатѣ, что-то писалъ — и рвалъ и опять писалъ, пиль воду стаканъ за стаканомъ, ломалъ въ отчаяніи руки, сдерживая рыданія, наконецъ наскоро накинулъ пальто и шапку и выбѣжалъ... Мы заснули... Часовъ въ 9 утра вѣѣгаешь къ намъ, какъ сумасшедшая, коридорная женщина и просить насъ встать, такъ какъ къ намъ идутъ частный приставъ съ околодочнымъ... Съ просонья мы не могли ничего понять. „Здѣсь квартируетъ г. Гаршинъ-сь?“ освѣдомился просунувшій свой носъ въ дверь приставъ. — Здѣсь... А что? „Я присланъ по начальству справиться, точно ли здѣсь квартира г-на подпоручика Гаршина и жилъ ли онъ здѣсь до послѣдняго времени?“ — Не только жилъ, а живеть и вышелъ нѣсколько часовъ тому задъ и можетъ быть сейчасъ же вернется“. Намъ показалось, что на послѣднія наши слова полицейской носъ улыбнулся, зная, очевидно, объ этомъ больше нашего. Дверь захлопнулась.

Безпокойство овладѣло нами. Мы вскочили, наскоро наспились чаю и отправились по разнымъ знакомымъ разыскивать Гаршина. Его никто не видалъ. Такъ прошелъ мучительный день, наступилъ другой. Я сидѣлъ въ одной редакціи. Вдругъ является туда Гаршинъ, нервный больше даже чѣмъ по обыкновенію и страшно сконфуженный. Онъ бросился, какъ малое дитя къ матери, къ одному своему близкому пріятелю и сейчасъ же потащилъ его въ отдѣльную комнату: „мнѣ надо поговорить съ вами, голубчикъ, непремѣнно надо“, твердилъ онъ умоляющимъ голосомъ. Минутъ 10 спустя, онъ выскочилъ въ редакціонную комнату, а оттуда въ переднюю и вдругъ, вернувшись на минуту, обнялъ своего собесѣдника и снова умоляющимъ голосомъ заговорилъ: „Вы не сердитесь, голубчикъ, на меня? Нѣть, не сердитесь? Скажите, что не

сердитесь... Ахъ, мнѣ и безъ того тяжело...“ Получивъ успокоительный отвѣтъ, Гаршинъ скрылся.

Вотъ что, оказалось, сдѣлалъ внезапно ушедшій отъ насъ ночью Гаршинъ. Когда онъ узналъ, что Млодецкій послѣ завтра долженъ быть повѣшенъ, онъ рѣшилъ сначала написать къ Лорисъ-Меликову письмо, прося въ немъ помиловать Млодецкаго. Но ему все казалось, что у него выходитъ не достаточно краснорѣчиво, и онъ рвалъ листъ за листомъ. Наконецъ, онъ предпочелъ пойти къ Лорису, чтобы при личномъ свиданіи объяснить тому всю необходимость простить стрѣлявшаго. Онъ, дѣйствительно, явился въ 6 часовъ утра и настойчиво просилъ дежурнаго офицера передать его, гаршинскую, визитную карточку спавшему еще въ то время всемогущему диктатору. Лорисъ-Меликовъ, который любилъ прикидываться человѣкомъ образованнымъ и даже слѣдящимъ за отечественной литературой, вспомнилъ, что дѣйствительно есть такой себѣ на свѣтѣ писатель Гаршинъ, и припомнилъ, кромѣ того, что онъ зналъ этого Гаршина еще раньше, какъ добровольца во время русско-турецкой войны: Гаршинъ былъ даже раненъ тамъ и получилъ, кажется, чинъ подпоручика за храбрость. Лорисъ былъ заинтересованъ раннимъ посѣщеніемъ неожиданного просителя и принялъ его не въ урочный часъ.

Сначала Гаршинъ пытался горячо доказывать диктатуру, какъ было бы гуманно, тактично и даже полезно въ общественномъ смыслѣ съ его стороны помиловать Млодецкаго, тѣмъ болѣе, что этотъ покушался именно на Лорисъ-Меликова, да и покушеніе не удалось. Но Лорисъ и тутъ показалъ себя тѣмъ, чѣмъ всегда былъ: дряннымъ честолюбцемъ и шкурнымъ человѣкомъ, разыгрывавшимъ роль самоотверженаго государственного дѣятеля. Онъ сталъ прятаться за высшіе принципы, за необходимость неукоснительнаго подавленія преступленій, говорилъ, что будто бы прощеніе Млодецкаго зависить не отъ него, а отъ государя. Взволнованный до глубины души Гаршинъ вздумалъ прибѣгнуть къ военной хитрости: „Графъ, крикнулъ онъ, а что вы скажете, если я брошусь на васъ и оцарапаю: у меня подъ каждымъ ногтемъ маленький пузырекъ смертельного яда, малѣйшій уколъ—и вы мертвы“. Конечно графъ отлично видѣлъ своего страшнаго врага, этого симпатичнаго, еле державшагося на ногахъ отъ волненія юношу, и отлично понималъ наивность угрозы. Но все таки не преминулъ разыграть великаго храбреца: „Гаршинъ, вы были солдатомъ, а я и теперь, по волѣ Монарха, солдатъ на посту; какъ же вамъ пришло въ голову пугать меня смертью: сколько разъ мы смотрѣли ей съ вами въ глаза“. Обезкураженный Гаршинъ и не замѣтилъ всего комизма этого актерства, былъ даже тронутъ отвѣтомъ Лориса и вдругъ, зарыдавъ, снова сталъ умолять азіата-царедворца помиловать Млодецкаго, дошелъ чуть не до обморока; наконецъ, добился отъ Меликова обѣщанія хоть на время отложить казнь и

снова разсмотрѣть дѣло... Какъ и слѣдовало ожидать, обѣщаніе не было исполнено, и Млодецкаго вздернули въ заранѣе назначенный срокъ.

На Гаршина это подействовало ужасно. Онъ теперь вѣчно все торопился куда-то, хваталъ себя за голову, словно стараясь вспомнить что-то, зачастую говорилъ съ какимъ-то воображаемымъ собесѣдникомъ. Весною 80 г. товарищи рѣшили отправить Гаршина куда-нибудь подальше изъ Питера, который въ то время разинчивалъ людей и съ болѣе крѣпкими нервами. Остановились на югѣ, на родныхъ. Путешествіе это, какъ оказалось, было цѣлой печальной одиссеей. Гаршинъ пріѣхалъ домой лишь чрезъ два-три мѣсяца послѣ всевозможныхъ приключеній совершенно больнымъ душевно. Между прочимъ, онъ заѣхалъ по дорогѣ въ Ясную Поляну къ Льву Толстому, а отъ него пустился по окрестнымъ деревнямъ, купилъ верховую лошадь и евангеліе, надѣлъ крестьянскій полушибокъ и останавливался то тамъ, то здѣсь, читая мужикамъ евангеліе, толкуя больше на тему прощенія врагамъ: читатель пойметъ связь этого съ предыдущимъ. Начальство переполошилось, но дѣло скоро было выяснено. и Гаршина отправили къ матери, если не ошибаюсь, въ Харьковъ. Здѣсь его болѣзнь вылилась въ болѣе яркія и въ то-же время очень типичныя формы. Толстой лишь нѣсколько лѣтъ спустя додумался до того, что въ деньгахъ все зло міра. Гаршинъ уже въ то время разсуждалъ гораздо радикальнѣ и логичнѣе. Сами деньги выростаютъ лишь изъ обмѣна, а обмѣнъ изъ раздѣленія труда. Зло міра лежитъ, значить, въ раздѣленіи труда. Стоить каждому изъ насъ выучиться производить все для себя, не нуждаясь ни въ раздѣленіи труда, ни въ обмѣнѣ, и сама собою падетъ необходимость въ деньгахъ, и зло исчезнетъ съ лица земли. И вотъ Гаршинъ начинаетъ усердно заниматься дубленіемъ полушибковъ, шитьемъ сапоговъ и дѣланіемъ посуды: въ его кабинетѣ стоять гончарный станокъ, валяются колодки, киснутъ кожи.

Къ лѣту 1880 г. его помѣшательство приняло острую форму. Мне пришлось быть въ то время проѣздомъ въ Орль, куда пріѣхалъ поразвлечься и Гаршинъ со своимъ родственникомъ. Услыхавъ о моемъ пребываніи тамъ, онъ рвался увидѣть меня, но не засталъ меня на квартирѣ, послѣ чего куда-то исчезъ, страшно встревоживъ своего спутника. Тотъ принесъ мнѣ на слѣдующій день записку отъ Гаршина, и у меня и теперь еще стоитъ передъ глазами этотъ дрожащий, галопирующий по бумагѣ почеркъ, почеркъ человѣка, на котораго нахлынули события и увлекаютъ его, а онъ тщетно старается справиться съ этимъ быстрымъ потокомъ. Всеволодъ Михайловичъ поставлялъ меня въ извѣстность, что теперь онъ не видитъ иного исхода для Россіи какъ въ кровавой революціи, что центромъ ея онъ избралъ Орелъ, что мѣстный генераль, кажется Дараганъ, на нашей сторонѣ, и что самъ онъ идетъ въ народъ подготовлять восстаніе...

Если не ошибаюсь, это душевное состояніе Гаршина въ 1880 г. было художественно-трагично передано имъ въ написанномъ года три спустя „Красномъ цветкѣ“. Къ этому времени пріятели его стали было надѣяться, что, заплативъ дань своей болѣзнейной воспріимчивости, Всеволодъ Михайловичъ дастъ, наконецъ, чѣлый рядъ высоко-художественныхъ произведеній, которыми могла-бы гордиться русская литература: немногое, написанное имъ, было, казалось, порукой. Но судьба рѣшила иначе: всѣ знаютъ печальный конецъ Гаршина. И въ этомъ концѣ важная роль принадлежитъ тѣмъ по истинѣ ужаснымъ условіямъ, которыя пережила русская интеллигенція начала 80-хъ годовъ, раздавленная, растоптанныя на корню дикимъ произволомъ — это „поколѣнья проклятое богомъ“, героизмъ, борьбу и страданія котораго восхищается принадлежавшій къ нему Якубовичъ.... Всякий разъ, какъ мнѣ приходится думать о гармоничномъ соединеніи художника и человѣка, передъ моими глазами проносится скорбная тѣнь Гаршина. Кончаю эти воспоминанія надеждой, что скоро эта мученическая роль гуманистъ писателей въ Россіи кончится благодаря тѣсному союзу мысли и жизни, литературы и революції!

ОТЧЕТЪ

По изданіямъ Группы Старыхъ Народовъльщевъ (за 1893 годъ).

Приходъ:

Оставалось къ январю 1893 года.	Фр. 658 95
Членскихъ взносовъ	215
Отъ француза черезъ П. Л.	350
Продано изданій	489 95*)
Пожертвовано въ пользу изданій Группы	215 45**)
Изъ денегъ, передан. М. И. неизвѣстн. на спец. изд.	350
Съ Дона 81 рубль 20 копѣекъ	210 70
Отъ С. Г.	200
Изъ Б. черезъ Р.	50
Изъ Россіи 10 рублей	25
Отъ доктора Р.	20
Изъ Берл. черезъ П. Л.	12
Изъ Англіи	13
По листкамъ	105 55

Итого Фр. 2915 60

Расходъ:

Издание 1-го выпуска: „Основы теоретического соці- ализма и ихъ приложеніе къ Россіи“	Фр. 440 50
Издание брошюры „Самоубійство Савицкаго“	160
Издание 2-го вып. „Матер. для ист. русск. с.-р. дв.“	736 25
Издание брошюры „14-е Іюня“	121 65
Добавочные расходы по изданію „Оп. ист. мысли“	200
Почтовые расходы въ Женевѣ	117 10
Почтовые расходы въ Парижѣ	69 70
На дѣло Савицкаго	50
За переписку	10
На стачку	5
Приплата за книжный складъ	20

Итого Фр. 1930 20

Остается къ 1-му января 1894 года Фр. 985 40

*) Въ эту сумму входятъ 50 фр. 65 с., полученные изъ Америки черезъ Фр.

**) 160 фр., получ. изъ Цюриха и помѣченные во 2-омъ вып. и 55 фр. 45 с. полученные „Изъ К.“

Отчет Центральной кассы (въ Парижъ) для вспомоществования политическимъ ссылочнымъ и заключеннымъ.

Съ ноября 1892 г. по мартъ 1894 г.

Въ кассѣ имѣлось въ ноябрѣ 1892 г. 1425 фр. 5 с.

Приходъ: Изъ Женевы черезъ Д., 485 ф.—Изъ Женевы черезъ Д. купонъ въ 2 р. 50 к. (6 ф. 50 с.)—Изъ Цюриха отъ „Сибирской кассы“, 440 фр.—Изъ Парижа отъ 3-хъ русскихъ женщинъ, 10 фр.—Черезъ П. Л. по подписаному листу № 17, 30 фр.—Изъ М. отъ Г., 63 фр. 50 с.—Изъ Берна отъ Р., 8 фр.—Изъ Мюнхена черезъ П. Л., 12 ф. 50 с.—По сборному листу № 9 „Сибирской кассы“ изъ Берна, 28 фр. 20 с.—Отъ М. изъ Карлсруэ, 4 фр.—Отъ кружка помощи ссылочнымъ черезъ Л., 73 фр. 50 с.—Дополнительный взносъ по листу № 11, 1 фр.—По листу (потерянному) № 16, 5 фр.—Изъ Цюриха, собрано на вечерѣ въ пользу „Сибирской кассы“, 25 фр.

Всего 2612 фр. 25 с.

Расходъ: Съ ноября 1892 г. по мартъ 1894 г. 536 фр. 40 с.

Въ кассѣ имѣется (не считая процентовъ) 2075 фр. 85 с.